

Георгий Комиссаров

«Союз нерушимый...»

Цикл «За СССР»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Георгий Комиссаров
«Союз нерушимый...»

«Автор»

2021

Комиссаров Г.

«Союз нерушимый...» / Г. Комиссаров — «Автор», 2021

«Мировой Союз» пришёл на смену СССР и мировой системе социализма. Разрушена Берлинская стена и Железный занавес. Произошло объединение Германии, которая стала одним из Регионов Мирового Союза. США погрязли в беспорядках и безвластии, в следствии непризнания итогов выборов Президента и разгрома толпой Белого Дома и Капитолия. Удастся ли новому Союзу стать единственной супердержавой? Сможет ли он помочь США выйти из кризиса или наоборот, покончит с «врагом № 1» раз и навсегда? Это и многое другое Вы узнаете из этой книги. Представляю Вашему вниманию продолжение цикла «За СССР», в который уже вошли книги: «Чехословакия 1984 года», «21-84, ах, как хочется вернуться...или свернуть», «Вы за обновлённый СССР?», «Мы наш, мы новый...». Герои прежние и новые. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. Содержит нецензурную брань.

© Комиссаров Г., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Вступление	5
Глава 2. «Мороз крепчал...»	6
Глава 3. «Мороз крепчал...» (продолжение)	47
Глава 4. «Весна идёт, весне дорогу...»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Георгий Комиссаров

«Союз нерушимый...»

Глава 1. Вступление

Давно мне не снилось ничего подобного. А всё эти экзамены. Опять перенапряжение. Или это спор с философом на меня так подействовал? Вот нужно мне было вступить с ним в дискуссию на экзамене? А всё эти дурацкие вопросы в билетах. «Каким Вы видите гражданское общество при коммунизме?» И тут «Остапа понесло» в такие дебри. «Остап», если что, это я.

В итоге, заслуженный тройбан, без пересдачи и очередной тревожный сон.

Опять какая то телестудия. Это я уже научился понимать. Снова годовщина чего то связанного, с крахом СССР. Ага, ясно. Выборы на альтернативной основе в Верховный Совет СССР. В итоге, пролезла туда куча ярых антисоветчиков. Вон их показывают. Из психушек прямиком на главную в стране трибуну влезли. А люди советские наши то доверчивые. Раз человек на трибуне это говорит, значит это правда. Старичок-пенёк трухлявый, потом крикливая баба, у нас таких «чорнорота» зовут, затем явно психическая, в очках, как у тортилы. И всем недовольны. Прямо вот все 70 лет не туда идём. Не то строим. И даже неправильно Великую Отечественную Войну выиграли. Лучше было сдаться и пить сейчас «Баварское» пиво. В этом моменте я от возмущения проснулся и обнаружил себя остервенело давящим подушку.

А всё этот философ. Видите ли ему не хватает «трибун» для донесения до общественности его идей. Нет. Он до такого, как та бабища в моём сне, недоговорился. Максимум, на что его хватило, так это на «переосмысление достижений прошлого». А теперь уже я понял, что эта гни..а имела ввиду. Не возведение, например, на должный пьедестал Ржевской битвы, в один ряд с битвами за Москву, Сталинградской и Курской, как это произошло совсем недавно, в ознаменование 45-летия её завершения и освобождения Ржева от гитлеровских захватчиков. Кстати, её масштаб и значение в своё время подчеркнул Сталин, приехав на следующий день туда лично. Это был первый и последний его выезд на фронт. Если не считать, что он находился во фронтовой Москве, когда немцы подошли к Химкам и высадили десант на Ленинских Горах, с расчётом его тут захватить. Решив, что у него здесь дача.

Так вот. Теперь мне очень сильно кажется, что такие типы, как этот философ, если и хотят что-то «пересмотреть и переосмыслить», так только в сторону умаления заслуг других. Своих то особо нет.

Вот и ведут такие разговоры. Да и вопросы в билеты тоже с «двойным дном» вставляют. Какое может быть гражданское общество при коммунизме? Маркс с Энгельсом стояли на том, что при коммунизме оно только и будет. Так как все государственные институты вместе с государством отомрут. И всё будут решать пристыженные граждане обычным волеизъявлением большинства. Правда у Ефремова, где коммунизм более детализован, есть такие, кто права голоса не имеет. И есть Галактический Совет или что-то типа Галактического ООН.

Но этот философ явно из меня тянул фразы, типа: «И раз мы строим коммунизм, то нужно строить гражданское общество и передавать ему всё больше полномочий. А главным и временным препятствием есть, как раз однопартийность. Которая не позволяет некоммунистам в должной мере влиять на дела в стране».

Конечно, я ему возразил Ленинским определением, что «Профсоюзы – школа коммунизма». Его аж перекосило.

– Но Санычу сообщить о сне нужно. Хотя и не срочно, – решил я, немного успокоившись.

Глава 2. «Мороз крепчал...»

– Всё вышло, как аналитики и предсказывали, – подумал удовлетворённо Саныч, перечитывая последние отчёты о ситуации в США.

Уверенную победу одержала эта «сладкая парочка», как их уже окрестили газетчики, то есть «БлэкВест» стал Президентом, а вице-президентшей стала или стал, нужно уточнить, Джамил Хигинс. Мужчина, превративший себя в женщину, лидер движения ЛГБТ.

Их выдвижение в декабре прошлого года прошло весьма успешно и имело положительный эффект на события. То есть в Америке стало всё успокаиваться. Конечно, не без нашего участия.

Как ни странно, пока решили «лежашего врага №1» не добивать. Много в Мире было завязано на США и рушить эту стабильность никто не хотел. Всё таки вторая Мировая экономика. Самый крупный должник и импортёр. Если его не станет, то многие страны тоже сильно пострадают. Кто-то лишится рынка сбыта своих товаров, а кто-то и вложенных денег в долг США. Например, только Мировому Союзу, США должны около 1 трлн. рублей. И это без учёта ущерба от их сейсмооружия. Хотя здесь ограниченный круг лиц достоверно знает, что США тут не при чём.

Хорошо в США восприняли и «последнего министра» в качестве временного Президента.

Шоу с его выступление на развалинах Капитолия перед толпой людей, журналюг и телекамер на фоне кучки выживших сенаторов и конгрессменов побило все рекорды по популярности.

И если и были желающие оспорить его власть, то его популярность, в купе с небольшим сроком до выборов, не давали им шансов на успех.

Все, кто считал себя более достойным, тут же кинулась регистрироваться в кандидаты на участие в выборах Президента, которые тут же были назначены на 1 февраля 1989 года. И проводиться они будут по новому закону, прямым голосованием граждан США.

Так же была оглашено новая Администрация. Её состав вызвал шквал критики. Но небольшие сроки её полномочий быстро погасили волну негатива. Все переключились на президентскую гонку.

Губернаторы всех штатов тоже положительно восприняли и.о. Президента и дали ему присягу.

«Калиф на час», – его стали называть.

Но он сам так, наверное, не считал, и уже через неделю, когда его власть достаточно укрепилась, он повёл «самостоятельную игру». Как он это всем представлял. На самом деле это начало подавать первые признаки жизни «глубинное государство». Те, кто уцелел, конечно.

– Да, не всех зачистили, – досадовал мысленно Саныч.

«Сладкая парочка» не нуждалась в особой поддержке и все попытки с ней договориться отметала. Вокруг неё создалось крепкое движение всех и вся недовольных. От расистов и мормонов до «черных братьев» с ЛГБТ.

За «сладкую парочку» неслись призывы и проповеди всех мало-мальски известных проповедников и кликуш не титульных конфессий. За них агитировали все представители шоу-бизнеса.

Неожиданно заявил о себе, как кандидат в Президенты, и «последний министр». Видимо повёлся на посулы «новых хозяев Америки» и решил показать «самостоятельность». Публично порвал со «сладкой парочкой» и выступил поборником «традиционных ценностей». Призвал всех белых и чёрных, объединится под лозунгом: «Вера, язык, моя семья, Америка».

Под его знамёна, совершенно неожиданно, встала бывшая гражданская жена «БлэкВеста», которую «последний министр» тут же взял себе в качестве кандидата в вице-президенты. Таким образом нейтрализовав влияние конкурентов на чёрных и женщин, избирателей.

А всё было по причине скандала, разгоревшегося прямо в ходе очередного шоу кандидатов, когда «сладкая парочка» очень тесно обжималась на сцене, чем вызвала приступ ревности у подруги возможного будущего Президента.

Прямо там, на сцене, произошла драка между женщинами. Вернее, между настоящей негритянкой и белой женщиной-мужиком. Женщина-мужик, служил до этого в морской пехоте США и естественно побил «слабую, несчастную, обманутую и брошенную, чернышку». Это тут же подхватили и раскрутили конкуренты «сладкой парочки». Но это им не помогло. Тут же всплыл компромат на «последнего министра» и на возможных членов его будущей Администрации. Это были отголоски той волны компромата, что захлестнула Америку летом прошлого года и которая ещё не сошла. Время от времени выплёскивая новые и новые его порции.

На «сладкую парочку», кроме и так всем известных их пороков, ничего не было.

Поэтому победа была с разгромным счётом, то есть с перевесом в 30 процентов голосов избирателей, 55 против 25 процентов у «традиционщиков», как уже называли новое движение в США.

Сейчас, после утихших страстей президентских выборов, всё внимание обращено на принятие закона о референдуме по выходу штата из состава США и по условиям такого выхода.

Интенсивно обсуждаются варианты раздела активов и обязательств. Пропорционально вкладу в ВВП или по «нулевому варианту». Большинство склоняются к последнему. Это даст возможность новым государствам всё начать «с нового листа», без долгов и обязательств, но и без активов. А в Мире не будет неразберихи с обязательствами США.

Но до окончательного варианта ещё далеко. Тем более, что после умиротворения Америки, в среде сепаратистов произошёл прогнозируемый раскол.

Экономическая ситуация в США была на удивление стабильной. Волна погромов затронула в основном госучреждения, магазины и зажиточные районы, которые не успели обеспечить себя вооружённой охраной или договориться с «руководителями уличных протестов», которые себя называли «полевыми командирами», будучи просто главарями уличных шайк и банд, воспользовавшихся временным безвластием.

Производство, строительство, логистика, финансы и банки вообще не пострадали. И даже сейчас на подъёме, в связи с началом восстановления всего порушенного.

Новая Администрация пошла на беспрецедентные шаги и пересмотрела экстренно бюджет. Сократила военные расходы. Прежде всего в области НИОКР и закупки новых вооружений. Полностью прекращено финансирование космических программ. Объявлено о сокращении армии до состояния на начало второй мировой войны. То есть фактически останутся территориальные силы самообороны и национальная гвардия.

Объявлена полная демобилизация. Пока тех, кто служил за пределами США. Их вывозят экстренно в южные штаты. Где тепло. И там размещают прямо в поле. В палатках. Там же размещают и вооружение.

Это создало новый очаг напряжённости.

Но по совету наших экспертов и советников в новой Администрации, бывшим военнослужащим США выдают большие суммы в качестве выходного пособия и различные компенсации, а так же жилищный сертификат, для обзаведения квартирой или домиком, в любом месте США, кроме крупных городов.

Благо, после сокращения военных расходов почти на 100 млрд. долл. деньги на это есть. А ещё будет экономия через пол года, когда прекратятся выплаты уволенным в запас. Там будет гигантская сумма, почти 250 млрд. долл.

По совету наших же экспертов, отменять выплаты будут только тем, кто не найдёт к тому времени работу. А для этого организуются массово курсы по переобучению на новые профессии. В том числе и для открытия своего дела, с выдачей начального капитала в долг без процентов на 50 лет. С дальнейшим его списанием.

Саньч читал всё это, а перед глазами была другая реальность из головы «носителя», то есть Дэна.

Там СССР оказался в такой ситуации. И выводил свои военные контингенты в открытое поле, и не в тёплую Флориду или Калифорнию, где даже зимой +20. А выводил за Урал, по дебильному договору об ограничении войск в Европе. А там зимой доходит до – 40. И это с семьями. Иногда и без палаток. Жили прямо в танках, БТРах и БМП. Кому повезёт, то в армейских КУНГах. Жуть. И пособие выдавали мизерное, которое съедала инфляция. А жилищные сертификаты были фикцией. И только за очень большие взятки можно было по ним получить какую ни будь конуру в умирающей деревне. Офицеры, цвет нации. Кто спивался, кто стрелялся. А кто и в банды уходил. Военные навыки не пропёшь. Вот и шли в «киллеры». Кто на что учился. Одни в снайпера, другие в подрывники, третьи в мастера ближнего боя, иногда в телохранители или антикиллеры. Многие уехали воевать за чужие интересы, даже во французский иностранный легион шли служить от безнадёги.

– Но сейчас тут Вам не там, – с удовлетворением отметил Саньч.

Сейчас армия США беспорядочно выводится отовсюду и теряет свою боеспособность. Люди разбегутся, а техника на сотни миллиардов долларов сгниёт под открытым небом.

Уже занимаются там наши специалисты, глушат их реакторы на атомных подлодках, приваривая те навечно к пирсам.

Гордость милитаристической Америки, пятый и шестой флоты США, вернулись в родную гавань и тоже навечно приварены к пирсам, а кому не хватило места, то и друг к дружке, борт о борт и тоже на вечно приварены. Команды списаны на берег. Котлы заглушены, реакторы заглушены. На некоторых происходит их демонтаж с последующей утилизацией.

Смонтированы и начали свою работу специальные ножницы по разрезке самолётов и ракет. Зрелище завораживающее. Как будто действительно у США отрезают их «достоинство». Это была идея Саньча, почерпнутая из головы Дэна.

Там, точно так же уничтожали советскую стратегическую авиацию и ракеты.

Торопились, су..и. Не хотели ждать, пока спокойно разберут это всё на части. А так чик и готово. «Достоинства» нет.

И действительно, когда через год одумались. А уже половины нет !

Тут тоже это всё под камеры и радостные вопли.

Всё в рамках концепции новой Администрации: «Сделаем Америку снова Великой». А для этого нужно вернуться к так хорошо себя зарекомендовавшей в прошлом веке «политике изоляционизма». Согласно этой концепции, Америка не должна вмешиваться в дела других стран. Не должна создавать блоки и союзы, и тем более в них входить.

Только бизнес, со всеми.

Саньч понимал, что со временем и очень скоро, «глубинное государство» попытается вмешаться. Как минимум, начать тормозить развал армии и ВПК. Всё таки они там теряют миллиарды долларов. А как максимум, попытаются взять реванш.

Вот тут и нужно тонко сыграть. Как там, в «голове» в 91 было. Спровоцировали этих дуриков и потом уже ничего не боясь развалили всё окончательно. Ну как, окончательно. Выхлопостили всё и бросили. Никто тоже добивать не стал. И исходя из того, что там всё таки началось в ряде республик и даже потом на Украине, правильно сделали. А так могли получить сотни клочков враждующих между собой, вооружённых до зубов и с ядерным оружием.

В этот момент, у Саньча на компьютере пикнул сигнал и появился значок о полученном письме.

Он, не спеша, открыл его и прочёл. Ничего незначущая белиберда говорила ему, что у «носителя» был сон, но ничего срочного.

Он ответил отправителю, тоже ничего не значащим, для непосвящённого, текстом, в котором сообщал, что по возможности заедет.

– Как летит время?, – пришла мне в голову банальщина.

– Недавно отметили приход Нового Года, а уже зимние каникулы у студентов. То есть и у меня тоже.

– Дэн, ты о чём думаешь, – спросил меня Саныч.

– Да, вот вспомнил, как отпраздновали Новый Год, – ответил я.

– А ну ка, похвастайся, – заинтересовался Саныч.

– Да ничего особенного. Собрались коллективом, кто мог и захотел, тут в павильоне на «Мосфильме». Шурпет организовал еду из «Арагви» и «Тараса Бульбы». Даже сам у мангала стоял. Столики у нас свои из реквизита были. Да и вся Новогодняя атрибутика тоже. Все нарядились в костюмы. Благо этого добра полно и даже это вылилось в отдельный бизнес, сдача костюмов на прокат. Статья доходов достаточная для поддержания в рабочем состоянии коллекции костюмов и её обновлении. Но это я отвлёкся.

– Да, нормально. Интересно даже, – подбодрил меня Саныч.

– Ну так вот. Все в костюмах. Никого не узнать. И ко мне подкатывает «гарна дивчина» в испанском наряде. И давай со мной заигрывать. Моих то никого там не было. Летта с папиком и мэтрами Новый год встречала. Каролина с мужем. У них там полная идиллия и даже прийти отказались. В кругу семьи решили. Чувствую, что их ждёт пополнение, а меня наоборот. Да, как говорится, «лишь бы радость». Студенческие пассии наотрез отказались «со старпёрами», как они выразились, Новый Год встречать. «С кем встретишь, с тем и проведёшь !», было заявлено. Они «зажигали» в сугубо студенческой компании в общаге у наших. С московскими подружками тоже не срослось. Одна глубоко замужем и сидит в «золотой клетке» в высотке на Котельнической набережной. А другая тоже в вихре студенческой жизни. И похоже этот вихрь её окончательно от меня унёс. И вот с этими мыслями я принял тогда решение пойти на контакт, как ты, Саныч, выражаешься.

– Ну и как?, – он спросил с интересом.

– Да ты же, Саныч, небось в курсе, – удивился я.

– Ну если бы было что-то важное, то был бы, – парировал он.

– Тогда я продолжаю. Ну вот. Орет очередной шлягер года. Совсем снос башки. Медляк, про зимний сад, чем то там объят... Самое то, для романтик. Незнакомка так и прижимается ко мне. Я думаю, «кто это мог бы быть?» Народу у нас собралось «под тыщу». Из всех цехов и направлений киностудии. Тем более, что раздавали пригласительные 1+1. То есть, кто-то мог кого-то и провести «не из нашего района», как говорит товарищ Саахов. Интрига, млять её. А может это снова «медовая ловушка»? Вспомнил тогда я тебя, Саныч.

– Да, вполне похоже. Ну и что дальше?, – он улыбаясь спросил.

– Ну потанцевали. Решили выпить и закусить. Музыка орёт. Поговорить не даёт. Я ей кричу, что мол пошли ко мне. А она в ответ отрицательно машет головой. Но всё равно от меня ни на шаг. Ну потанцевали. Выпили. В конкурсах поучаствовали. Умора полная. Особенно про «угадай мелодию» и «угадай, кто под маской». Причём, на раздевание. Вроде такое с этого года на одном из каналов начнут крутить. А КВН и ЧГК всех уже «задрали». Потом был розыгрыш призов под конкурс «угадай слово». Крутили барабан и угадывали буквы в слове. Тоже выйдет скоро, «Поле дураков» будет называться.

– А потом, она пропала. И всё, – закончил я рассказ о своём Новогоднем приключении.

– И, что?, – спросил недоумённо Саныч.

– И ничего. Как в воду девица канула, – ответил я.

– Не может такого быть. А что говорят, там охрана или другие, кто её видел?, – допытывался с интересом Саныч.

– Да в том то и дело, что охрана всех видела и даже список есть. Но вот кто в каком костюме был. Это неизвестно, – сокрушался я.

– Да, дела. Так кто угодно может оказаться. Даже мужик, – весело подколот меня Саныч.

– Тьфу, на тебя. Тут вам не там, в смысле не Америка, где вице-президент баба, бывший мужик, – негодовал я.

– А, хоть подозрения есть? Ну там, может до этого, кто тебе «глазки строил» или после, – стал Саныч «включать следователя».

– Да полно таких. Да и вообще, мне всё равно, кто это был. Так, просто интересно, – отмахнулся я от серьёзных намерений товарища, взяться это расследовать.

– Ну ты, как хочешь. А по мне, так это не порядок. «Накручу хвоста» своим. Пусть «носом землю роют», но найдут это «летучую мышь», – продолжил Саныч нагнетать.

– А, при чём тут «летучая мышь»? – не понял я.

– Да, так. Недавно в театре был на постановке оперетты «Летучая мышь», – отмахнулся Саныч.

– Ну и как «мышь»? – уже я поддел Саныча, зная его театральные похождения от Ленки.

– Неплохо. Чуть на второй акт не опоздала, – смущённо Саныч признался в своём театральном приключении.

– Ооо, время, время, – проговорил он, посмотрев на часы.

По серьёзности Саныча я понял, что вступительная часть закончилась и он готов к сеансу. Мы с ним всегда перед ним просто говорим. В основном о моих делах. А то потом он убегает, а я от гипноза перехожу в обычный сон.

В этот раз всё было, как обычно. Проснувшись, я обнаружил на столе записку, в которой Саныч завуалированно сообщал, что всё нормально и ничего плохого он не узнал.

Перед сеансом я сообщил Санычу, что планирую на каникулах съездить домой. А то давно никого не видел. Да и на встрече выпускников захотелось побывать. Саныч не стал возражать, и просил передать привет одной нашей общей знакомой.

– Если, что я всегда готов, – скупко обозначил он свой интерес к означенной персоне.

– Хорошо, передам, – тоже немногословно я пообещал. В прошлый раз, год назад Саныч был более «по боевому» настроен. Или это Ленка тогда сама так среагировала и сразу помчалась в Москву, «разгонять тоску», с помощью Саныча.

– Пусть сами разбираются, – решил я мысленно.

Добирался я из Москвы в Киев с помощью авиации. Не было настроения на вагонные приключения, а тем более автодорожные. Зима этому не способствовала. Была снежной и морозной.

В один момент, по дороге из Аэропорта Борисполь в мой родной городишко, поймал себя на мысли, что нужно было лететь туда, где лето. На Кубу, например. Там резко в гору пошёл туризм.

Пока отремонтировали старый отельный фонд, что достался от колонизаторов и эксплуататоров. Наладили многочисленные регулярные рейсы на широкофюзеляжных дальнемагистральных лайнерах Ил-86, что позволило установить приемлемые, для большинства граждан, цены на авиабилеты.

Это подхлестнуло народ воспользоваться новой возможностью для отдыха. Но пока кубинский туризм тормозит недостаток комфортабельных отелей. Идёт широкомасштабное их строительство. Об этом Дэн знал, как и из телепередач про Кубу, так и из «первых уст». Прежде всего от Шурпета. Который вложил в этот бизнес тоже, на паях с одним бывшим

кубинским доном. Вернее, он никакой уже не бывший. А, что ни на есть, самый настоящий. В результате политики примирения, такие как он, вернулись и занялись тем же, чем занимались до их изгнания. Ну кроме разве, что выращивания сахарного тростника. Его заменили на овощи и фрукты. Но туризм тоже стали развивать. Массовый туризм, для простых граждан.

Я не стал никого беспокоить своим приездом, давать телеграммы и просить встречать. Хотя мог того же Серёгу «напрячь». – Не зря же я ему оставил свою «ласточку», свой первый автомобиль и ключи от своей «хаты» в родном городишке. Он сейчас наверняка на работе. Это я «студент», а он трудится. Свой бизнес замутил, – вспоминал я некоторые подробности из жизни товарища.

Да и необходимости не было. В Аэропорту «взял такси» и сейчас спокойно колесил на нём среди заснеженных полей и лесов, через которые проходила широкая, новая, хорошо вычищенная от снега, автострада.

Таксист попался неразговорчивый и под негромкую музыку я предался созерцанию зимнего пейзажа.

– Да, как всё меняется, – думал я.

– Раньше тут был настоящий «медвежий угол», а теперь вдоль дороги возведены огромные склады, «логистические хабы», как их зовут. Где внутри всё автоматизировано и механизировано. Подъезжает вон к тому «окну» задом фура и в неё автоматические электропогрузчики загружают стандартные мини-контейнеры с нужным ассортиментом груза.

– А вон контейнерная площадка. Где стоят и ждут своей дальнейшей участи огромные морские контейнеры. Будут тут их «разгружать» или дальше повезут на трейлерах.

– А вот, какой то новейший завод. Явно что-то из электроники производит. Вон, как всё чистенько, – замечал я.

– Не то, что вот этот строительный комбинат. Горы щебня и песка вокруг, сгруженного с жд-платформ на специальные площадки, от куда его драгами и черпалками направляют в железо-бетонный цех, где они смешаются с цементом и водой и потом зальются в специальные формы с железной арматурой внутри, чтобы затем выйти наружу в виде какого ни будь ЖБИ или ЖБК, то есть железо-бетонного изделия или конструкции.

– А вот и «Живинка», завод по производству безалкогольных напитков. От аналога или копии «Кока-Колы», нашего «Байкала», разных «Ситро» и до обычной воды с газом «Полеская».

– Дальше шли мясокомбинат «Наф-Наф», птицефабрика «Золотое яичко». Почти через каждый километр были, то АЗС с магазином, то СТО, то ресторан, то мотель, а чаще всё вместе.

– Так же меня приятно удивило наличие тёплых и чистых туалетов на автобусных остановках. Которые пришли на замену типовым, серым и невзрачным бетонным конструкциям, что тут установили перед Олимпиадой – 80. И к большому сожалению, скорее всего, там никто с тех пор не убирал. Поэтому никому даже в голову не приходила мысль ими воспользоваться вместо «кустиков».

Я специально попросил таксиста остановиться возле одной из них. Ничего сложного. Новая остановка была из стеклопакета с электрообогревом. Плотно закрывающиеся двери с доводчиком. В сантехпомещение, чтобы попасть, нужно либо карту банковскую приложить либо внести наличные. Аппарат принимал, как металлическую мелочь, так и бумажные купюры. Было предупреждение, что в случае отсутствия сдачи в аппарате, деньги можно зачислить на банковскую карту или личный банковский счёт. Плата была относительно не большая – 10 коп. Это стоимость 10 коробков спичек или билета на дневной киносеанс в рабочий день или булочки с кремом или трёх стаканов газводы с сиропом и один стакан без сиропа.

В самом помещении было просторно. Можно было и душем даже воспользоваться. Но к сожалению идеальной чистоты не наблюдалось. Хотя график уборки на стене говорил, что

сегодня утром уже убрали и следующая уборка будет сегодня вечером. Был телефон указан для жалоб и предложений.

Внутри самой остановки был телефон-автомат и кнопка экстренного вызова. Также была табличка с информацией об организации, ответственной за состояние остановки, какой то там «Автодор».

Когда я возвратился в авто, то «ожил» водила:

– Вообще то лучше всего в туалет ходить на АЗС. Там бесплатно и чище, – просветил он меня.

Подъезд к «малой родине» я совсем не узнал. Его просто не было. Был въезд в современный город и гораздо дальше или ближе по дороге, чем раньше. То есть город так расстроился, что поглотил и «Слободку» и окрестное село. Сельские дома вдоль дороги остались. Но выглядели «сиротливо», на фоне многоэтажной застройки за ними и между ними.

Точно так же выглядела «Слободка» и центр города. Мне это сразу напомнило, как на моих глазах менялся облик киевского пригородного райцентра. Когда по обе стороны от дороги разросся новый город. А со временем и дорогу в объезд на Киев сделали. И по старой дороге ездили уж очень настырные и консервативные граждане. А потом там появился ресторан с названием «Старый Центр», что доступно, всё и всем, пояснило.

И как то, имея время и желание, в одну из поездок в Киев, папа попросил водителя свернуть и проехать по «новому центру». Ему, как хозяйственнику, было интересно. Он и до этого удивлялся, что все госорганы и конторы выстроили в новых зданиях вдоль объездной дороги. Так было очень удобно для жителей района, которые приезжали решать в райцентр свои вопросы. Не нужно было метаться по всему городку. Всё собрано в одном месте и на окраине, с удобным подъездом и остановкой автобусов.

А вот «новый центр» представлял собой большую пешеходную зону отдыха. С фонтаном в центре, со сквером вокруг, с большим парком с левой стороны и рядом ресторанов, кафе и баров с правой стороны. Прямо был памятник Ленину, с аллеей Героев, и клумбами всевозможных светов. И, конечно, было много скамеек в тени деревьев. Правда, ввиду новизны места, деревья были ещё не очень высокие.

В центре моего городка новых высоких домов тоже хватало. Мой папа этим вопросом давно занимался, решая проблему жилья, особенно для расселения ветхого жилья.

Но конечно, основная застройка в моём городке велась вокруг, так называемого «старого города» и вдоль объездной дороги. Но там, по понятным причинам, развивалась новая промзона. Это я узнал позднее, а сейчас просто не верил своим глазам, что такое могло произойти с моим родным городом. Да, это уже был настоящий город.

Вон проехали первый светофор и обогнали городской автобус с номером 8. Значит, как минимум есть ещё семь маршрутов. До этого тут ни светофоров, ни городского автотранспорта отродясь не было. Хотя я от папы слышал, что вопрос об этом поднимался ещё пару лет назад. Чтобы пустить как минимум три маршрута.

И светофор наконец поставить в центре, где было организовано круговое движение и постоянно происходили ДТП на въезде и выезде с круга.

Вот так, тихо восхищаясь и указывая дорогу водителю, я подъехал к нашему «родовому гнезду».

Расчёт произошёл автоматически, через систему «Такси» по банковской карте. Выгрузив мою поклажу и коротко попрощавшись, таксист умчался. Стоило это мне час езды и 10 рублей 50 копеек. На автобусе с двумя пересадками обошлось бы в 2 рубля 36 копеек и два с половиной часа времени.

Меня никто не встречал. Я позвонил в видео-звонок и через минуту я услышал удивлённый голос нашей невестки:

– Дэн, это ты?

Щёлкнул замок, и я открыл калитку. Во дворе было чисто. То есть снег кто-то убрал до самой плитки и посыпал песчано-солевой смесью. Об этом говорили жёлтые водяные разводы.

Быстро пробежав до порога дома, я заскочил в уже открывшуюся дверь.

– Привет поближе. Как дела?, – сказал я буднично, по ходу разуваясь и раздеваясь и подставляя свою щёку снохе для родственного поцелуя.

– Хорошо, – та ответила тоже просто и чмокнула «на автомате» родственника, так внезапно свалившегося ей на голову и спросившего, как ни в чём не бывало, «Как дела?», хотя не виделись они почти 5 лет, когда Дэн приехал из Чехословакии и привёз всем подарки.

– А, где брательник?, – задал я естественный следующий вопрос. Если есть сноха, то мой брат, её муж, должен быть где-то по близости. Так как они явно приехали в гости к родителям.

– Так нет никого, – опять односложно та ответила, смутившись.

– А, где?, – я спросил чисто для поддержания угасающего разговора, одновременно схватив свою поклажу и направляясь в гостиную.

Сноха засеменила за мной, что-то бормоча.

– Да ты толком скажи. Где все?, – подбодрил я её к многословности, одновременно усаживаясь в кресло и осматриваясь вокруг. – Сколько ж я тут не был? Год !, да ровно год, – пронеслось у меня в голове.

– Так, кто где, – пробормотало это «несчастье».

Сноха особо красноречием не блистала. Вернее, смущалась при мне показывать свой суржик. На котором она «балакала» довольно бойко.

– Ну отец и мать понятно, на работе. А, где мой брат?, – помог я ей немного.

– Так нету их, – опять та непонятно ответила.

– Да вижу, что нет их. Скоро будут?, – терял я выдержку.

– Нескоро. Говорю же нету их, – ответила та, тоже несколько нервно.

– Ладно, разберёмся. Поставь чаю пока, – махнул я ей.

Та, с явным облегчением, смылась. Племянша тоже не было видно. Наверное, у других бабушки с дедушкой. Они тут недалеко, дальше по улице живут.

Пока решил обозначить себя, позвонив Серёге.

– Алло, Серёга. Привет. Как дела?

– Дэн, это ты? Привет. Нормально. Давно ты не звонил. Когда планируешь приехать?, – затараторил мой друган.

– Да уже.

– В смысле?

– В коромысле ! Говорю же: «Уже приехал», – пояснил я непонятливому другу, что я уже тут.

– Отлично. Я сейчас буду, – сказал коротко друг и положил трубку.

– Хорошая это вещь телефон. Особенно сотовый, – подумал я.

Через пять минут раздался звонок с входной калитки. Я пошёл открывать.

– Это Серёга, – сказал я, проходя мимо выглянувшей с кухни снохи.

– Чай сейчас будет, – та буркнула без эмоций.

Ещё через пять минут я и Серёга пили чай и закусывали привезёнными мною столичными конфетами и пирожными.

– Ну ты Дэн и даёшь. Позвонил бы, я тебя встретил. И вообще, чего ты припёрся?

– С родителями давно не виделся.

– Так нету их, – пробурчал свозь полный рот Серёга.

– И я тоже говорю, что нету никого, – встряла в разговор сноха.

– И где они?

– Так уехали в Чехословакию, – более внятно пояснил друг, а сноха кивала, как «болванчик из Китая».

Из дальнейшего их сбивчивого рассказа, мне стало известно, что мои родители уехали в Чехословакию не на экскурсию и даже не в командировку, а работать. Папу таки видимо «уговорили» пойти на повышение. К своему стыду, в процессе рассказа о событиях, предшествовавших их отъезду, я понял, что мало внимания уделял родителям и тому, что они мне говорили, во время нечастных наших телефонных разговоров.

Сноха и Серёга, уже полностью перейдя на местный вариант «суржика», перебивая друг друга, пытались мне донести во всех подробностях и само предложение начальства, и раздумья отца, и что думала мама. – От куда они это знают?, – пронеслось у меня в голове. И тут же вспомнил местную поговорку:

«Нэдочуе, так добрэшэ».

Вот это передо мною и происходило во всей красе. Но общий смысл мне был ясен: «Партия приказала, а папа, как истинный коммунист, не смог отказать». Ну а мама испугалась, что он там может «уйти в длительную командировку «налево». Она и в прошлый приезд не одобряла нововведения с этими Конкурсами и «партактивами» по отборочным турам.

И, вот, по словам снохи, дошло до того, что её вызвали в Райком Партии и пригрозили исключением, если она и дальше продолжит антипартийную деятельность. Заставили перечитать труды Маркса и Энгельса, касательно семьи и дальнейшего её отмирания. А по сделанным ею конспектам, поручили выступить в женских собраниях и коллективах.

– А ты как этому относишься?, – спросил я сноху.

– А что я? Чуть что, так сразу невестка. Я ничего. Видишь, сижу тут одна. Кукую. А муж неизвестно, где..., – понесло её.

– Так, стоп ! Что значит «неизвестно, где». Прекрати, а то..., – начал я закипать, но понял, что зря. Сноха была «непартийная» и из комсомольского возраста вот-вот выйдет, как для рядового члена ВЛКСМ. Так что нету на неё методов влияния.

– А то, что?, – переспросила с ехидцей она.

– Ладно. Проехали. А муж твой тоже не на отдыхе на Кубе, а работу там налаживает, – ушёл я от скользкой темы.

– Да знаю я эту «работу». Все zenки ей ..., – зло она высказалась о ком-то и пригрозила ту лишить зрения.

– Серёга, пошли. У себя останавлиюсь, – сказал я вставая из-за стола, понимая, что тут мне делать нечего.

– Конечно, Дэн, – ответил тот.

– Там всё в порядке?, – спросил я друга, собирая назад в сумку свои вещи.

– Да, всё чисто. Я, как ты позвонил, потом сразу звякнул сестре. Так она там свежее постелет. А то, то постельное с того ещё разу...

– Хорош врать, – остановил я оправдания товарища.

– Да я не вру...

– Всё. Закрыли тему.

– Сноха, пока ! Всем от меня привет !, – сказал я невестке «на прощанье», выходя на улицу.

Пока ехали в машине до моего пристанища, Серёга поведал о новостях.

Встреча нашего класса будет завтра. Ничего никто заранее не заказывал. Так как никто не знал, кто будет.

– Закажем на всех, – буркнул я.

– Ленку видел сегодня утром. Шла с Автостанции с сумкой на колёсиках. Даже не кивнула мне. Совсем зазналась, – обижено пробурчал друг.

– Да вы то особо и не дружили, – урезонил я Серёгу.

– Это точно, – грустно он констатировал факт.

– А, у тебя барышня постоянная есть уже?, – увёл я беседу от печальной темы «неприязни Ленки к нему».

– Да, как не быть, – повеселел Серёга, лихо паркуясь у меня под воротами.

– Варька, из параллельного, – уточнил он.

– Хм, тесен Мир. Особенно тут. Это не ту ли я Варю «оприходовал» в прошлый раз «на встрече выпускников» или два года назад на Новый год?, не помню, – подумалось мне, но в слух сказал:

– Отлично, приводи её тоже.

Серёга шёл впереди, открывая всё передо мною. Двор был тоже убран от снега, но не так качественно, как у родителей. Видно было, что просто по необходимости убирали, чтобы не накапливался.

В доме было тепло. Работал автоматический газовый котёл. С первого взгляда было понятно, что тут часто кто-то бывает. Всё выглядело довольно обжито. – Не «Версаль» конечно. После моих то хором, всё смотрится блекло, – пришла в голову мысль.

– Ну, я поехал? До вечера?, – спросил товарищ неуверенно.

– Не. Сегодня отдыхаю. Завтра. Всё завтра, – отказался я от Серёгиного намёка-предложения продолжить общение «за рюмкой чая».

– Ну, тогда пока. Чё надо, звони, – немного обиженно тот пробубнил, выходя в дверь.

– На, держи, – протяну я ему в след привезённый мною подарок, который толь ко что достал из сумки.

– Ты чё? Это же последний «А» второй !, – воскликнул друг, принимая подарок и сходу бросившись меня обнимать.

– Так, всё. Дома разберёшься. Вот мой сотовый номер. Но сегодня просто так не звони, – сказал я, когда вырвался из его дружеских объятий.

– Не буду. Спасибо, Дэн !, – крикнул он в закрывающуюся за ним дверь.

– И, что такого в эти сотовых «А-телефонах»? Полно их уже всяких выпущено, и фирм, и названий, а нет. Подавай всем этот «А», – рассуждал я в мыслях над непредсказуемостью человеческих запросов.

Вспомнил, что толком сегодня и не ел ничего. В самолёте, конечно, покормили. Но это, так. «Червячка заморить».

Местный холодильник обрадовал наличием полного закуского набора.

– Для меня это всё или просто Серёга поддерживает для себя запасец, для регулярных «романтик»? Не имеет значения, – решил я перекусить «чем Бог послал».

Утолив голод, я решил немного прогуляться по городу.

Ну, что сказать? Моя хибарка точно так же убого выглядела на фоне многоэтажек, как и другие. Так получилось, что прямо перед ней, с другой стороны улицы, был пустырь. Ну как, пустырь? Там были делянки школьного огорода. На которых трудились ученики на уроках труда, познавая науку огородничества.

А теперь там взметнулся ввысь красавец-дом. Этажей эдак 25, не меньше. А за ним следующий и дальше ещё и ещё в разной степени готовности. И я рассмотрел, что там уходит в даль очертания новой улицы с недостроенными ещё, похожими домами и другими зданиями. Я ещё год назад заметил тут стройплощадку, но особо не присматривался, так как вся страна в одночасье превратилась в одну гигантскую стройку.

Школа, как я понял, тоже доживала свои «последние дни», вернее месяцы. Скорее всего, её вот-вот снесут. Так-как рядом с ней уже стояла почти готовая новая. У меня что-то заныло внутри. – Это же моя первая школа. Я сюда пошёл в первый класс. Перелазил здесь забор, чтобы не обходить. И доучился до 10 класса. А заканчивал уже в новой школе. Намного дальше от дома. А про эту «забыл». Как забывают о старых вещах, покупая новые.

Но время не остановить. Это аксиома.

Во время этих размышлизмов я упёрся взглядом в объявление, наклеенное прямо на моих воротах:

«Купим ваш дом/участок. Дорого. Можно в обмен на квартиру в готовом доме рядом»
Далее шёл номер телефона и адрес офиса-продаж, где можно было всё оформить.

По адресу я понял, что это в этом красавце-доме прямо напротив. И мои ноги сами туда меня понесли.

Офис нашёлся быстро по яркой вывеске и располагался в одном из помещений на первом этаже и выходил прямо на дорогу. То есть сделав несколько десятков шагов от калитки своего дома, я уже входил в него.

Это был вполне себе обычный офис-продаж недвижимости. Там никого не было, кроме одного сотрудника. По возрасту и выправке я понял, что это бывший венный.

Он смотрел на меня довольно скептически. Его можно понять. Всё мой младовозраст. Я постоянно с этим сталкиваюсь, поэтому начал первым:

– Здравствуйте, я по объявлению...

– Мы берём только с окончанным высшим, – он меня перебил, недослушав.

– А при чём тут образование?, – спросил я, сбитый с толку таким странным требованием для покупателей недвижимости. – Может, что пропустил в законах?, – мелькнула идиотская мысль о таком же идиотском законе.

– Такие требования. Вы разве не читали там...

– Ничего там про это не сказано, – уже я его перебил.

– А, где вы его читали?

– Да вот, прямо у себя на воротах, – сказала я раздражённо и указал «автоматически» кивком себе за спину в направлении своей недвижимости.

– Аааа, извините. Я не правильно Вас понял. Подумал, что Вы на работу к нам...

– Нет, я ещё учусь, – опять я его перебил.

– Вы хотите продать нам Ваш дом?, – резко он сменил тему и натренировано широко улыбнулся.

– Да, в обмен на квартиру, – уточнил я.

– Хорошо. Вот посмотрите наши расчёты и наше предложение, – одновременно с этими словами он ловко щёлкал клавишами и водил «мышью», а затем развернул монитор ко мне.

Там был «паспорт» моего дома. С его фото и самого участка с высоты «птичьего полёта» или со спутника. Основные параметры и оценка.

Рядом была таблица с предложением по квартирам.

– Извините. Скажите пожалуйста, а вот в этом доме есть квартира?, – решил я уточнить более конкретно своё пожелание.

– Есть несколько, но в Вашем случае они будут с существенной доплатой с Вашей стороны, – сказал «дядя-продавец» смущённо.

– Меня это не волнует. Можно взглянуть?, – взял я «быка за рога».

– С какой начнём?, – спросил тот.

– С самой дорогой, – ответил я небрежно.

И опять «дядя» на меня посмотрел с сомнением.

– Ну, за просмотр денег не берём..., – сказал он неуверенно.

Через пять минут мы входили в вестибюль на первом этаже этого дома. Там было всё в мраморе, как и весь фасад дома до третьего этажа. Нас встретил «швейцар». Он узнал «дядю» и мы беспрепятственно прошли к лифтам. Которых там было четыре.

В лифте «дядя» нажал кнопку с цифрой «30», предпоследний этаж, и приложил пластиковую карту, и только потом лифт поехал.

– На «вип-этажи» проезд только по пластиковым картам-пропускам, – он тут же пояснил.

На самом этаже тоже нужно было прикладывать карту, чтобы выйти с лифтовой площадки на квартирную. Но каково было моё удивление, когда мы попали в прихожую квартиры. Слово «прихожая» не совсем то. Это был скорее тоже вестибюль. Далее шла широкая лестница на второй этаж.

– На первом этаже квартиры прихожая, три гардеробные, два санузла, дальше Зал, к нему примыкает кухня и хозяйственные помещения, есть выход на два балкона-лоджии – пояснял мне «дядя», превратившись в квартирника гида.

Мы всё обошли на первом этаже, а затем поднялись на второй. Там была анфилада Зала, так как тот был с очень высоким потолком и с огромной люстрой.

С её открывался хороший вид на сам Зал, в котором можно смело давать Бал или устраивать дискотеку. Прочитав мои мысли, гид это подтвердил:

– Благодаря отличной шумоизоляции и высокому этажу можно устраивать и ночные дискотеки.

Мне понравилось, что все было меблировано и обустроено для жизни.

Когда мы вышли на смотровую площадку я воскликнул:

– Беру, заверните !

– Но это же стоимость десяти Ваших домиков?, – попытался меня урезонить продавец.

В ответ я спросил: – Как я могу рассчитаться и когда заселиться?

– Можете как угодно и когда угодно, – ответил «дядя» немного смутившись.

– Ну тогда не будем терять ни минуты, – воскликнул я.

Затем мы быстро вернулись в офис. Через пол часа, проверив мою дееспособность по своим базам, «дядя» – клерк попросил меня ознакомиться с договором и расписаться. Что я и сделал.

Затем он спросил, как я буду рассчитываться и был сражён моим ответом, что я предпочитаю банковской картой.

На это он достал запылённый терминал. – Наверное я первый буду, – пронеслось у меня в голове.

И через пять минут, после подтверждения оплаты, я получил комплект «карт-ключей» и инструкцию по их использованию.

Также, он мне торжественно вручил значок и «корочку» члена Клуба «Седьмое небо». В стоимость ежемесячной квартплаты входили не только коммунальные услуги и содержание дома и территории, но и уборка моих апартаментов. А за доплату, то услуги постоянной горничной, мажордома, повара, официанта и автомобиля представительского класса с водителем.

Естественно, я всё это оплатил на время моего тут пребывания.

И через десять минут отдавал распоряжения по поводу питания, графика уборок и готовности к выезду авто. В общем ничего сложного. Просто продублировал свой распорядок Московского особняка.

Также дал указание перенести мои вещи из дома. В новом жилье был камин. Шкура леопарда и медведя тоже перекочевали туда же.

Пока оформляли покупку, ожидая подтверждения моих данных, я разговорился с «дядей».

Как я правильно угадал, он был отставником. После недолгих и несложных курсов пошёл работать «в недвижимость», как он сказал.

– Конечно это не армия, никто строем не ходит и командовать нечем, но и не сторожем спиваться, – привёл он свои аргументы в пользу новой профессии.

Потом разговор зашёл про кино и непосредственно про наш фильм-агитку «Одним ударом».

– Да, что-то я ещё застал. Но вот лазеры в космосе. Это просто фантастика. Что-то не верится, – сомневался бывший вояка.

– Ну, а как Вам «Лихие – 90-е»? – решил я услышать непосредственно «глас народа».

– Жуть. Особенно про армию. В чистом поле зимой в танке жить. Да ещё и с семьёй. Денег на билет нет, жену и детей отправить к родным, – сокрушался отставник перипетиям фильма, как о реальности.

– Верите, что могло так быть?, – допытывался я.

– Так, а чего не поверить? У нас всякое бывало. Я, к примеру, служил в Забайкалье. Так вот, когда с Китаем отношения в хлам испортились, привезли в тайгу наш полк. Не. Меня ещё там не было. Старожилы рассказывали. И выгрузили, зимой. Летом туда не доедешь. Дорог нет. А так, по реке замёрзшей, да по болотам, зимой в самый раз. Правда, без жёнок и деток, конечно, – поведал отставник быть.

– Так это ж военная надобность была. Все всё понимали, что временно, – не согласился я со схожестью примера.

– Это, да, – неожиданно легко согласился тот.

Затронули и международную обстановку.

– Зря мы им помогаем, – был его вердикт об Америке.

– Ну так, а как?, – удивился я.

– Не знаю. Да хоть бы и их довести «до ручки», как они нас в «Лихие-90-е», – опять он вернулся в запавшему ему в душу фильму.

– Пусть тоже без работы и денег спиваются десять лет подряд, – рубанул, как отрезал, вояка.

– Иван Митрич, да это ж варварство, – воскликнул я с негодованием.

– Ничего не варварство. Пусть на своей шкуре спытают, – не уступал тот.

– Ладно, пусть, – согласился я и спросил:

– А Вы, довольны, что Вас из армии уволили и сюда переселили?

– Так, а чего? Я ничего. Сперва обидно было. Да и потом... нет, нет, да думки лезли. А вот, как стали показывать эти «90-е». Так совсем по другому на всё стал смотреть. А как, ежели бы и нас там просто кинули середь тайги. Прислали бы Приказ, что всё, вас нету, как Части. Живи, кто как хочешь. Ну, пенсию бы положили. А на неё, что ты в той тайге купишь?, – пошёл в рассуждения, «чтобы да кабы» Митрич.

В сухом остатке два вывода: Первый: «Фильм нужный и своевременный». Второй: «Всё верно Партия и Правительство делают».

– Даже с той водкой. Наворотили сперва. А потом поправились, – резюмировал отставник.

Так с ним и проболтали до позднего вечера. Даже уже после полного моего вступления в права владения «пентхаусом» и отдачи распоряжений обслуживающему персоналу. В устах Митрича мои апартаменты звучали несколько вульгарно: «Пындгауз».

Митрич также удивился, моему удивлению, что тут такие дома строят и в них есть такие вот шикарные квартиры.

– Дык, мил человек, Столицу то расселяют. Охфисы изгоняют, пока за 20-й километр. Но поговаривают, что за 50-й будут. Вот люд сюда в след за ними и перебирается. А там не все «дрань голопузая» и «голь перекатная». Есть народ с понятием и деньгами. Поднакопили то за время второго НЭПа. Да и ты тож ведь позарился и купил, – просвещал меня «непонятливого» Митрич по вопросам недвижимости.

– Да я так, просто объявление увидел...

– Всё верно сделал. А то всё одно твою домишку снесли бы на след год. Денег заплатили бы. Чин по чину. Но лучше сразу их в недвижимость вложить. Она не пропадёт и не подешевеет, – уверял Митрич меня в правильности моего поступка довольно сомнительными заверениями по поводу незыблемости цен на недвижимость. Которая пока, год от года, только деше-

вела. В связи с ростом объёмов строительства и снижением его себестоимости. Но Митрича понять можно. Ему нужно её продавать. И тут все аргументы хороши.

В говорке Митрича стал прорываться «нижегородский сленг», после «обязательного вспыскивания покупки за счёт фирмы», как он это дело формально обставил.

Распрощавшись лучшими приятелями мы разошлись. Он, закрыв свою контору, поехал на такси в свой «военный городок», как местные называли новый район домов для разного рода «отставников», а я направился в свои хоромы.

Там был уже накрыт ужин на одну персону. Мне прислуживал официант и мажордом.

Мажордом помог разобраться в «винном погребе», который мне был презентован фирмой за покупку квартиры. Затем, он же показал, как управляться с домашним кинотеатром. Тут был и такой.

Из под потолка опускался экран, а из ниши появлялся кино-проектор соединённый с компьютером и видеодвойкой. Всё имело дистанционное управление. Можно было смотреть как фильмы, так и телевизор.

Разобравшись со всем, я всех отпустил до утра. А сам предался ничегонеделанью и просмотру телека на огромном экране.

В районе 12 ночи не выдержал Серёга и позвонил таки мне на сотовый. Я отключил телефон и пошёл спать. Горничная расстелила мне кровать и даже включила подогрев матраса.

Спалось на новом месте на удивление хорошо. Наверное, роль свою играли несколько факторов. Первый и главный, это идеальная шумоизоляция. Второй, вытекал из первого, это климат-контроль и закрытые окна с тройными стеклопакетами.

Утром я проснулся от звуков, доносившихся с первого этажа. Там уже во всю занимались своими обязанностями работники сферы услуг. – Да, именно так, никакого средневековья, с его слугами и беспорядком. Всё по КЗОТу, – с гордостью я размышлял о системе социализма своей Родины.

Правда услуги эти не дёшево обходятся. Ну, так сам тогда за собой убирай, готовь и ухаживай. Всё честно.

– Хата для разврата готова, – мысленно я себя похвалил, рассматривая более внимательно мини-бассейн с панорамным окном, в соседнем со спальней санузле, если так можно назвать ванную-комнату, площадью метров 100.

Закончив утренний моцион, решил позвонить Серёге. Тот трубу взял не сразу.

– Але, – раздался его сонный голос.

– Серёга, привет ! Уже проснулся ! Молодец ! Приезжай ко мне на завтрак, – немного подтрунил я над товарищем.

– Агааа, шаассс буууду, – зевнул в трубку тот.

Через пол часа, в течении которых я просматривал почту в своей «книжке-ПК», раздался звонок моего сотового.

– Ты где? Чего не открываешь?, – возмущался Серёга.

– Аааа, извини. Забыл предупредить. Я переехал в дом напротив. Поднимайся на тридцатый этаж. Я консьержа предупрежу и тебя пустят, – сообщил я быстро тому новость и отключился. В конце я услышал неприличное Серёгино выражение, описывающее полный его восторг.

Войдя в квартиру, Серёга вёл себя неестественно. Наверное, все так ведут себя, попав, например, в музей.

Особенно, когда швейцар с порога тебя в начале ведёт к лифту, потом сопровождает в нём во время подъёма на нужный этаж, а там передаёт с рук на руки мажордому и горничной, которые помогают тебе снять верхнюю одежду. Интересуются, будешь ли ты в своей обуви или в хозяйской? Если в своей, то помогают облачить её в стильные бахилы, а если в хозяйской, то помогают её снять и предлагают удобные «теннисные тапочки» по размеру.

Затем ведут тебя в Зал и предлагают присесть в одно из кресел. Попутно интересуясь, чем могут помочь? и что гость хочет?, например, выпить чаю или кофе или просто воды.

Затем появляюсь я, «весь в белом в белом», в домашнем халате и тапочках, ха-ха.

Серёга вскакивает с кресла и не знает, как ему себя вести со мною, таким важным.

– Ну привет поближе, – здороваюсь я с ним за руку, чем немного его «растапливаю».

– Пойдём, позавтракаем, – жестом я его пригласил к уже накрытому столу.

Ели молча. Серёга дважды ронял вилку, которую ему тут же меняли. Потом, когда прислуга нас оставила, он заговорил.

– Ну ты, Дэн, даёшь. Такие хоромы. А, что с твоей хатой?

– Хату поменял на новую хату. Как тебе такой обмен?, – проинформировал я друга.

– А, так можно?, – спросил Серёга удивлённо.

– Как видишь, – ответил я.

– А мою, то есть мамкину, тоже так можно?, – конкретизировал друг своё желание.

– Думаю да. Нужно узнавать. Тут на первом этаже их офис. Но сегодня выходной. Потом сам узнаешь, – высказал я своё мнение и добавил:

– Ну, точно на такую, то конечно вряд ли.

– Да я понял, – смущённо сказал Серёга.

– Не журысь. Возьмёшь кредит. Если надо, я поручусь, – подбодрил я друга.

Потом я провёл Серёге экскурсию по хоромам. Он конечно был в полном аху..йэ. Затем мы перешли к обсуждению места сегодняшнего праздника – встречи одноклассников.

В наш разговор вмешался мажордом, который, извинившись, предложил нам рассмотреть, как место дружеского застолья, новый ресторан «Седьмое Небо» на крыше соседней многоэтажки. Добавив, что у меня, как члена Клуба, есть там привилегии и скидка до 30%.

Мы тут же отправились на разведку. Место нас вполне устроило. Цены тоже. Тем более, что в связи с недавним его открытием, о нём мало, кто знает. И для популяризации они пошли на скидку для меня в 50 %.

Я сделал заказ на 60 человек. Серёга продиктовал администратору ресторана список нашего класса с номерами телефонов. Их пригласить входило в обязанности ресторана. Я попросил информировать не только о месте и времени, но и о том, что можно взять с собою ещё кого ни будь одного, если больше, то по согласованию со мною.

Потом Серёга меня прокатил по нашему городу. Который всё меньше и меньше мне напоминал мой родной. То, что казалось тогда современным и вызывало гордость, теперь было, как минимум, обыденным. Поездка в район «нового центра» произвела на меня двоякое впечатление. С одной стороны объяснимую радость за нашу страну, советских людей, а с другой стороны, чувство потери чего-то родного.

Конечно, это был ещё один новый современный город, с боку-припёку к которому, присоседился наш городишко. Я такое наблюдал и раньше, лет десять назад в новых районах Киева. Когда среди современного района новостроек ещё были пригородные посёлки и даже сёла. Со своим неспешным укладом жизни, огородами и даже домашней скотиной.

По моей просьбе, Серёга сделал остановку, и мы пошли прогуляться по широкому бульвару «нового центра». Тут не было привычных госучреждений. Всё сплошняком было застроено трёх-четырёх этажными зданиями, в которых размещались магазины и магазинчики, кафешки, бары и рестораны. Конечно, и «писк нашего времени» видео-залы и компьютерные клубы. Был разбит новый большой парк и там был большой фонтан. Неработающий по причине зимы. Деревья на бульваре и в парке были ещё невысокие. Хотя попадались и те, что тут росли раньше. Дальше расположилось чудо для нашей местности: «горнолыжный аттракцион». Я с трудом узнал нашу детскую зимнюю забаву, гору «Бондарка». Ну как «гору», просто здесь образовался резкий и высокий спуск к реке. И зимой вся детвора, и некоторые взрослые приходили сюда на лыжах и пробовали с неё съезжать. Конечно, редко удачно. Лыж то специ-

альных не было. А потом была ещё та морока влезть на верх. Лучше получалось спускаться на санках.

И вот теперь перед нами открылся вид на совершенно не местное зрелище. Полноценный горный лыжный спуск. С несколькими трассами, разбитых по сложности. Там же был и прокат лыж и не только. И самое главное, был подъёмник. Не нужно было мучиться, чтобы снова подняться на гору после спуска.

В Киеве было подобное уже давно. Там полно таких мест. Достаточно просто взглянуть с левого берега Днепра на правый. Там сотни мест с такими спусками. И на нескольких из них зимой работает такой же «горно-лыжный аттракцион» или как его ещё назвать.

Я предложил Серёге воспользоваться случаем и вспомнить детство, как сюда с ним приходили, чтобы, чаще всего, просто скатиться в стиле «кубарем», ха-ха.

Цена конечно «кусалась». За час проката полного комплекта, состоящего из комбинезона, защитного шлема, наколенников и налокотников и самих лыж с ботинками и палками пришлось заплатить аж 5 рублей за каждого. Я взял расходы на себя, как инициатор.

В стоимость входил и подъём в течении часа.

День был выходной и народу было много. Я заметил, что полный комплект взяли только мы. У других всё было своё. Ну, максимум лыжи брали.

А так, все оплачивали подъём. Причём поразово. Так выгоднее. Как я потом понял. Ну 10 коп. конечно не так дешево за раз, но и не сильно выгоднее, если час это один рубль. Теоретически десять раз скатиться и подняться можно. Но на практике, мы это сделали три раза и последний раз еле поднялись на гору даже при помощи подъёмника, за который нужно держаться стоя на лыжах и он тогда тебя вытягивает на гору.

– Это с непривычки, – успокоил нас местный инструктор, к услугам которого мы приехали за 1 рубль с человека в час.

– Да, и «дерут» тут, – возмущался Серёга.

– 10 копеек за подъём?, – переспросил я.

– И это тоже, – буркнул друг. Хотя уже не так уверенно.

По сути, кто-то сделал доброе дело. Облагородил дикое место и зарабатывает. Если у тебя всё своё и даже некоторые назад сами на гору взбираются, я сам видел, очень технично, то человек просто получает чистое удовольствие за чужой счёт.

– Вон стоят даже «снежные пушки». Ночью снег на трасу надувают. А утрамбовщики, утрамбовывают, – вещал я нравоучительно Серёге и вопрошал:

– И что, они не заслужили вознаграждения?

Товарищ засопел, но промолчал. Он сам занимался «бизнесом». Держал палатку на нашем колхозном рынке. Но тот работал только три раза в неделю, во вторник, пятницу и воскресенье. И полностью оправдывал своё название «колхозный». Самая бойкая торговля на нём была в воскресенье. Там от людей протолкнуться нельзя было. Сплошное людское море. Со своими течениями. Попал в такой поток людей, и он тебя несёт. Не выйти из него, не повернуть. Покружит, покружит он тебя по «базару», как «колхозный рынок» зовут по старинке, и выкинет наружу. Успел что купить – хорошо. Не успел, то вливайся по новой.

Так вот, Серёга сам там «в три дорога» продавал незадачливым «колхозникам» различный ширпотреб. Который он привозил из Киева, где закупался на различного рода оптовых складах и рынках.

– Ну не поедет же селянин «за три девять земель» за прищепкой, даже зная наверняка, что она там стоит три копейки, а не как у меня «всё за рубля». Нет, не одна прищепка рубль, а целый десяток !, – с гордостью описывал Серёга мне свою «гениальную бизнес-идею», уговаривая вступить с ним в долю в расширении его дела.

Вот в таких прогулках и разговора «за жизнь» пролетел зимний морозный день, и пора было нам «направлять свои лыжи» в сторону дома, готовиться к вечернему «выходу в свет».

Сборы мои были быстрыми. Костюм и рубашку отгладила горничная и они меня ждали наготове.

Я не стал одевать верхнюю одежду и просто быстро перебежал сто метров, разделявшие дома, в костюме и туфлях, и даже не замёрз.

Я был первым и как «именинник» встречал гостей на входе. Народ, конечно, был шокирован, и местом, и моей щедростью. Оказалось, что Серёга, и вчера и сегодня всех наших обзванивал и сообщал новости обо мне и о себе, то есть какой я ему шикарный «подгон сделал» и что я всех приглашаю нахаляву в новый «рестик».

Совершенно неожиданно для меня явилась даже Шу. Хотя она знала, что я в Москве и могла позвонить, чтобы совместить нашу поездку. За ней следом появилась и Ленка.

Обе они не сговариваясь произнесли обидные фразы: «кому пыль в глаза?», «соришь деньгами и бисером», имея ввиду кого «свиньями»? , я так и не понял.

Но все остальные были в полном восторге.

Решили никого больше не ждать и в означенное время банкет начался.

Конечно, вступительное слово традиционно сказала Борисовна, наша классная.

Говорила она красиво, но вот осадок был, такой, что ты в чём то виноват. Умеет, одним слов.

Потом, по инерции, высказались школьные выскочки и подлизы, благодарили школу и Борисовну.

Потом слово взял я.

Нет, меня не понесло, как Остапа, я к тому времени ещё не столько много выпил. Я просто спросил:

– Все смотрят сериал «Лихие – 90-е»?

Лес рук и одобрителный гул сообщал мне, что все и всем сериал нравится.

Тогда я продолжил:

– Предлагаю интересный конкурс, чтобы наши посиделки не превратились в банальную пьянку и хвостовство. Согласны?

Одобрителные выкрики позволили мне перейти к оглашению условий:

– Я предлагаю всем рассказать откровенно про себя, с точки зрения сериала. То есть, с окончания школы нами, прошло полтора года, сейчас февраль 1989 года, преддверие «Злых-90-х», тьфу «Лихих», конечно. И вот кто кем стал и чего добился, какие перспективы. Жюри все мы. По итогу решаем, кто правдивее всех рассказал и тому будет приз от меня. Идёт?

– Идёёёт !!!, – все дружно закричали.

– Ну ещё бы. Думают наверное, что не меньше чем Серёге перепадёт, – подумал я и добавил про себя: – и правильно думают !, а в слух произнёс:

– Тогда я начну первый, чтобы показать пример.

– Валяй, Дэн !!!, – зашумел довольно народ, в предвкушении хохмы.

– Ну так вот. Учился бы я на втором курсе торгового института, на товароведа. Чтобы, значит, поближе к дефицитам быть. Все помнят, что такое дефицит?

Одобрително-неодобрителный гул подтвердил некороткую память одноклассников.

– И уже бы и сам ими приторговывал, будучи уже в системе. Так же Вам снял ресторан, но не этот, а наш старый «Острада». Ничего нового у нас пока не в городке появилось бы. Водка только пропала.

Все опять дружно возмущённо зашумели.

– Всё пока правдиво?

– Дааа !!!, – бурно отреагировало собрание.

– В перспективе, в этом году в армию на два года пошёл бы, потом доучивался бы до 94-го. Вот по мне и всё. Пока голосовать не будем. В конце. Кто следующий?

– А, мне можно?, – спросила Борисовна.

– Да, конечно, – поторопилась поддакнуть ей, по привычке, Валька-стукачка.

– Спасибо, – поблагодарила Борисовна и начала:

– Так вот. Все Вы знаете, что выпустив Вас, от классного руководства я отказалась и просто преподаю. Сейчас мне с мужем хватает моей простой учительской зарплаты и его пенсии, и плюс 100 рублей на двоих базового безусловного дохода. Спасибо Партии и Правительству за него. Судя же по фильму, времена там в 89 году уже наступили непростые. Всё стало дефицитом и даже ввели талоны. Зарплаты учительские и так были небольшие, а тут и купить ещё и нечего. Престиж учёбы резко упал. Правильно сказал Дэн, многим захотелось быть поближе к дефицитам. А для этого не обязательно идти в институт. Можно просто и в продавцы. Упал престиж, и Комсомола и Партии. Никто в девятый и десятый класс не хочет идти учиться и дальше продолжать учёбу в ВУЗе. Короче, тяжело в школе стало. Ну Вы поняли о чём я.

Сдержанный гул одноклассников и ухмылка Ленки показали мне, что поняли, хоть и не все.

– В перспективе, я бы, наверное, пошла бы работать завхозом школы, курировала бы школьную столовую и ещё там такая интересная тема появилась в связи с трагедией на АЭС, как льготное питание и «чернобыльские льготы и выплаты». Тоже бы постаралась к этому поближе оказаться. Ну, в общем всё.

Гробовое молчание подсказывало мне, что процесс откровенного признания Борисовны всех сильно взволновал.

Я снова взял на себе роль ведущего и предложил продолжить дальше.

Тут же вызвалась Ленка.

– Ну мне сильно добавить или убавить от моего нынешнего положения сложно. Вы все знаете, как моя мамка меня сразу выпихнула замуж за моего козлика с седой бородой на Мерседесе. И тогда бы было всё также. Может чуть по-другому. Хотя, судя по фильму и там появились кооперативы и частники. А, что меня лично касается, то также пошла бы в «лёгкий» и в конкурсах разных участвовала бы. Может родила бы уже, а не порхала. И двумя руками и ногами держалась бы за богатого мужа и ещё нарожала бы. Так что вот так, по мне, – закончила довольно бодро Ленка, свою вполне правдивую, альтернативную историю.

Одноклассники загудели одобрительно. Кое кто и выпил за это.

– Кто следующий?, – опять спросил я.

– Я, я, следующая, – вызвалась Шу и замахала призывно поднятой рукой, как отличница на уроке, что за ней в школе особо не водилось.

Я махнул ей, и она начала свою исповедь.

– У меня тоже, вряд ли бы что-то сложилось по иному. Моя реальность совершенно не противоречит той, что в фильме. Я то, особо ни на кого не надеялась. Только на себя. И стремилась к тому, к чему и пришла. Нашла себе богатого «папика» в Москве и живу, как Дэн верно заметил, в «золотой клетке». Так, иногда, кое кого туда запускаю, порезвиться, ха-ха, – рассмеялась она, взглянув на меня невзначай. Я не выдержал и отвёл взгляд, непонятно почему.

– У меня всё, – закончила Шу.

– А, как же перспективы?, – спросила Борисовна по-доброму, питая необъяснимую приязнь к Шу ещё со школы.

– Да такие же, как у Ленки. Нарожая ему, никуда потом не денется. Как минимум алименты будет платить. Что в той, что в этой жизни, – обрисовала она свои перспективы и тут же добавила:

– Или к Дэну уйду..., – и после паузы «имени МХАТа», когда все с удвоенным интересом посмотрели на неё и на меня, она добавила: – в кино сниматься.

Тут началось непонятное шевеление и гул вопросов, общий смысл которых сводился, – при чём тут Дэн и кино?

– Так что, это я только в курсе, что Дэн в киноделе не последний человек?, – спросила недоуменно Шу у всех.

Народ возмущённо зашумел и мне пришлось объясняться.

– Господа-товарищи и дамы, тихо ! Прошу Вас, тихо ! Да, Шу права. Я имею некоторое отношение к кинопроизводству.

Это не помогло и на меня обрушился град вопросов.

Пришлось на них коротко отвечать, без подробностей, отшучиваясь известной фразой Рокфеллера: «Я готов отчитаться за каждую копейку своего многомиллиардного состояния, но только не спрашивайте меня, где я взял свой первый миллион».

В общих чертах я поведал товарищам о зарабатывании денег на фондовой бирже, о выгодном вложении в акции успешного НИИ. О покупке Ялтинской киностудии и производстве на ней нашумевшего фильма «Авария дочь полка» и то, как это вызвало рост курса акций студии. Затем я рассказал вкратце о покупке «Мосфильма», когда тот попал в бедственное положение. А потом и о выигранном конкурсе на производство сериала «Лихие-90-е» и о получении гранта от «Фонда Кино», для его производства. Пока первого сезона, но нет сомнений, что со-финансирование продолжится.

– А, кто придумал такой интересный сюжет?, – спросила Борисовна.

Мой ответ для многих прозвучал неожиданно:

– Это отдельная история. Это фактически плод больного воображения вполне здорового человека, а попросту, его кошмарные сны, записанные и переработанные в сценарий, – поведал я упрощённую версию появления «Лихих».

– А, к тебе и правда можно приехать сниматься?, – спросила неуверенно Ленка.

– Леночка, для тебя всё, что угодно. Если мамка и муж отпустят, – неудержавшись, съехидничал я.

Тут голос подал Серёга.

– Я вот хочу рассказать..., – начал он, с явным намерением «выдать меня с потрохами», а именно с покупкой «пентхауса», но я его перебил и направил в другое русло:

– Да, правильно Сергей, поведай свою историю, а то всё обо мне и обо мне.

Тот замялся на мгновение, но увидел мои красноречивые глаза, что-то там своё понял и с энтузиазмом продолжил свою начатую фразу.

– про себя. Я, скорее всего, пошёл бы вначале шофером в колхоз. Батя Дэна мне тогда обещал. Так и вышло. А потом в армию, тоже шофером. Это мне обещал тоже батя Дэна. Но тут у нас армию отменили, а там на все сто загремел бы. Отслужил бы два года и опять на гражданке за баранку сел бы. Ну, и на «сервисе» подрабатывал бы. Фуры за марки и доллары мыл бы или колёса им бортировал бы. А потом, тоже наверное, торговлей занялся бы, как и сейчас. Женился бы..., – тут Серёгу прервал внезапный вопрос его спутницы Вари:

– На ком?

– На тебе, наверное. Ты же там на «сервисе» в буфере работаешь. Вот и сошлись бы, я думаю, – несмело тот ответил.

– Я бы за тебе там не пошла бы. Я, наверное, там хотела себе болгарина-дальнобойщика какого ни будь, – ляпнула Варя, явно не подумав.

– Да пошл..., – начал Серёга гневную тираду, но был мною остановлен.

– Сергей, молодец. Откровенно всё. Кто следующий?

Серёга прервался на пол слова, но всем своим видом показывал своей спутнице всю степень своего негодования.

В ответ мне поднялся лесс рук и хоровое восклицание: «Яяя!!!»

Все высказывались довольно откровенно, но того накала, что был в первых признаниях, уже не было. Ну, так всегда. Все поняли алгоритм и по нему шли, с небольшими вариациями.

Все наши немногочисленные одноклассники уже были замужем. Кое кто родил, кто-то был «в положении». У них всё было по накатанной и это мог изменить только «Конец Света», а не какие то там «Лихие-90-е».

У парней не так всё однозначно. Особенно у тех, кто пошёл работать в местные новые предприятия. Они то со все остротой поняли, что в той реальности ничего нового у нас тут бы не появилось. И даже имеющиеся успешные предприятия, как то: льнозавод и маслокомбинат, закрылись бы, по причине развала СССР и нарушения всех производственных цепочек и связей. К тому же, в связи с «войной суверенитетов» в «Лихих», Россия потребовала оплачивать поставки газа и нефти долларами, а сама стала закупать овощи, фрукты, молоко, мясо сахар в той же Польше и отказывалась от взаимозачётов и бартера с бывшими «братскими республиками». А при СССР был общий баланс. В общий союзный фонд поставлялось от республик то, что они производили, а в обмен они получали им необходимое. Те же газ и нефть по цене дешевле воды. А оказалось, что тона нефти стоит столько же, сколько и тона зерна наивысшего качества или как две тоны низкого. И если нефть продать легко и просто, то вот зерно нет. Не говоря уже про газ. Который шёл на отопление частных домов зимой и который нельзя было взять и отключить. В итоге дошло до прямого воровства независимой Украиной газа из трубы и вынужденной ответной меры со стороны России по прекращению его поставок посреди зимы, для того, чтобы заставить Украину признать долг в несколько миллиардов долларов и передать Севастополь России в аренду на 25 лет.

Поэтому мои одноклассники были весьма озадачены таким аспектом своего возможного несладкого будущего в той реальности фильма «Лихие-90-е». Ну это я так, немного забежал вперёд от уже показанных серий и раскрыл им, по их просьбе, хотя бы фон развития событий.

Потом заговорили о нынешних делах. Я высказал им своё удивление, что многие из них так и не используют тех возможностей, которые открылись сейчас. Сидят в «старом городе» и даже не пытаются из него вырваться. Не улучшают своих жилищных условий, хотя вот для них же строят эти прекрасные дома и предлагаю обменивать их халупы на отличные квартиры.

– Мы стали городом ! И никто нам не позволит жить посреди города в наших хижинах !, – вещал я им, – посмотрите, что стало с теми деревнями вокруг Киева, Троещиной, Осокорками и так далее. Теперь это просто микрорайоны Киева. А кто хочет жить в своём доме, пожалуйста. Есть сельская местность, бери участок и стройся там или покупай готовый дом. А у нас всё снесут в этом или следующем году.

– Так разве за наши, как ты сказал, халупы, дадут нормальные квартиры?, – спросил Стасик, родители которого все десять лет нашей учёбы в школе строили отдельный дом, и наконец построили, а тут такое вот.

– Смотря, кто и что, считает для себя «нормальным», – ответил я и продолжил, – если тебе не хватит оценочной стоимости дома, то предложат доплату с рассрочкой лет на двадцать. Но я уверен, если реально оценивать свои потребности и доходы, то квартиры будут лучше и без доплат, по сравнению с Ваши теперешними жилищными условия.

В подкрепление своего довода я спросил:

– У кого «удобства на улице»?

Лесс рук подтвердил мою правоту.

Тут Вадик задал довольно сложный вопрос:

– Так, а как нам доходы свои увеличить?,

– Ну пока, наверное, для Вас никак. Учитесь, получайте профессию. И если увидите, что в других Регионах больше платят или лучше условия, то не сомневаясь переезжайте туда, – ответил я обтекаемо.

– Хорошо сказать, переехать. А родители?, – это Толя спросил.

– Толя, они что, тут в пустыне? Нет. Они тут всю жизнь прожили. У них тут друзья и знакомые. Но если ты ничего не хочешь менять, то конечно оставайся.

Он смутился от моего довольно прямого ответа и я решил заканчивать с разговорами.

– Так, друзья, заговорились мы. Давайте выпьем и потанцуем. Вон как раз ансамбль местный уже настраивает аппаратуру, – предложил я.

Так и поступили.

Потом были танцы под известные шлягеры в живом исполнении.

В самый разгар вечера меня пригласила на медленный танец какая то местная краля из соседнего зала.

Мы сидели в отдельном зале ресторана, а выходили танцевать на общий танцпол, к которому примыкало ещё несколько залов разных размеров.

Потом смутно помню, как мы с ней пили на брудершафт.

Проснулся я в своей кровати. Голова немного шумела. Но так, всё в рамках дозволенного и ожидаемого от дружеских посиделок. Напрягало полное отсутствие воспоминаний о конце вечера и как я попал домой.

На первом уровне моей квартиры, приглушённый шум указывал на бытовую деятельность прислуги.

Я, как и вчера, пошёл в душ, а потом немного поплавал в десяти метровом бассейне. «Повисел» в воде у панорамного окна, наблюдая за заснеженным город и зимними окрестностями. Конечно, необычное зрелище. Ты, как бы паришь над ним.

Затем, одевшись, я спустился вниз, где меня уже ожидал завтрак.

После завтрака я набрал Серёгу. После нескольких попыток, я понял, что друг хуже меня отделался и больше не стал его напирать звонками.

Не успел я положить трубу, как она запиликала. Высветился неизвестный номер.

– Аллю, – я ответил.

– Дэн, привет ! Ты дома?, – заговорила труба Ленкиным голосом.

– Да, дома.

– Тогда открывая, я уже рядом.

– Лена, ты у моего дома?, – уточнил я.

– Дэн, ты ещё не протрезвел? А, у какого ещё, – возмутилась трубка.

– Я уже трезвый. Я просто переехал, – сказал я спокойно.

– Куда? – спросила Ленка ошарашено.

– Недалеко. Напротив, – подсказал я ей место своего нового жительства.

– В смысле, напротив?

– Ну вот, в этом красивом, высоком доме.

– Огооо, Дэн. И где ты там?

– Поднимайся на тридцатый этаж, я предупрежу, – коротко я ей пояснил и нажал кнопку «отбоя».

Всё повторилось, как вчера с Серёгой. Только я вышел не в халате, а спортивном костюме.

– Лена привет. Ты что-то себе уже заказала?, – начал я.

– Дда, – немного запнувшись та ответила.

– Лена, ты чего? Слуг никогда не видела?

– Ввидела. В кино, – ответила та коротко, продолжая запинаться и смотреть вокруг круглыми от полного изумления глазами.

– Пойдём. Покажу тебе тут всё, – предложил я ей.

Осмотр квартиры был прерван в бассейне. Ленке очень понравилось «висеть над городом», а мне понравилось вот так «на весу» пытаться её вытолкнуть, ха-ха.

Последовавшая потом «проверка на профпригодность кровати» тоже прошла на высоком уровне. Ленка в очередной раз показала мне, что я безнадежно от неё отстал, вернее, её запросы и умения в разы превосходят мои возможности. Так что мы просто наслаждались друг-другом, как могли.

– Дэнчик, а куда ты вчера ушёл с этой лярвой белобрысой? И, где она?

– Лена, представь, ничего не помню. Как пил с ней на брудершафт помню, а что потом, нет.

Ленка задумалась и сказала:

– Ну, на клофелинщицу она не похожа. Тем более, что ты потом с ней долго танцевал и даже я слышала, как ты ей говорил, что она твоё «новогоднее приключение», – поведала мне Ленка подробности вчерашнего вечера, которые я совершенно не помню.

– Да, дела, – только и проговорил я.

– А у тебя, тут, ничего не пропало?, – спросила она настороженно.

– Даже не знаю, – ответил я, непроизвольно оглядываясь в спальне.

– Сходи и посмотри, – настояла Ленка.

Я подчинился её «приказанию». Вполне разумному, кстати.

Беглый осмотр ничего не дал. Вернее, показал, что ничего не пропало. Опрос слуг дал информацию к размышлению.

А именно, что они тут никого, кроме меня спящего мирно в кровати, не видели. Но вот в низу, ночной консьерж, которого они ещё застали при пересменке, поведал им, что мол их «хозяин» пришёл домой с девицей, которую тот первый раз видел. Немного выпимши, но на своих ногах и не шатался, язык не заплетался, вежливо поздоровался и сам проследовал к лифту и дальше к себе.

А, девица та ушла под самое утро, почти вот перед его пересменкой в 8 утра. Тоже была вежливая и не пьяная. Так разве, чуть-чуть.

– Ничего этого не помню. Хоть убей, – пронеслось у меня в голове и заставило ещё более тщательнее всё осмотреть.

Повторный тщательный осмотр дал результат, неутешительный. Были следы тщательного обыска всего. Первые признаки его были в том, что не на тех местах лежали вещи, как в карманах одежды, так и на полках в шкафу. Видимо, девица торопилась и просто аккуратно их сложила, не заботясь о полном первоначальном соответствии их местонахождения.

Затем, следы попыток взлома были и в «книге-ПК». Пароль безуспешно пытались водить и он заблокировался. Теперь только с помощью специальной приспособы его можно «вернуть к жизни». Но с собой брать переносной ПК побоялась. И правильно. Во-первых, это уже уголовно-наказуемо, а во-вторых, там стоит радио-маячок. Так что, можно было бы отследить его перемещение и местонахождение.

– Неужели у неё был сканер?, – пронеслось у меня в голове, – тогда это не просто воровка, а агентесса по мою душу, – пришёл я к неутешительному выводу.

– Дэн, ты чего?, – вывела меня из ступора Ленка.

– Да так. Всё на месте. Но вот ничего не помню, – сокрушался я.

– Бывает. Ладно, забей. Ничего не пропало и хорошо, – оптимистически она меня подбодрила.

Потом, чтобы окончательно снять возникшее напряжение мы с ней поплавали и «попарили» в бассейне. От похода в сауну Ленка отказалась. Я так понял, что после тех новогодних приключений двухгодичной давности в Киеве, её от сауны и разных других парилок, что называется «отвернуло».

Затем был обед и снова «проверка кровати на прочность».

После короткого послеобеденного сна и «пятичасового чая-полдника», Ленка засобиралась. Должен был приехать за ней её благоверный. Сюда она добиралась на автобусе, вполне себе комфортабельном, а уже назад заедет за ней её муженёк.

Уже внизу я её шепнул:

– Саныч помнит и ждёт.

– Да некогда ему меня помнить. Он Мир, с какой то бляд..ю немецкой, постоянно спасает. Видела их на фото пару раз, – фыркнула она на прощанье.

Проводив Ленку и вернувшись в апартаменты, я снова погрузился в размышления. Меня задела Ленкина фраза, подслушанная ей в моём разговоре с незнакомкой, я даже имени её не помню. А фраза звучала совершенно дико: «моё новогоднее приключение», что отсылало мою память сразу к моей «новогодней незнакомке».

Мои размышления прервал звонок сотового. Высветившейся номер принадлежал Серёге.

– Аллю, – ответил я.

– Привет, Дэн. Ты как?

– Да всё хорошо. У тебя, Серёга, как дела?

– Да вот, Дэн, опохмелился и уже лучше, – огорошил меня он.

– Ты чего это, опохмеляться начал?, – возмутился я.

– Да, не. Рассолу, а потом кофею выпел. И норм, – успокоил он меня.

– Давай прогуляемся по зимнему вечернему городу, – предложил я.

– Давай, – тот согласился.

– Тогда через пол часа у «каменного Вовы»?

– Идёт, – проговорила трубка и отключилась.

Ещё на подходе я заметил фигуру Серёги, маячившую у памятника Ленина, которого мы, для конспирации, ещё со школьных-октябрятских лет, уважительно называли «каменным Вовой», нося на груди «звёздного Володю».

– Да, мороз в этом году знатный, – вместо приветствия начал он, одновременно пожимая мою протянутую руку.

– Ну что, куда пойдём?

– А давай, по старому парку пройдемся, а потом на дискотеку заглянем, – предложил он.

– Давай, – согласился я с его предложением и мы неспешно пошли.

– Послушай, Серёга, ты помнишь с кем я вчера зажигал?

– Да так, Дэн, смутно, – признался друг.

– А, я вот вообще ничего не помню, – в свою очередь признался я.

– Но то, что я её ни разу до этого не видел, это точно, – заявил Серёга, с видом человека, знающих всех. Но, конечно, это было уже далеко не так. В нашем городе появились тысячи новых людей и продолжает их количество прибывать. Много просто командировочных и гостей.

– Ты, кстати, сегодня работал?

– Неа. Проспал. Да и нужды особой нет. У меня там продавец, – ответил с гордостью Серёга.

Эту историю про Серёгиного продавца знали все в «старом городе». По просьбе нашего одноклассника, он взял к себе на работу его младшего брата. Тот ушёл со школы после восьмого класса ввиду полной своей «необучаемости». Не умел ни читать, ни писать, ни считать. Но Серёга об этом не знал. И нагружал того «по полной». Кое какие подозрения в отсталости протеже у Серёги возникли в их первую поездку «за товаром» в Киев. Когда они ехали на обычном рейсовом автобусе, а его помощник не отрывался от окна. И на вопрос Сергея, что он там увидел?, тот просто ошалело посмотрел на Серёгу и кивнул в окно промолвил «оцэ да !», что означало крайнюю степень «захвата» от увиденного. Потом тоже самое повторялось и в Киеве. Но там отвлекаться и выяснять, что опять так удивило хлопчика, Серёге было некогда.

После нескольких совместных поездок, Серёга посчитал того уже достаточно опытным и отправил Лёню, так звали помощника, самостоятельно в Киев за товаром. Наказав всё делать, как они это делали вместе. Снабдив его списком закупки, с названием, количеством и примерной ценой товара. А также с указанием места, где это можно купить. Ну и, конечно, выдал необходимую денежную сумму.

Весь товар закупки уместился в большой картонный ящик, обшитый холстиной и установленный на небольшую тележку. Вполне посильную для транспортировки одному человеку.

И так началась самостоятельная закупочная деятельность Лёни. Иногда Сергей его оставлял за прилавком своей торговой точки.

Через некоторое время картонка со списком закупки истрепалась и Лёня сделал собственноручно новый список, а потом уже каждый раз писал сам новый. Согласовывая его с Сергеем перед поездкой.

Через пол года Лёню встретила его бывшая классная руководительша и...не узнала. Ей на встречу шёл современный успешный молодой парень. Модно одет, в больших фирменных наушниках, с плеером и в зеркальных очках. За такой «прикид» он получил кликуху «Лёня-луноход», правда это из-за того, что он ещё обычно тащил за собой тележку с товаром.

А когда учительша узнала, что Лёня работает у Сергея и сам ездит на закупки и не разу не ошибся с расчётами, то только и сказала: «Ты Сергей сделал для Лёни то, что не смогла сделать школа». То есть, научил читать, писать и считать за пол года. И дал профессию.

Мы с Серёгой стояли возле памятника Ленину и я как бы невзначай и говорю ему:

– Серёга, ты представляешь, что его снесут, – и кивнул на «каменного Вову».

– Кто? Когда?, – с испугом тот спросил.

– Да не пугайся ты. Не у нас, а там. В «Лихих». Националисты снесут, – уточнил я.

– Аааа. Ну, Слава Богу ! А то я действительно перетрухал чутка. Только жизнь налаживалась...

Немного погодя, уже идя с ним по старому парку, спросил я друга:

– А, вообще веришь, что такое могло бы быть, если бы в 85 не туда повернуло и потом...?

– Да запросто. И сейчас недовольных полно. Одним не нравится, что к нам понаехало народа куча. Другим, что старину, традиции забываем. Третьим просто завидно, что у тебя вот всё есть, а у них нет, – пояснил, сумбурно, ну как мог, свой ответ, Серёга.

– Ну, так и фильм для этого снимаем. Чтобы все видели, к чему это привело бы, – пояснил я товарищу.

– Так то, оно так. Но все равно не верится. У нас же КГБ, Милиция, Армия есть. Они бы им не дали всё это сделать?, – не соглашался Сергей с возможностью такого поворота и в действительности.

– Да, возможно ты прав. Нужно будет в дальнейших сериях показать, как все эти структуры оказались беспомощными, – согласился я частично с другом.

Прошло почти три месяца с начала страшных событий, которые перевернули всё в США, да и в Мире. Но неизменными в США остались спецслужбы. Ума и профессионализма их служащих хватило для того, чтобы в общей массе своей не геройствовать и не сопротивляться народной стихии. Поэтому, почти весь штат их уцелел, вовремя покинув здания центрального аппарата в Вашингтоне и в столицах штатов.

Сейчас всё «возвращалось на круги своя». Вернее, как только русские вмешались и запустили процесс «обновления власти» в США, народный протест пошёл на спад.

И одним из первых, кто вошёл в свой разгромленный кабинет в ЦРУ был его директор.

Он тогда без лишних эмоций смахнул со своего рабочего стола грязь и битое стекло, взял и поднял с полу первый попавшейся целый стул и занял своё рабочее место.

Постепенно возвращались и другие сотрудники центрального аппарата и жизнь налаживалась.

И вот он читал первый отчёт, полученный им за последние три месяца по делу «Призрак». Под этим кодовым названием скрывалось дело, связанное с «ясновидящим или ясновидящими» советов.

Директор ещё раз перечитывал с самого начала всю папку восстановленного из электронного архива дела и понимал, что «игра проиграна».

– Нет, не игра. Конец времён не настал, – подумал он и нажал кнопку вызова на селекторе.

– Я Вас слушаю, сэр, – произнёс динамик.

– Дженкинса ко мне, – коротко сказал директор.

– Слушаюсь, сэр, – последовал ответ из селектора.

Через несколько минут дверь открылась и в неё вошёл поджарый парень, лет тридцати, с военной выправкой и отрапортовал:

– Сэр, прибыл по Вашему распоряжению.

– Присаживайся, – указал директор на стул у приставного стола для посетителей.

Не дожидаясь, пока тот усядется, директор продолжил:

– Дженкинс, ты никогда не работал в России и значит наилучшая кандидатура на сегодня. Тебе наверное известно о полной утечке данных по нашей иностранной резидентуре и агентам?

– Да, сэр.

– Ну вот и ответ, почему ты лучше всего подходишь для этого дела. Вот возьми почитай пока. А потом поговорим.

С этими словами директор придвинул тому папку с делом «Призрак». Дженкинс взял её аккуратно, как бомбу или змею, и осторожно раскрыв, углубился в чтение, шелестя её содержимым.

Директор же делал вид, что занят чем то в своём ПК и тупо смотрел на экран монитора с открытым документом, но думал совершенно о другом.

– В папке, что он вручил своему сотруднику, не было последнего отчёта агентшвы, под кодовым наименованием «Шторм». Он сам пока не решил, что с этим делать. По всему выходило, что если всё хитро представить, то можно дело повернуть совсем по другому.

– Благо, что из прежнего состава «дип стейт» почти никто не уцелел. Тут сводили счёты с этим надутыми индюками, как он сам, так и русские. Последних понять можно. Эти «жирные денежные мешки» хотели уничтожить Россию, довести её до жалкого существования.

Тут он поймал себя на мысли, что себя он к врагам советов не причисляет.

– Конечно. Я простой солдат и только приказы выполнял. А их отдавали они. И как показала практика, с такой постановкой вопроса и советы тоже согласились. Охотно приняли его помощь и сотрудничество. Правда пришлось пойти им на встречу. И раскрыть всю сеть агентов...официальных.

– Сэр, я уже всё прочёл, – прервал размышления директора Дженкинс. Это прозвучало так внезапно, что заставило директора вздрогнуть.

– Чего вы так орете, Дженкинс? Вы не в казарме, а на аналитической работе. Здесь важен такт и тишина, – сделал ему замечание директор.

– Так точно, сэр, – полусшепотом, но чеканно и по солдафонски, тот ответил, немного боднув головой.

– Да, этот будет рыть носом землю, ему наши игры понравились, – подумал директор с удовлетворением, а в слух произнёс:

– Тогда вот Вам задание...

Когда Дженкинс ушёл, мысли директора перенеслись в далёкую заснеженную Москву.

Там в уютной квартирке, полулёжа на мягкой софе расположилось прелестное белобрысое создание и тоже предавалось мысленному анализу.

Вот она перенеслась в предновогоднюю Москву.

«Войти в контакт с объектом, максимально себя не раскрывая», – гласило самое трудное требование заокеанского Центра по очередному её заданию.

Кэт, Лиз, Джил, Лен, Люд, Ань, каких только у неё имен не было. Сейчас она шла на одно из самых сложных своих заданий. Она была личным агентом директора и не проходила ни по одной картотеке. Выполняя разовые акции под различным прикрытием в России или выдавая себя за русскую или советскую в других странах.

У неё на территории СССР было несколько «легенд» и «лежбищ». По которым она проходила, то как сирота, геолог, часто бывающая в длительных поисковых партиях или врач-эпидемиолог, подолгу отсутствующая дома или актриса, провинциального театра на гастролях. Последняя роль ей больше всего нравилась. Так как она действительно была гениальной актрисой от рождения. В школе и колледже участвовала в постановках. Вот там то её заметили и данные ушли в ЦРУ. А когда узнали, что она из семьи русских эмигрантов, то всё сразу в её судьбе и решилось.

Одна «случайная» встреча с директором ЦРУ перевернула её Мир. Согласие она дала сразу. Противостоять «империи зла» и всемогущему КГБ, это, как оказалось, было её мечтой. Её тут же изъяли из семьи, под благовидным предлогом учиться за госсчёт в престижном, но закрытом колледже при университете. Там она прошла спецкурс по перевоплощению и по... гипнозу. К которому у неё тоже открылся природный дар. Её специализация была в изъятии информации из тайников и закладка в тайники.

Как известно, это самое опасное дело, если за тем, кто уже был у тайника была слежка или он выдал место тайника.

Тут и выходил на первый план её талант к перевоплощению. Она могла быть ребёнком, подростком, зрелым человеком, пожилым, с различными изъянами и всё это обеих полов.

Причём, используя при этом спецкостюмы и оборудование, само переодевание и смена внешнего вида происходила в течении десяти-пятнадцати секунд. Этого было достаточно, чтобы уйти от слежки завернув за угол или войдя в общественный туалет или другое многолюдное место. Тайники планировались в малолюдных местах с хорошо просматриваемыми подходами. Или наоборот, в неожиданных. Как то детские, спортивные площадки, дискотеки, театры и кинотеатры. Где она ловко выдавала себя за одного из постоянных посетителей этих мест. Вплоть до полного подражания одному из таковых.

Поэтому ей не составило особого труда, под видом одного из сотрудников «Мосфильма», причём мужчины, проникнуть на новогоднюю вечеринку русских, проводимую ими в одном из павильонов кинокомпании.

Конечно, был риск встретить какого то его знакомого. Но девушка относилась к своим заданиям ответственно и выбрала личину сотрудника, только недавно устроившегося на «Мосфильм». Для этого правда пришлось немного «попотеть» под работником отдела кадров. Но это вообще мелочи её профессии. И вот доступ к данным кадрового учёта был получен, даже с объективными характеристиками. Как то: «дружелюбен, но не коммуникабелен», то есть друзей и близких знакомых этот товарищ за месяц работы вряд ли себе завёл.

Выудить у «шляпы» пропуск вообще было не сложно. А чтобы не было ни малейших подозрений, сразу избавиться от него возле проходной, войдя на территорию «Мосфильма». Чтобы его вскоре нашли и отдали «маше-растеряше». Да, Кэт была знатоком России и СССР. Много читала с детства русских книг. Смотрела все кинофильмы, а культовые постоянно пересматривала. Также пересмотрела все мультфильмы. Признав, что они самобытные, смешные, но их очень мало. Что такое 11 серий «Ну, погоди !», в сравнении с тысячей «Микки-Мауса» или «Томи и Джери»?

Поэтому ей были известны все современные идиомы, хохмы и крылатые фразы.

Под видом девочки с «родителями геологами, работающими в Африке», она проучилась в одной из московских школ в десятом классе, «переведясь туда из провинции, в след за переездом родителей». Училась в школе, где таких детей было много и это не вызвало ни у кого подозрений.

Некоторые её «проколы» все списывали на её «провинциальность». После успешного окончания школы она поступила в «пед», на организатора. Там был вечный недобор. И её туда взяли без проблем с её аттестатом со средним балом 4,8.

При этом она сменила квартиру на общагу. Где ещё больше окунулась в советские реалии. Побывала и «на картошке» и на овощной базе. А после окончания первого курса даже была на практике в пионер-лагере.

Правда, в советских пионер-лагерях она стала бывать сразу, как только пошла в ЦРУ. Это было не сложно. Артек и другие лагеря СССР с удовольствием принимали детей из-за рубежа по путёвкам, купленным через Интурист. Первый раз она была там в составе детей из Канады. Потом из Австралии и Германии. Последнее было рискованно, так как она знала немецкий на уровне школы. Но у неё «легенда» была, что её родители переехали туда на работу из Англии. Прямо из Англии нельзя было, так как англичане страшные снобы и за границу детей не отправляют, а тем более редко изучают русский язык. А изучение русского языка и культуры и было основным заданием в таких поездках. Ну и некоторые поручения. Самое простое сделать закладку в тайник. И самое сложное соблазнить партийного функционера, которого потом будут шантажировать связью с несовершеннолетней иностранкой. А таких высокопоставленных партийцев было там полно. То ли они действительно были педофилы или ещё что, но их просто тянуло к детям в этих лагерях. У неё было конкретное задание. И дядечка вроде как того и ждал. У Кэт было небольшое опасение, что тот может возмутиться. Но ничего такого не было и всё прошло по плану.

И вот она внутри «Мосфильма». У неё было полное и подробное описание всего и вся внутри. Видимо кто-то из их конторы тут уже побывал. Поэтому она быстро нашла склад-гардероб и сменила свою личину на костюм испанки в маскарадной маске и надела чёрный шиньон. На всякий случай вставила коричневые линзы в глаза. На руках она постоянно старалась носить перчатки на заданиях.

Она заранее знала, что тут все будут переодеваться в маскарадные костюмы и это не вызовет подозрений. Поэтому выполнить категорическое требование «Войти в контакт с объектом, максимально себя не раскрывая», не составляло особого труда.

Влиться в праздник, когда тут собралось около тысячи человек, тоже не было проблемой. Тем более, если ты молода, с хорошей фигуркой и в ярком костюме испанки. Весела и легка на подъём. Не гнушаешься ни чьей компании. Не отказываешься никому в... танцах пока, ха-ха. И через два часа ты свой человек тут.

А потом, невзначай, «объект» сам оказывается рядом с тобою. И уже точно он не вспомнит, кто кого пригласил на танец первым.

Тут все знают «хозяина» Дэна. Весёлого и женолюбивого парня. Которого только помани, и он тут как тут. И вот он уже тянет её выпить в свою каморку, как он назвал свой кабинет. Но пока рано. Ещё веселье в разгаре. Всё нужно проделать под самый конец.

А пока, мы с ним танцуем и просто невинно флиртуем. Участвуем в разных смешных и интересных конкурсах. От раздевания пришлось отказаться.

Но вот уже первые потянулись на выход. Там на улице будет салют, и многие после него поедут домой.

Вот тогда нужно будет и действовать.

«Испанка» сейчас исчезнет.

– Так, отлично, он заметался в поисках, – следила за ним Кэт из укрытия уже в костюме «Зорро», который позаимствовала у покидающего праздник парня.

– Будет потом, наверное, судорожно вспоминать, когда же он ушёл и кто его видел, на допросах в КГБ, – подумала о бедолаге Кэт.

– Вот, Дэн направился к своему кабинету, судя по направлению. Всё пора, – сама себе она скомандовала.

«Никакого насилия и вреда для «объекта» – гласило основное требование этого задания.

– Всё будет хорошо, – подумала про себя Кэт, тихо проскользнув за спиной Дэна в его кабинет и резким движением нажав на короткое время в определённом месте на его сонную артерию.

Затем она ловко подхватила безвольно падающее тело Дэна и усадила его в широкое кожаное кресло.

Похлопала по щекам, приводя в чувство. А когда тот заморгал, тут же привела его в гипнотический транс.

– Так, первый пункт задания выполнен. Объект легко вошёл в транс, что явственно говорит о частом его погружении в него, – отметила про себя Кэт.

Затем она бросила взгляд по сторонам и отметила с удовольствием своё везение и интуицию. Она находилась всё время в «мертвой зоне» возможных камер наблюдения. И хотя на ней была маска, шляпа и широкий плащ, не позволявший её опознать в будущем, лишняя предосторожность не мешала.

Потом она активизировала шумоподавление возможных «жучков», но на всякий случай воспользовалась устройством по смене голоса.

Теперь её голос звучал по-мужски. А заранее построенные фразы и слова могли указать на мужчину средних лет, москвича, с высшим техническим образованием, много читающим, но не знакомым с иностранными языками на профессиональном уровне, скорее всего словечки из фильмов и передач. Место работы: небольшое производство. Короче, ничего такого, чтобы могло указать на настоящий след.

Проверив дверь и погасив свет, она начала «допрос» по пунктам задания.

Как её поставили в известность, Центр заинтересовался русским сериалом про жуткое будущее советов. Она его тоже с интересом смотрела. А из общедоступных слухов и информации знала, что это всё сны какого то парня, переложенные на сценарий и дополненные другими подробностями. То есть, ничего особенного. Такого бреда во все времена хватало. С таким же успехом можно было и Оруэлла заподозрить в 40-е годы, когда он описывал 1984 год. Или его заподозрили?

Ну, задание получено и её дело всё сделать точно.

Вопросы вполне вписывались в «легенду» и ощущения, что её используют «втёмную», у Кэт не возникло. Ну может, чуть-чуть, когда выяснилось, что и «объект» сны видел тоже.

– Ну, так и мне тут пару раз снилось подобное, так что это и я тоже ясновидящая?, – задала она себе тогда вполне резонный риторический вопрос.

Особенно когда у тебя на Родине творится чёрт знает что, уже два месяца. Как закончились эти проклятые президентские выборы и никак не могли огласить результат. А потом, каждый объявил себя победителем и толпы их сторонников пошли громить, кто Капитолий, а кто Белый Дом. А затем, уже без разбору громили все госучреждения по всей стране. А когда «исчезли полицейские», то банды мародёров стали громить и грабить, и магазины, и зажиточные кварталы.

Вот уже месяц, как нет связи с Центром. Но полученное задание Кэт выполнила и в тайник заложила результаты, несмотря на риск. Так как на радиопередачу через спутник и даже на электронное письмо, ей не пришли квитанции о приёме.

Уже подходил к концу январь, как наконец пришла долгожданная весточка из Центра.

Кэт особо не волновалась. Она хорошо была устроена тут в Мировом Союзе. И по идее, могла пойти в услужение любому, кто занял бы место директора ЦРУ. То, что США останутся и не исчезнут она была совершенно уверена. Как и в том, что советы не станут «добивать поверженного врага». Им не нужен огромный очаг нестабильности в Море, накачанный оружием, в том числе ядерным. Кэт допускала выход некоторых штатов из состава США, но не больше.

Но в душе она надеялась, что директор ЦРУ не поменяется. – Всё таки со стариком за четыре года она хорошо сработалась. Он лично давал ей задания. И дай Бог, только лично и читал её отчёты. Иначе провала было не избежать. Советы не скрывали, что завладели всеми секретами США, – размышляла тогда Кэт.

Вместе с «весточкой» пришла благодарность, выписка с её личного счёта, который существенно пополнился и новое задание. В добавок к нему пришли и деньги на оперативные расходы. Это было, как нельзя кстати. Нужно было внедрять несколько новых «легенд». А для этого нужно было приобретать жильё и статус. А это ещё и банальные взятки. Сейчас тут в Мировом Союзе происходило «вселенское переселение народов», что ей играло на руку. Она уже имела несколько вариантов «легенд», которые могли выдержать самую скрупулёзную проверку. От высокооплачиваемой наладчицы высокоточных станков с ЧПУ с постоянными длительными командировками, до выпускницы ВУЗа, приехавшей по распределению и тут же уехавшей в длительную командировку назад в Москву. Последняя схема, ухода от обязательности три года отработать, вообще была очень смелой и безопасной. Никто бы не заподозрил в «уклонистке» агента ЦРУ. Все только сочувственно кивали. Ещё по одной из «легенд» она соблазнила высокопоставленного министерского начальника и тот взял её во вторые жёны. Их нечастые встречи, по причине кочевой профессии жены – учёного-эколога, проходили очень трогательно и плодотворно. А статус жены «самогоооо» открывал многие двери. Тем более, когда она представлялась добровольным экологическим инспектором и предъявляла самое настоящее удостоверение из Минэкологии. А длительные, полугодовые отлучки из «семейного очага», пояснялись самыми настоящими одиночными экспедициями, например, на мыс Лопатку, для изучения жизни каланов. Всё официально, на уровне Академии наук, подвижник дикой природы, девушка, учитель-биолог. Материалы она банально покупала у настоящих подвижников-отшельников, там живущих. Под этой «легендой» она три раза уже пересекала госграницу СССР, а потом и Мирового Союза, когда ей нужно было отдохнуть и показаться в США перед родителями. Ничего сложного. Научная поездка в Алжир, например, в джунгли. А от туда под другим именем во Францию, а от туда в США. И так до самого дома, меняя «личины» по цепочке «закладок» и «конспиративных квартир». Всё делала она самостоятельно. Не полагаясь на официальные органы США. И сейчас понимала, что всё было не зря.

Так вот, новое задание было «старым». Кэт не любила таких. У неё было правило: одно задание – одна «легенда». На Дэне она отработала свою «легенду» студентки-второкурсницы «педа» и сразу же после зимней сессии она подала заявление на академотпуск «в связи с беременностью». Настоящей справкой её снабдила врач-акушер, старушка-божий одуванчик, после слезливой истории о «коварном изменщике», который «поматросил и бросил» наивную провинциалку, будущего педагога. А теперь пусть попляшет, когда я приду с ней в его комсомольскую организацию и партком родителей. Конечно, сейчас времена уже не те. Заставлять жениться не будут. Но на заметку возьмут. Вот такое было пояснение сердобольной врачихе о необходимости справочки об «интересном положении».

И вот снова.

– Ничего, – решила Кэт, – студентка ещё поработает.

Но вот «фигурант» исчез.

Пришлось снова «попотеть» под кадровиком «Мосфильма» и всё выяснить. Оказалось, что «объект» потянуло к «родным осинам» или что там у них растёт.

И вот она отправилась за ним следом и чуть не прошляпила его. Тот взял и съехал со своих обеих предполагаемых мест проживания, приобретя себе новое.

Хорошо, что она как раз вела наблюдение за вторым местом и обнаружила, как какой то тип, после безрезультатных попыток добиться в калитку дома «объекта», позвонил кому то по сотовому телефону и после коротких реплик, направился радостный в высокий новый дом напротив.

Не нужно было быть особо одарённым сыщиком, чтобы понять, что «объект» там.

Через часа полтора Кэт самолично лицезрела их вместе, направляющихся в соседний такой же высокий новый дом.

Она пристроилась за ними следом. Сейчас она была в образе женщины-механика-электронщика. И на ходу придумала легенду, что её срочно вызвали в этот дом.

Как она и надеялась, никто даже не пытался остановить серьёзную женщину средних лет, в рабочем комбинезоне, довольно стильном, в таких же защитных слесарских очках, с саквояжем для инструментов.

Поднималась в лифте она вместе с Дэном и его товарищем и слушала их разговор. Всё сводилось к сегодняшнему событию вечером, а именно встрече выпускников. Она была в курсе что это за мероприятие. И даже была в прошлом году на встрече своего класса, дабы поддержать свою «легенду» в ВУЗе. И как «в воду глядела». Все после каникул только и говорили о своих «встречах».

И вот, из их разговора стало ясно, что они едут смотреть ресторан на верху этого дома.

Когда они вышли на этаже ресторана, Кэт стала делать вид, что она технический смотритель и прибыла совершить плановый осмотр.

Правда, никто к ней так и не подошёл с таким вопросом. Её грозный внешний вид не способствовал праздному любопытству. А непраздное гасилось в корне всем её видом «настоящего спеца», да ещё и женщины.

Администратор бросил оценивающий её фигуру взгляд и затем полностью переключился на клиентов.

Весь их разговор Кэт записала спецустройством, специально отойдя в дальнюю часть зала и там делала вид проверки дистанционным прибором состояния пожарной сигнализации.

Когда те закончили и уехали вниз, она тоже заторопилась. Прошествовала мимо стойки Администратора, даже неудосужив там никого и единым взглядом. Чем ещё больше подкрепила свою «легенду», чистого спеца.

Пока она одна ехала в лифте, быстро прослушала основные моменты разговора и поняла, что вечером тут будет работа.

Вернувшись к взятому на прокат микроавтобусу, Кэт переделась в новый образ, бизнес-леди, и направилась заселяться в отель по соседству. В качестве цели поездки она указала командировку в местное газораспределительное предприятие. Невзначай засветив командировочным удостоверением на бланке СоюзТюменьГазснаба. При заселении, попросила её не беспокоить до утра, так как она совершила длительный перелёт и устала.

Потом, заселившись и пообедав в номере и отдохнув до вечера, она переодевшись в мужчину-техника, покинула отель через служебный вход и направилась к своей арендованной машине, которую она оставила в неприметном тупичке среди новостроек. Ввиду раннего зимнего вечера, там было довольно темно и никто даже специально не разглядел бы куда делся работяга, и откуда взялась красotka в модном норковом полушубке.

Красotka уверенно продвигалась по району новостроек и вышла к намеченной цели точно в запланированное ею время. Она прикинула, что трёх часов будет достаточно для одноклассников Дэна, чтобы наобщаться и уже хорошо «принять на грудь». Сама же она намеревалась, войдя в ресторан, смешаться с толпой и если повезёт, то и с какой ни будь малознакомой между собой компанией. А там, действовать по обстановке.

Никто не обратил внимание на достаточно лёгкое одеяние очередной смазливой девчули, которая вошла в вестибюль дома и направилась к лифту. Тут таких к вечеру было полно. И небедные жильцы, и постояльцы новомодного клубного дома и конечно ресторан, этому способствовали. Притягивали к себе, «как мотыльков на огонь свечи», вот таких «ночных бабочек». В обязанности швейцара и консьержа Клубного Дома не входило расспрашивать «кто они и куда?». «Не нарушают безобразия» и хорошо, – рассуждали те.

Кэт прекрасно была знакома с новыми реалиями советов и совершенно не волновалась на этот счёт. Уверенно прошествовала к лифту, совершенно не беспокоясь, что в ней опознают давешнюю «женщину-спеца». Тем более, что как она успела заметить, швейцар и консьерж сменились.

Поднявшись на этаж ресторана, она была встречена метрдотелем, который ей неожиданно помог. Он не стал задавать вопросы, как то: «Дама одна?», «Даму ожидают?», а с порога утвердительно спросил: «Вы на юбилей?».

Кэт только и оставалось, что утвердительно кивнуть. – В случае чего можно сослаться, что не расслышала вопроса, – быстро промелькнула мысль.

И вот, оставив в гардеробе шубку, Кэт в сопровождении метрдотеля прошествовала в зал, где «дым стоял коромыслом» и полным ходом шла гулянья.

К ней тут же подскочил какой то хлыщ и потребовал у неё, как у опоздавшей, выпить «штрафную». Кэт была знакома с это традицией и для виду «поломалась» и «умоляя не наливать так много», быстро нашла контакт с Павликом, как тот представился, а она представилась «Мариной из бухгалтерии». – Всегда можно так, бухгалтерия есть везде. И не обязательно, что все всех там знают. Например, она новенькая. А можно, в случае чего, сказать, что с другого предприятия. Или в самом крайнем случае, сказать, что перепутала всё, дура потому что, – промелькнуло в голове у Кэт.

Но Павлику было всё равно, и он уже её представлял «юбиляру», изрядно пьяному «павлину» лет под шестьдесят, который окидывал маслинными глазками ладненькую фигурку «Марины из бухгалтерии».

И под крики их обоих: «Пей до дна, пей до дна», «Марина из бухгалтерии» выпила, к их полному восторгу, полный бокал шампанского.

Потом они переместились на танцпол, где Кэт и высмотрела «объект». Тот тоже был в нужной кондиции. Но вот Кэт, то есть «Марины из бухгалтерии», преследовали эти два «козла», Павлик и «павлин-юбияр».

Кэт решила от них избавиться самым решительным образом. Потасила их снова к столу и возжелала выпить с ними «на брудершафт». Чуть не вызвав этим скандал. Они чуть не подрались между собой. Павлик, забыв про «субординацию», первым полез к ней целоваться, а «юбияр» его грубо оттолкнул.

Но «Марина из бухгалтерии» быстро вмешалась и навела порядок и определила очерёдность. Деловой подход несколько отрезвил претендентов «на руку и сердце» «Марины из бухгалтерии». Но вот та пожелала самого дорого шампанского. И эти два «индюка» рванули к Бару на перегонки. А Кэт, тем временем, «подготовила» напитки для них.

После небольшой заметки, с самим ритуалом выпивания «на брудершафт», дело было сделано. И оба ловеласа начали «угасать». Первым решил пойти «освежиться» сам «юбияр». А за ним, в скорости, отправился и Павлик.

Новейшее средство от химиков ЦРУ имело тройной эффект, слабительно-мочегонный со снотворным. Что приводило вначале к позывам в туалет, а потом к мирному сну на унитазах или в «кустиках», в лучшем случае, или к полному конфузу, в худшем.

Сделав себе «легенду», «Марины из бухгалтерии», Кэт продолжила «веселиться» в компании «юбияра», которая не заметила его пропажу, а тем более Павлика. Те видимо успели растрезвонить всем о ней, поэтому Кэт не удивлялась, когда к ней обращались «Марина» и приглашали танцевать или выпить.

Одна только дама «бальзамовского возраста» высказала осторожное сомнение по поводу «бухгалтерии», на что Марина, потупив глазки, невинно ей проворковала: «Ну, так Степан Сергеевич попросил меня всем представляться».

Дама на мгновение «вспыхнула», но потом, демонстрируя полное понимание и «тайну вкладов», удалилась, рассказать другим «кумушкам» о новой пассивности «юбияра».

Пора было действовать. Как раз подвернулся случай и Кэт спровоцировала столкновение с Дэном. Тот стал извиняться и рассмотрев красоту девушки решил ею заняться. По крайней мере такая гамма чувств отразилась у него на лице.

Началось планомерное доведение «объекта» до нужного состояния. Нет, не алкоголем. Как раз его было уже достаточно.

Когда Дэн пригласил продолжить вечер у себя, Кэт не противилась. Единственное, попросила Дэна сбежать «по-английски» и не вместе. Так и сделали. Ушли они «врознь».

Быстро добравшись до апартаментов Дэна, Кэт сразу приступила к делу. Привычным образом она ввела Дэна в транс и начала сеанс вопросов и ответов. В конце, инсценировала обыск и попытку взлома пароля на переносном ПК. Хотя ей ничего не стоило узнать пароль у владельца. Затем «стёрла из памяти» Дэна последние пару часов. Так, что Дэн потом мог вспомнить только их танцы в ресторане. Они уходили порознь, поэтому никто не мог бы точно их между собою связать.

Для ещё большего запутывания дела она тщательно протёрла поверхности, где могла «наследить». Это в основном в прихожей у вешалки, где пришлось снять перчатки, когда она раздевалась, которые она потом снова одела.

Выходя из дома, Кэт ввела в транс ночного консьержа и слегка подкорректировала внешность ночной гости Дэна. Жгучая брюнетка в норковом полушубке, превратилась в его памяти яркую блондинку в длинном пальто. Подмывало вообще убрать воспоминания о себе, но её профессионализм говорил об обратном. – Никому в голову не придёт, что с консьержем «поработали» и он вводит следствие в заблуждение. Даже проверка на полиграфе подтвердит «правдивость» его слов, – считала Кэт.

Единственное, что смущало Кэт, так это непонятная фраза Дэна в её адрес: «моё новогоднее приключение». – Не может быть, чтобы он её узнал, – был её вердикт, и поэтому она не стала ничего с этим делать. Тем более, если будут «копать», то вначале наткнутся на «мужика в костюме «Зорро». «Испанки» к концу новогодней ночи уже не было. Она исчезла. И все подтвердят, что Дэн бегал и её искал. Поэтому, то, что тут ему показалась какая то девица похожей на его «новогоднее приключение» можно будет следователю легко списать на опьянение Дэна и схожесть цвета волос у девиц. Обе были чернявые, но разного роста и разной длины волосы. Там короче, тут длиннее, гораздо длиннее. Так за месяц волосы не вырастают.

В любом случае, она задание выполнила и «обе женские персоны» уже никогда не появятся на горизонте Дэна.

Кэт вернулась в свой номер в отеле точно также, как и уходила из него. Её никто не заметил, хотя отель уже жил в полную силу своей жизнью. Максимум, что могли заметить, то как техник входил в номер, который занимала «деловая женщина».

Но слово против слова, что никто к ней не входил, а утверждающий обратное ошибся.

Однако Кэт из собственного опыта знала, что на такие мелочи вообще никто внимания не обращает. Это же не пьяный мужик ломился в закрытую дверь к бедной женщине? А обычный техник пришёл исправить поломку чего ни будь. Может там вообще пустой номер и это просто плановая проверка исправности приборов.

Смыв макияж и приняв душ, Кэт с чувством выполненного долга завалилась спать. Она спланировала свою акцию тщательно и в её планы не входил экстренный отъезд. Во-первых, сегодня воскресенье и местный «Газснабсбыттранс» или как он там называется, не работает. И это вызвало бы подозрения тут же. Она сегодня продолжит «отходить от длительного перелёта с двумя пересадками» и поездкой из киевского аэропорта сюда. О чём непременно поведает за обедом и ужином кому ни будь в отеле.

Затем, завтра с утра она посетит «Газснабсбыттранс» и отметит командировочное. Потом, по обстоятельствам. Если удастся поддерживать «легенду», то дождётся начала следственных действий. Чтобы не попасть в разряд тех приезжих, кто уехал до их начала. А так,

скорее всего, следователю и в голову не придёт запрашивать данные на всех приезжих. Он скорее всего ограничиться теми, кто уехал до начала следствия. А кто уедет в день начала их или уже после, к таким у него будет меньше всего подозрений.

Так всё и произошло.

За обедом и за ужином «деловая женщина» невзначай обмолвилась случайным соседям за столиком о трудной и утомительной дороге, из-за чего она, как приехала, весь вчерашний день, вечер и ночь просто проспала до сегодняшнего утра, а потом тоже лежал и приходила в себя. И вот только к обеду и ужину немного оклемалась, а завтра приступить к работе нужно.

Утром понедельника все видели подтянутую «деловую женщину», которая на такси отправилась по делам.

В «Управлении газового хозяйства района» ей тоже никто не удивился. Через район проходил магистральный газопровод союзного значения и различные структуры постоянно приезжали его проверять и контролировать. Поэтому «легализация» прошла успешно, «легенда» сомнений не вызвала и она приступила к «своей работе». Попросила себе сопровождающего и с ним отправилась объезжать насосные и газораспределительные станции. С важным видом снимала показания приборов и даже делала вид, что берёт «пробы газа на калорийность». Сопровождающий был обычным техником-смотрителем. То есть совершал объезд потребителей и проверял наличие и сохранность пломб на приборах учёта, а в том, что делала «деловая женщина» понятия не имел. Воспользовавшись этим, Кэт решила оставаться тут, как можно дольше.

В понедельник вечером появились какие то люди и подняли небольшую суету на стойке администратора отеля. Она, как предчувствовала, и сидела внизу, в Баре, от куда хорошо просматривался вестибюль отеля. По их виду Кэт поняла, что это люди из КГБ и вот-вот начнётся следствие или вернее, следственные действия у них в отеле.

Это её не испугало и она решила дожидаться, когда слух об этом начнёт упорно циркулировать.

На утро вторника, за завтраком, об этом не говорил только ленивый или немой. Причины назывались самые фантастические. От банального убийства, и до поимки особо опасного международного преступника. Версии о шпионе не было. Также, отельные работники проговорились, что это и в других отелях, гостиницах и даже в сдаваемых апартаментах, проводится. Изъяли записи о всех выбывших постояльцах, начиная с субботы и по сей день. А под «самым большим секретом» поведали, что ищут «яркую блондинку».

Вечером, за ужином, уже говорилось о краже секретных документов шпионами и о жгучей брюнетке. То есть о преступной паре. – Отлично. Хороший поворот, – похвалила себя Кэт.

А утром в среду она буднично сдала номер и на вызванном администратором для неё такси, укатила в Киев на жд-вокзал. Там, сменив облик, она потом вернулась на рейсовом автобусе в городишко. Нашла оставленную ею в тупичке арендованную машину, микроавтобус, и на ней вернулась снова в Киев, сдала её назад в «агентство по прокату» и растворилась на просторах Мирового Союза.

Направившись из Киева автобусом в Днепропетровск. От туда поездом в Одессу. Для этого не требовалось предъявлять документы. В Одессе побыла несколько дней, а затем вылетела в Берлин. В этих городах она обновила свои «закладки» и «легенды». Из поезда отправила радиошифровку, сжатую до секундного писка, на спутник. Это тоже было частью их плана. Она знала, что все спутники под контролем советов и шифры уже русским известны. И там была информация, что задание не выполнено. Не удалось сломать пароль. А настоящий отчёт был ею оставлен «по старинке» в тайнике в бывшем Западном Берлине. И через час ей пришёл кодированный сигнал-квитанция о получении.

Непонятки могли возникнуть с КГБ на почве обвинений в двойной игре с этим отчётом о срыве задания. Те могли потребовать раскрыть агента. Но Кэт знала, что для подобных

мероприятий есть «пушечное мясо» и возможно параллельно с ней там работал именно такой бедолага. Нет, они имеют вполне достойную подготовку. И могли незаметно выследить и проникнуть в новое жильё «объекта» и также там всё перевернуть в поисках «того не знаю чего» и даже попробовать взломать ПК. И возможно, что так и было. А потом вполне натурально принять яд при задержании или иным способом остановить сердце. К этому была готова и Кэт. У неё и у таких как она, «полевых агентов», не было иллюзий по поводу их «коллег» из КГБ. И превращаться в «живую отбивную», жаждущую только одного, быстро умереть, никто не хотел. Они не того «полёта птицы» с которыми вели бы долгую и сложную шпионскую игру или шли бы на перевербовку. Быстрый экспресс-допрос и «удар милосердия», вот их удел. Но они шли на это. Им не хватало острых ощущений в обычной жизни и денег. А Кэт вообще не хватало просто одной жизни. Она жила играючи и играла живя, под разными личинами.

После Берлина, через череду промежуточных пунктов, она снова оказалась в Москве, в своём очередном временном гнёздышке. Тут она себя выдавала перед соседями за костюмершу одной известной певицы. Постоянно с ней на гастролях. И редко дома. «Легенда» ни у кого сомнений не вызвала. Особенно после подаренных ею соседям «контрмарок» и билетов на концерты «звезды».

И вот, лёжа в тиши уютной квартирки в заснеженной Москве, в очередной раз анализируя свои действия, она приходила к выводу в их правильности и безупречности. Она не знала и не понимала одного, по какой причине, «объект» был без силового прикрытия грозной «девятки» и наружного наблюдения там, в этой «дыре», когда вот тут в Москве, она постоянно «сривывала» вокруг Дэна и «топтунов» и «боевиков». Возможно, понадеялись на «русский авось» или на местных товарищей, по инерции воспринимая тот городишко за провинциальную дыру прошлого, и не принимая во внимание его бурный рост в последнее время.

В любом случае очередное задание директора выполнено и можно немного расслабиться и переварить полученный адреналин.

Сигнал «о попытке взлома моего переносного ПК» я отправил сразу же в воскресенье, как это обнаружилось, проводив перед этим Ленку.

Поэтому и не удивился, что уже в понедельник утром меня разбудили «гости» из Регионального управления КГБ. Они видимо не знали кто я такой и воспринимали меня просто, как шалопа-стажёра или ещё как ни будь, но не серьёзно. Может даже, в лучшем случае, считая это всё очередным начальственным бзиком и проверкой.

После стандартных вопросов, они также всё облазили и по их виду я понял, что мои слова подтвердились, но их кислые лица говорили о полном отсутствии каких ни будь отпечатков той давности.

Не сильно им помогли и опросы жильцов моего дома и прислуги. Никто никого постороннего не видел. Правда один говорил, что видел незнакомого мужчину, а консьерж повторил рассказ про «яркую блондинку».

Я это знаю, так как они этого не скрывали от меня. А про блондинку я не помнил ничего, а помнил про «жгучую брюнетку». В результате этого у них родилась версия о банде, как минимум две девушки и третий мужчина – под вопросом.

Составили фотороботы.

«Блондинку», кроме консьержа, никто не видел. «Брюнетку» видели многие работники ресторана, и все в один голос называли её «Мариной из бухгалтерии» с «юбилея». Вроде, как пассия «юбиляра», но она ушла одна, до ухода меня. «Юбиляра» нашли тогда мирно спящим в туалете, под утро.

Уже отчаявшись от банальности произошедшего, следователи с изумлением узнали, что никакой Марины в бухгалтерии завода «Микроприбор» нету, а именно от туда был «юбиляр» и компания. Больше того, выяснилось, что так представляться ей велел сам «юбиляр». Чтобы

ввести всех в заблуждение по поводу их близких отношений. «Юбиляр» стоял «насмёрть» и всё отрицал. Чем опять завёл следствие в тупик. То есть, если верить «юбиляру», никакой Марины он до банкета не знал, а её ему представил Павлик, его зам.

Павлик показал, что ничего подобного не было и её привёл к ним и так представил, сам метрдотель ресторана. Последовавший допрос метрдотеля ни к чему не привёл, так как тот утверждал, что просто провёл гостью, которая пришла на банкет к «юбиляру».

Я попросил следователей «не дёргать», моих одноклассников, а тем более «классную». Вряд ли они могли больше поведать, чем работники ресторана, которые были трезвыми в отличие от нас, и следили за всеми и порядком в том числе.

Следаки резонно решили, что это могли быть заезжие, а стало быть нужно шерстить отели, гостиницы и наёмное жильё. Начали в близлежащих отелях выяснять, кто выехал, начиная с субботы и по сей день, то есть по вторник. Получилась приличная куча людей. Версию с переодеванием даже не стали рассматривать, как весьма фантастическую и могущую круг подозреваемых увеличить до бесконечности. Так продолжалось до пятницы. В пятницу мне позвонил один из этой группы следаков и сказал, что они тут всё завершили и уезжают и меня тоже не задерживают, намекая этим, чтобы я свалил «по добру, по здорову» с их поляны ответственности.

Я не стал кочевряжиться и тут же «укатил» назад в Москву. За эти дни я хорошо надышался «дымом отечества», который, как известно, «и сладок и приятен». Наобщался со родственниками со стороны брата, то есть со снохой, племяншем и сватами. Одарил подарками. Созвонился с родителями и братом.

Ну и, конечно, Серёга уделил мне время и внимание. За это я разрешил ему иногда использовать мои апартаменты.

В самолёте из Борисполя в Шереметьево я опять столкнулся с Шу. И та снова бесцеремонно обменялась местами с моим соседом и «присела на меня» с расспросами.

– Дэн, что это за ужасные слухи?, – был её первый и главный вопрос.

Я решил занять «глухую оборону»:

– Не понимаю, о чём ты Шу? Лучше расскажи, чего это тебя на «старые грабли» потянуло и ты все эти дни не вылезала из притона этого педофила Толяна?

– Да какой он педофил? Так, просто, любит малолеток «распаковывать», – отмахнулась та.

– Ну ничего себе. Да за это срок полагается, – не унимался я.

– Так, Дэн. Это не твоё дело. Это, во-первых. А во-вторых, там всё по согласию. Никто так заяву на него и не накатал тогда. Не задавался вопросом, почему?, – поставила она меня в тупик.

– И вообще, чем он хуже нашего школьного худрука или вожатого из моего пионерлагеря? Все они «любят детей» по своему. Так Толян хоть не скрывает это под личиной «ты такая единственная и неповторимая». Не обманывает..., – продолжила она свой «наезд».

– Ладно, сдаюсь, – прервал я её, – действительно не прав. Но с только точки зрения закона. Нет решения суда – нет преступления. А вот с точки зрения общественной морали..., – попытался я обосновать свою точку зрения, но был прерван уже Шу.

– Так, успокойся. Моралист великий. Я лично ни о чём не жалею. И считаю те времена лучшими в своей жизни. На сегодня !

– Всё. Сдаюсь, – шутливо я поднял руки вверх.

– Вот то-то-же, – удовлетворённо она проговорила и улыбнулась.

– Давай, колись. Что за кипишь был?, – снова Шу вернулась к первоначальному вопросу.

– Да ничего такого. Просто кто-то влез ко мне в мою новую квартиру, – сделал я робкую попытку отвязаться от расспросов Шу.

– И поэтому приехала следственная группа КГБ из самого Киева? Не смей меня !

– Послушай, Шу. Ты же большая уже девочка, в некоторых местах, и должна понимать, что раз этим занялись из регионального КГБ, то всё очень серьёзно и я тебе ничего не расскажу, – не выдержал я и доходчиво пояснил Шу ситуацию.

– Ну и больно мне оно надо, – легко согласилась Шу с моим объяснением и тут же продолжила допрос:

– А, что это за тёлка с тобой тёрлась весь вечер?

– Да понятия не имею !

– А, мне показалось, что ты её знаешь и ещё приговаривал: «моё новогоднее приключение» или «незнакомка» и ещё «испанка» какая то, – поведал Шу мне, что она слышала в тот злополучный вечер.

– Да вот представляешь, ничего почти не помню, – сказал я ей откровенно.

– Да ты вроде и не сильно пьяный был, а потом исчез куда то. А у меня на тебя были планы... – полезла Шу своими шаловливыми пальчиками к моему «дружку».

– Какие планы?, – от неожиданности я ляпнул невпопад.

– Да самые обычные. Мы с Ленкой монетку бросили. Кто сейчас, а кто завтра, «обка-тает твои апартаменты», – проворковала соблазнительно Шу, продолжая продвижение своими пальчиками в нужном ей направлении.

Спрашивать от куда они узнали про мои новые апартаменты было глупо. И так ясно, что Серый проболтался, поэтому я поинтересовался о другом:

– И как, это Ленка так согласилась?

– Да я ей пообещала помочь в кинокарьере. Не ты же у нас один в этом деле, – продолжила Шу меня удивлять и одновременно пробуждать во мне «подъём жизненных сил».

– Да я тоже не против помочь.

– Поможешь, Дэнчик, сможешь, ой как сможешь. Вначале мне и прямо сейчас, – с этими словами она грациозно встала со своего кресла и направилась в сторону туалета, и меня призывая своим блестящим взглядом следовать за ней.

У нас уже был подобный опыт. И его повторение не составило особого труда. Правда, когда мы с ней покидали авиационное общественное место, так нагло нами используемое не по прямому его назначению, то удостоились двумя противоположными взглядами. Одним, гневно-осуждающим, от дамы «больших достоинств» и вторым, озорным и одобрительным, от рыженькой, смазливой стюардески.

Затем, наш разговор потёк более мирно. Шу поведала мне, что таки пошла учиться на модельера в институт текстильной промышленности. Всё таки опыт костюмера и некоторые связи в этой сфере ей в этом способствовали. Угрозу нарожать, она пока выполнять не собирается. – Пока с биологическим отцом не определилась, – произнесла она загадочно и откровенно на меня посмотрела, как «цыган на лошадь».

Я ей поведал о своих перипетиях, учёбе, работе. И пригласил заезжать и пробовать себя, начиная с массовой, а потом и с эпизодных ролей «без слов». – А там и до слов дойдёт, – подбадривал я её.

– Может и другую работу тебе предложу. Нам нужны свежие идеи в костюмах. Начинаем снимать настоящую космическую фантастику, – пояснил я ей.

– Не хуже, чем у американцев будет. Тем более, что купили их киностудии и переманили к себе их целыми «звёздными» командами, – добавил я.

Вот в таких разговорах незаметно и пролетели полтора часа полёта.

В Шереметьево мы разбежались в разные стороны. Шу встречал её «папик», а меня мой водитель.

Через несколько дней на студию заехал Саныч.

– Привет, «жертва ограбления», – начал он с шуток.

– Привет, Саныч, – поздоровались мы тепло за руку.

Раздевшись и присев в кресло, Саныч спросил:

– Ну, что там стряслось?

Я заказал нам чаю и к чаю, а потом тоже присел в кресло напротив и коротко поведал о событиях.

Пока я рассказывал, нам принесли заказанное и теперь мы неспешно наслаждались горячим напитком, сидя «в тепле, в добре», перед большим панорамным окном, с видом на заснеженные Лужники.

– Дааа, делааа, – протянул Саныч, присёрбывая чай.

– А, что ваши накопили?, – задал я ему давно меня интересующий вопрос.

– Да можно сказать, что ничего. Чертовщина какая то, – буркнул Саныч.

– Начиная с твоей «новогодней незнакомки» и заканчивая попыткой ограбления, или что это было.

– «Незнакомку» все видели, но кто это? Никто понятия не имеет. Выявили всех, кто был на новогоднем празднике. И даже таких, кто вроде бы был, но клянётся, что не был. Ты, кстати, в костюме «Зорро» никого не помнишь?

– Да нет. Особо не помню. Хотя там кого только не было, – ответил я озадачено.

– Ну так вот. Предположительно на празднике был неустановленный мужик, прошедший по чужому пропуску. Твоя «испанка» не была похожа на мужика?, – продолжил допытываться Саныч.

– Саныч, ты опять?, – возмутился я.

– Я вполне серьёзно?

– Нет конечно !

– Ну да. И другие утверждают, что нет, – согласился Саныч и продолжил:

– Так вот. Скорее всего, это какая то твоя тайная поклонница и не хочет в этом признаться. А вот мужик этот замечен был входящим в коридор, ведущий к твоему кабинету. Ты точно с ним потом там у себя не бухал?

– Да Саныч, я же ясно сказал, что никакого мужика не помню, – возмутился я.

– Вот, «голубь ты наш сизокрылый», мы и подошли к самому главному. Ты ничего не помнишь. Ведь так?

– Да, не помню, – подтвердил я.

– И проснулся ты в одежде у себя в кабинете на кресле? Так?

– Так, в одежде и в кресле, – согласился я с тем, что так и было. И это могут многие подтвердить.

– Записей, конечно, не сохранилось. Они хранятся максимум неделю. Кассет не напёсься, – констатировал, печальный для следствия факт, Саныч.

– Ну и что с того?, – спросил я.

– Да, собственно, пока ничего. Выходит, девицы никакой не было. Вернее, может и была, но не та, что нам нужна. А был парень или мужик, – вздохнул чему то своему Саныч.

– А, там, что?, – спросил я о делах в моём городишке.

– Да тоже самое. Ты и так всё знаешь. Тоже девицы-красавицы-неуловимые. И мужик тоже мелькнул, – пробурчал он.

– А чего, тогда так быстро там свернули следствие?

– Так некого там уже не было. Даже больше скажу. Был перехвачен радиосигнал уже в другом совершенно месте, с отчётом о провале операции. Конечно, это мог быть и ложный след и сигнал о провале совершенно другой операции. О чём, кстати, клянутся наши «друзья» из ЦРУ. Да что угодно. Ясно или вернее, не ясно одно, кто это был и в чём был смысл всего?

– Ну, так узнать обо мне побольше, – назвал я очевидную для меня причину.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил Саныч и добавил:

– Хотя, что ни ещё не знают? Что ты один из «ясновидящих» они уже знают наверняка. Что ты предсказал, тоже всем уже известно из фильма и сценария. На наш прямой вопрос директору ЦРУ, «что они ещё хотели бы узнать?» Тот категорично заявил, что «ничего!» Хотя им верить, себя обманывать. Что-то им от тебя нужно. Но вот что?, – размышлял в слух Саныч.

– Ну, тогда нужно его схватить и спросить, – высказал я здравую мысль, как мне казалось.

– Пытались. Покончил с собой. Если, конечно, это был тот, а не «ложный след», – опять сокрушался Саныч.

– Ну, тогда нужно «ловить на живца», то есть на меня, – не унимался я с инициативой, предлагая себя в жертву.

– Так и делаем давно. Разве ты не заметил? «Топтуны» за тобой ходят и силовики из «девятки» прикрывают. Но вот там прокол вышел. Не учли, что городишко твой то разросся, а отделение КГБ осталось в прежнем составе. Не проявили инициативы, не попросили помощи. Короче, обычное наше головотяпство. Поэтому их сейчас там усиливают за счёт регионального управления КГБ. Давно нужно центральный аппарат «спустить на землю грешную» поработать. А «головотяпов» послали за полярным кругом за моржами следить, и формировать из них сеть «сексотов» по отслеживанию вражеских субмарин, – пояснил Саныч ситуацию.

– Тогда я спокоен, – отреагировал я на Саныча пояснение.

– Рано успокаиваться. Мы всё это «убираем от тебя». Есть мнение, что там они активизировались именно по причине отсутствия опеки у тебя. Так и тут теперь будет. Вся надежда на тебя. Никакого геройства. Носи с собой свой сотовый. Он сам по себе и прослушка и маячок. Вот если он перестанет работать или долго будет бездействовать, это и будет для нас сигналом. Хотя, конечно, может быть и поздно. Но, судя по всему, ЦРУ, если это они, «конвенцию или пакт о ненападении» чтут. Ничего тебе лично до сих пор не сделали. И даже ничего не пропало, – продолжил Саныч обрисовывать ситуацию.

– Ясно. Буду стараться, – я серьёзно ответил.

– А, что это за история с покупкой новых хором?, – решил Саныч сменить тему.

– Так мои то сносить там собрались. Вот по случаю и прикупил. Других там просто не было. А мне то место дорого, как память о детстве и юности, – сказал я почти правду.

– Не было, говоришь?, – с сомнением тот уточнил.

– Клянусь, именно в этом доме не было. Были тоже большие, но хуже. А как захочет приехать в гости ко мне один мой высокопоставленный друг или, например, свидеться там кое с кем?, – «закинул я удочку».

– Для друга, говоришь, старался? Это другое дело, – быстро согласился, с моими доводами таких трат, Саныч и добавил:

– А вообще Дэн, деньги твои и делай с ними, что хочешь. Но то, что «малую родину» не забываешь это хорошо, – похвалил он меня в конце.

Пролетели незаметно студенческие зимние каникулы. Снова начались занятия в МГУ. Не обошлось «без потерь» в нашей группе и на потоке. Девчата «шли косяками» в академки в «интересном положении», кто после свадьбы, кто до, а кто и вместо, ха-ха. Парочку ребят и девчат банально отчислили за различного рода проступки. Кто-то сессию «завалил», кто-то из комсомола «вылетел». Сейчас это стало очень популярным наказанием.

Появилось мнение, вылившиеся в постановление декабрьского пленума ЦК ВЛКСМ, что с массовым приёмом в Комсомол вышел перегиб. Это же Коммунистический Союз Молодёжи, то есть, если ты правильный, настоящий комсомолец, то на определённом этапе тебе дают рекомендацию в Партию, а затем ты становишься Коммунистом. А на деле, миллионы комсомольцев просто покидали ряды ВЛКСМ по достижению предельного возраста. Это явная профанация. Поэтому стали больше требовать с комсомольцев и за малейшие проступки изгонять из ВЛКСМ. Правда, с возможностью загладить, исправиться и восстановиться.

За счёт таких вот, «восстановленных», планируют в будущем укреплять «блок беспартийных», из которого будут выдвигать альтернативных кандидатов в советские и другие выборные органы, в противовес кандидатам от Компартии. Посмотрим, что выйдет из этого.

В конце последнего зимнего месяца в стране традиционно праздновали мужской праздник «23 февраля, День Советской Армии». И хоть армия эта уже Мирового Союза, но название «Советская» не утратила.

– Дэн, привет, – нагнала меня по дороге из моего кабинета в кинопавильон, смутно знакомая девчуля.

– Привет, коли не шутишь, – игриво я той ответил.

В принципе я не был «императором на троне из слоновой кости в хрустальном дворце». На «Мосфильме» царила довольно демократичная атмосфера и ко всем практиковалось обращение на «ты». Особенно, после поглощения нами нескольких американских киностудий. Там правда не всё так упрощённо, как нам пытаются представить, я имею ввиду, что типа в английском языке и его американском варианте нет разделения на «ты» и «вы» и поэтому их слово «ю» означает наше «ты», а так же там нет отчеств. И следуя из этого всё очень фамильярно. Так вот ничего подобного. Там есть много слов, которые подчёркивают статус человека, такие как сэр, мэм, мистер, мисс и миссис, ваше высочество, ваше превосходительство, дэр – то есть, уважаемый и так далее. Но у нас прижилось упрощённое обращение просто на «ты».

– Ты не знаешь, что у нас на 23 февраля планируется?, – спросила меня прелестница.

– Понятия не имею. Этим у нас есть кому заняться, – ответил я той на ходу.

– А, у меня есть свой сценарий праздника, – не отставала она.

– Эээ, как тебя?, – начал я и был прерван её звонким представлением:

– Василисой меня родители назвали, а друзья кличут Лисой.

– Лиса, забавное имя, – заинтересовался уже я, бойкой дивчиной.

– И, кто мы и чем занимаемся?

– Так пока в массовке. Но учусь во ВГИКе, но втором курсе. И уже снялась у выпускника, в короткометражке дипломной...

– Отлично, Лиса. Пока для первого знакомства хватит, – прервал я её восторженный трép, – и давай, заходи ко мне через час. Позову всех, кто занят на организации празднования Дня Армии и обсудим твой сценарий, – обрадовал я её.

– Спасибо, товарищ Дэн, обязательно приду, – с чувством уважения она меня поблагодарила.

– Ну вот. Ещё одна зауважала. Надо к девочке приглядеться. Что-то в ней есть, самобытное, народное, – подумалось мне.

Через час у меня собралось «трио общественников», а именно: парторг, комсорг и профорг. Можно, конечно, было и завхоза позвать, но пока и этих достаточно.

Лиса, от обилия должностных лиц, жалась в углу и если бы была мышкой, то забилась бы куда ни будь в щель.

Я начал с классики:

– Товарищи, хочу Вам сообщить, что к нам...

– «Едет ревизор», – ожидаемо продолжил Гоголя комсорг.

– Нет, но тоже важное событие приближается, которое проверит нас на политическую зрелость и не побоюсь этого выражения: «на соответствие занимаемым должностям», последнее Вас, товарищи, касается, – и я обвёл троицу пронизательным взглядом. Они, как по команде, взглотнули, появившуюся внезапно сухость во рту и потянули руки к стаканам и к графину с водой. Мешая друг другу налить в них живительной влаги и смочить пересохшее горло.

А я продолжил дальше «накачку»:

– Это важное событие называется «День Армии», если коротко. У кого какие будут мнения и предложения?

Воцарилась тишина.

– То есть, Вы никак не готовы к нему?, – задал я им прямой вопрос.

Первым «очнулся», вполне ожидаемо, профорг. Профорги, народ тёртый. Вернее, в них другие не пролезают. И если, например, в парторги или комсорги можно попасть по рекомендации из райкома, то Профсоюзный комитет может возглавить только человек из гущи народной, плот от плоти людской, так сказать. Живущий чаяниями этих людей. Знающий их и понимающий, а часто и предугадывающий.

– Так мы завсегда !, – был его ответ. – И не подкопаешься, – мелькнула у меня мысль.

Тут же поддержали коллегу кивками и одобрительным мычанием, другие члены «особой тройки».

– Молодцы ! Не ошибся я в Вас, – подбодрил я хитрецов, понимая, что мой вопрос поставил их в полный тупик. Так как «23 февраля» в гражданских коллективах отмечали сугубо келейно. То есть, женщины приносили нехитрую домашнюю закуску, а мужчины покупали «поллитра» и «тихо-мирно» в обеденный перерыв, поднимали за «сильную часть человечества» по рюмашке. Нууу, в очень «тесных коллективах», женщины могли и подарить, что-то мужчинам нужное, например, «Тройной» одеколон или носки за 30 коп. А тут такой поворот. Видно было, как мозги под черепушкой скрипят у парторга, судорожно вспоминая «последние постановления или на худой конец программу «Время», «что-то там такое было».

– Вот знакомьтесь. Наш внештатный сотрудник, Василиса. Она придумала сценарий праздника, – представил я Лису вспотевшей «троице».

«Троица» уставилась на девушку, как на привидение. С разной гаммой чувств на лицах. От конкретного разочарования, это парторг, до полного восторга у профорга. Комсорг, по молодости лет, боролся с чувством мужской приязни к милому созданию женского полу и своим долгом комсомольского Вожака, который должен вести вот таких вперёд, а не наоборот.

И опять первым заговорил, ласково, по отечески, профорг:

– Василисушка, девочка, так, а чего ты ко мне сразу не пришла. Отрываем, тут, понимаешь, от дела, нашего уважаемого товарища Дэна?

От этой «ласки» Василиса вжалась в спинку стула ещё сильнее и мне показалось, она начала медленно растворяться в воздухе, как человек-невидимка.

Мне снова пришлось вмешаться:

– Товарищи, это сейчас не главное, кто и к кому первый пришёл. Главное, что есть сценарий и возглавляемые Вами организации нашего предприятия должны по нему сделать праздник. Это понятно?

– Так точно !, – гаркнули в три глотки, вскочив при этом, парторг, комсорг и профорг.

– Тогда возьмите по экземпляру, соберите свои активы и завтра в это же время жду Ваших предложений. Предупреждаю, никакие возражения не пройдут. Кто не согласен хоть с одним словом, заявление на стол. Принимаются только конструктивные предложения. Например, как деревянный танк заменить на настоящий, бесплатно. Всё, свободны. Василиса оставайтесь.

При этих моих словах, схватив все экземпляры сценария, что лежали на столе, троицу, «как ветром сдуло» из моего кабинета.

– Ну, что Лиса, испугалась строгих дядей?, – спросил я её с насмешкой, но ласково.

– Дддааа, – запинаясь она ответила.

– Не бойсь, прорвёмся, не сорок первый, – успокоил я её военной поговоркой, видимо под настроение наступающего праздника «Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота».

– Неиспугаешься тут. Во как zenки свои в меня..., – выплеснула она своё негодование поведением «актива».

– Бог с ними. Давай почитаем, что ты предлагаешь...

Через час работы со сценарием, я понял, что праздник получится, – то, что надо. – И самое главное, не стыдно это всё будет заснять и потом предложить телеканалам. Той же «Звезде» и «Патриоту». «Армия» вряд ли возьмёт. У них там своего такого круглые сутки и на профессиональном уровне, – рассуждал я.

– Лиса, ты устала? Есть хочешь?, – спросил я девушку и посмотрел на напольные часы в углу кабинета. Те показывали полдесятого вечера.

– Да устала, и есть хочу, – честно та ответила.

Конец зимы в Вашингтоне выдался на редкость морозным. К тому же плохо работало отопление. Можно сказать совсем не работало.

– Вот это, не совсем хорошо, – подумал директор ЦРУ, кутаясь на своём рабочем месте в плед, – а всё новые веяния и сокращения госрасходов на госаппарат и в первую очередь на оборону и безопасность.

– Что за идиоты эта «сладкая парочка» со своим лозунгом: «Сделаем Америку снова великой, если перестанем всем угрожать!». Они что, не понимают или не знают, скорее не знают, старинное изречение: «Хочешь мира, готовься к войне»?

– Или они такие тупые, что не понимают, какая огромная пропасть лежит в политике между словами и реальными делами? Ну, наобещал ты «с три короба» избирателям и даже соперникам. Добился своего и забыл эти обещания. Всё просто! Даже советы с пониманием отнеслись к сохранению ЦРУ, зная, что оно создано было для борьбы с ними. И тут никаких других задач никогда и не было. Это не ФБР и даже АНБ.

– А свои же, Президент и вице-Президент, отрицают необходимость его ведомства и оно в таком виде доживает свои последние деньки. Почти отключили отопление. Лимитируют электричество. Отключили уже половину телефонов. В доступе к спутникам и космической связи давно отказано. Вернее, приходится пользоваться каналами советов.

Глава 3. «Мороз крепчал...» (продолжение)

– Сейчас идёт реорганизация в ЦББ, то есть в Центральное Бюро Безопасности. Штат трёх подразделений, ЦРУ, ФБР и АНБ будет сокращён в три раза и объединён в одного «колоса на глиняных ногах» под руководством гражданского из ЛГБТ, дружка или подруги вице-Президентши. Ну, хоть это хорошая новость. Может удастся с ним «подружиться», – мечтательно закатил глаза пока ещё директор ЦРУ.

– Так, это всё лирика. Нужно всё хорошо проанализировать. В последнем отчёте агента «Шторм» очень важная и взрывоопасная информация. И если ею правильно распорядиться или представить в нужном свете, то можно не только в своём кресле удержаться, но и прыгнуть повыше. А куда? Да хоть в Генпрокуратуру США.

– Но нужно продолжать разрабатывать дело «Призрак». К этому простаку из русской Сибири подведём Дженкинса. Он уже начал работу в этом направлении. Сошлись на «легенде», что он фанат-поклонник сериала «Лихие-90-е». Альтруист и филантроп, с кучей денег, доставшихся ему в наследство. Купил все права на «Лихие» в Америке и продвигает их тут, занимается изданием книг и комиксов. А также озвучивает сам фильм на английском. Создал фан-клуб. А в Сибирь приехал, как фанат-паломник на «святое место» событий культового сериала. Весьма правдоподобная «легенда».

– Со вторым «призраком» было хуже. Того «пасут», вернее «пасли». По последним данным уже нет. Сняли и «наружку» и «охрану» из КГБ. Остались только личные «бодигарды». Эти от хулиганья и настырных поклонниц. Но это может быть и ловушкой. Поэтому я запретил «Шторм» входить в непосредственный контакт. Она предложила довольно тривиальную схему, контролировать «объект» через «игру в тёмную». То есть «завербовать», а проще говоря, подружиться с какой ни будь поклонницей «объекта». Выбрать такую, которая может понравиться «объекту», но нерешительную, и воздействовать на неё, в плане активизации её действий по отношению к «объекту». «Шторм» получила одобрение и уже действует.

– Внутренние дела в США, если не считать их реорганизации и оголтелого разоружения, идут хорошо. Объявлены выборы в Сенат и Конгресс, а там и нового Генпрокурора назначат и выберут новый состав Верховного Суда. До выборов законодательного органа решили не проводить референдумов об отделении штатов. Хотя сепаратизм сам пошёл на спад вместе с укреплением центральной власти. Нет, никого не арестовали и не ликвидировали. Просто сепаратисты сами там переругались ещё до обретения независимости, деля «портфели», а по сути, как говорят русские, «шкуру не убитого медведя».

– К нему уже потянулись за поддержкой новые члены Клуба «дип стейт». А поддержка им нужна в обретении контроля над пакетами акций компаний, которые находятся в доверительном управлении огромного количества «слепых трастов». Где полностью размыты права собственности и аффилированность. То есть, по сути своей, механизм ухода от налогов, от анти-трестового законодательства, сыграл теперь злую шутку над наследниками и претендентами. Они получили в наследство паи этих трастов, но не право управлять компаниями. А трасты не спешат расставаться с таким «богатством». Именно они выдавали доверенности на представление интересов тех или иных семей в органах управления сотен и тысяч крупнейших акционерных компаний США. А теперь произошёл величайший передел собственности. При первом приближении к этому вопросу у директора возникли весьма серьёзные подозрения, что целые отрасли США попали под контроль советов.

– Предварительное расследование показало, – что, когда начались в США беспорядки и фондовый рынок залихорадило, торговые компьютерные программы начали автоматически избавляться от рискованных активов – акций и покупать казначейские облигации США и золото. Эти активы считаются «тихими гаванями» в периоды турбулентности. Основными продавцами

гособлигаций США и золота являлись фонды, связанные с Мировым Союзом. Они же скупали за бесценок и акции американских компаний. Таким образом, инвесторы Мирового Союза полностью избавились от вложений в госдолг США в размере более 1 триллиона долларов и скупили на эти деньги, а также на деньги от продажи золота, цена которого подскочила в три раза, акции компаний США, стоимость которых до падения составляла 4 триллиона долларов.

– По сути, американские инвестфонды перестали контролировать значительную часть экономики США. Пока это никак на ней не отразилось. Вернее, она хорошо перенесла кризис и сейчас показывает беспрецедентный восстановительный рост. Можно сказать, что произошёл «отскок от дна» и уже пройдена черта, с которого началось её падение.

– Замечены в США представители некоторых крупнейших инвестфондов Мирового Союза. Пока в качестве наблюдателей в органах управления компаний. Никаких попыток повлиять на политику компаний они не предпринимали. В основном иницируют их вхождения в ревизионные комиссии и проведение аудита. Но это и так проводится, в связи выпускном отчётности за прошлый год, которую нужно аудировать.

– Естественно, что в былые времена можно было инициировать сенатское расследование и по его итогу просто конфисковать акции у держателей из Мирового Союза. Но сейчас, во-первых, советы победители, а во-вторых, это могло бы вызвать непредсказуемые последствия. И в третьих, советы быстро учатся и уже есть сведения о покупке ими в США инвестфондов, в том числе и «слепых трастов». Вернее, смена управляющих компаний этих фондов или структуры собственности этих управляющих компаний. При этом, там нигде нет неграждан США. Придаться, даже при большом желании и год назад было бы сложно.

– Но конечно экономика США очень огромная и её не купить даже за 4 триллиона долларов. Есть, что предложить новым претендентам в «короли Мира», в обмен на их поддержку, например, в назначении его Генпрокурором. Поможем и контроль вернуть, если там нет интересов Мирового Союза и избрать их людей в Сенат и Конгресс.

– А потом и посмотрим перед кем «очки набирать» с отчётом по делу «Призрак», – решил довольно про себя директор ЦРУ. Пока ещё директор.

Если бы Коле кто-то сказал год назад, что он будет трах..ть саму «мадам W.O.G.», а в добавок к этому, по его «ночному кошмару» будут снимать успешный популярный сериал, то он сто процентов набил бы такому «шутнику» морду. Это похлеще, чем ему же, пацану, в 85 году предрекли бы его прошлогоднюю летнюю поездку на Море. Тогда бы тоже «юморист» без оплеухи не остался бы, но в то, как то ещё можно было бы, с некоторыми оговорками, поверить.

А всё закрутилось действительно в прошлом году на Море. Знакомство с этим необычным пернем Дэном. Его интерес к Колиному «бреду-сновидений». Обещание помочь избавиться от них, если он не против будет, что на их основе снимут сериал.

Коле тогда даже не жалко было «уступить» ему своего пресс-секретаря Каролину, «мисс-Литейка-88» и «подорожницу» в виде Летты, красавицы-ткачихи из города-невест Иваново.

– А тем более, что Дэн свёл его с настоящей Королевой, Ольгой Георгиевной Вершининой. «Женщина-Мировая загадка», как её называют во всех модных и не очень, изданиях и СМИ. И он, Коля, обычный уральский парень рядом с ней... в её постели, ха-ха, – с удовлетворением он отметил этот факт.

Это была настоящая сказка. И полёт на личном самолёте «мадам W.O.G.» из Крыма в закрытый и секретный город Челябинск – 100. И секс во время полёта и потом, в апартаментах Королевы в её владениях. Где всё было подчиненно её воле. И как это было чудесно и завораживающе, как она в перерывах, озарённая каким ни будь очередным открытием, так он думал, торопилась записать его. И при этом проговаривала, что это всё он, Коля, её на это подтолкнул.

Также, между делом и сексом, родился и договор о их сотрудничестве. А потом её представители побывали у руководства их посёлка, и у руководства района и области, а потом даже у руководства Уральского-Сибирского Региона. А всё началась с того, что договор есть, а вот готовую продукцию вывозить из его Литейки к ним в Че-100 нечем и никак. А честно говоря, всё началось с того, что Оле пришлось садить свой вертолёт в двадцати километрах от их посёлка и потом ему звонить, чтобы он приехал и её забрал. Она то думала, что может и у них приземлится. Но не тут то было. Поэтому начали со строительства вертолётной площадки, а закончили, вернее ещё не совсем, с протягивания шоссейной и железной дороги. Часть расходов взяла на себя администрация посёлка, района и области. Взамен НИИ «W.O.G.» открывает у них отделения и филиал. Для обучения различным новым и востребованным профессиям. Для подготовки одарённых учеников для поступления на физматы разных ВУЗов, а в перспективе и на физмат отделение НИИ «W.O.G.» у них в посёлке. И в самой отдалённой перспективе, возможно через год, это строительство экологически чистого источника энергии огромной мощности с докопеечной себестоимостью. То есть, если сейчас Киловатт/час атомной электростанции стоит 5 копеек, то этой станции будет стоить 0,05 копеек и меньше.

Так что был Коля только местной достопримечательностью, а сейчас уже вышел на Союзный уровень. Прошлой осенью вызвали его срочно в Москву, на «Мосфильм». Каково же было его удивление узнать, что это всё Дэн. В том смысле, что выкупил и спас легендарный «Мосфильм» и сейчас тут начинаются съёмки сериала по его, Колиным, ночным кошмарам.

Очень Колю затянула эта киношная стихия. Чуть не погряз он в полном разврате..., тьфу, кастингах, конечно. Ну не мог он никому из девиц-красавиц отказать... «в пробах». Так уже «напробовался», что чуть всё себе там не стёр. А ещё и «Её Величество Королева» внимание к себе требовала. Но не зря же Урал, это Всесоюзная Кузница. Так Коля своим «молотом» всех раздолбал в Москве, что с его кастинга уходили начинающие старлетки на полусогнутых и в развалку. Коля их приглашал к себе на СТО приезжать, «развал схождения» восстанавливать, ха-ха. И Олиной «наковальне» тоже досталось.

Потом вроде как жизнь в нормальный ритм стала входить и тут вышли первые серии первого сезона сериала «Лихие-90-е». А там кадры их посёлка. Тех видов и мест, которые не изменились с описываемых событий 85-го года и позже. Это успели наснимать «натуры», как киношники говорили, ещё осенью.

И тут, потихоньку, помаленьку, в их городишко стали приезжать первые «паломники-фанаты». Коля, как сейчас, помнит его первую с ним встречу.

– Мужчина, Вы не в курсе где тут знаменитая «Литейка»? – обратилась к Коле девчушка лет пятнадцати.

– А, чего это она знаменитая?, – переспросил Коля с недоумением.

– А Вы что, не смотрите «Лихие»? – с ужасом в голосе та переспросила.

– Смотрююю..., – и тут до Коли дошло.

– Вижу поняли. Ну так, где?, – настаивало молодое чудо. А чудным был у неё прикид, как молодёжь стала называть свою одежду, вслед за сериалом.

– Да снимали это не на самой «Литейке», а на заброшенном прессовочном цехе, – стал Коля пояснять.

– Нам не важно название. Нам важно место. Покажите нам пожалуйста, – это к разговору подключился спутник девицы. Прыщавый парень в «косухе», то есть тоже атрибут из сериала. Кожаная чёрная куртка, вся в заклёпках, замках и металлических висюльках.

Коля тогда их отвёл и показал.

Какие там были эмоции. И всё это снималось на фото и видео.

И с тех пор народ, что называется, «попёр».

По просьбе с «Мосфильма», Коля выяснил принадлежность культовых развалин и посодействовал их выкупу. Так же выкупили целый район бараков, старый заводской Дом культуры,

часть старого поселкового парка огородили и договорились с Администрацией там ничего не менять. Хуже дело было с Гостиницей, центральной площадью и зданием самой Администрации посёлка. Пока договорились внешний вид не менять, а внутренности демонтировать и вывезти на «Мосфильм» для декораций. «Дух времени и эпохи» безжалостно уничтожался новой, лучшей жизнью.

И вот потянулись в посёлок «фанаты-паломники». Вначале закончились свободные и так немногочисленные места к Гостинице, потом в Колином мотеле на АЗС. Затем и частный сектор закончился. На картофельном поле, за посёлком, паломники разбили среди зимы палаточный городок. Цены на жильё «по-суточно» взлетели.

Когда Коля понял, что это ещё одна «золотая жила», то обнаружил, что и цены на недвижимость у них в посёлке подскочили и многие старожилы решились продать свои халупы и переехать в город.

Коля успел застолбить несколько участков и начал строительство «хостелов» и «капсульных гостиниц». Ему эту идею подкинули японцы. С которыми он начал недавно сотрудничество. Они сетовали на нашу расточительность. И хвалили себя за бережливое отношение к земле. И рассказали Коле эти идеи с «хостелами» и «капсульными гостиницами». А пока Коля купил списанные пассажирские вагоны, в основном плацкарт, но и парочку купейных, загнал их на свои жд ветки и тупики и там организовал «хостелы».

Это немного сбило ценовой бум. Народ то простой приезжает. И не хочет переплачивать за возможность просто одну ночь переночевать в легендарном месте.

– Извините, Вы мистер Коля?, – вежливо к нему обратился явно иностранец.

– Да, а что?, – переспросил Коля.

– Это же Вы видели во сне события сериала «Лихие-90-е»? – продолжил спрашивать иностранец.

– Ну я, – коротко ответил Коля.

– А май Гот, как мне повезло, – воскликнул иностранец и представился:

– Я Джек Симпсон, из Америка. Я есть большой поклонник «Лихих», – затараторил американец взволнованно, от чего у того стал больше замечен акцент.

Коля только что вышел из «Литейки», вернее из парадного входа заводоуправления, как по старинке продолжали называть современный офисный центр Колиного холдинга и направлялся к поджидавшему его служебному автомобилю.

– И что из этого?, – спросил Коля с пробуждающимся интересом.

Просто до этого конкретно им никто не интересовался. Та первая встреча с фанатами сериала произошла тоже здесь и случайно. А тут интерес к нему конкретно.

А иностранец продолжил: – Мне давать Ваш адрес мистер Дэн. Я продюсер перевода и дубляжа сериала в Америка. Я выкупить все права в Америка на сценарий, сериал и все будущие произведения за сто миллионс долларс...

– Я понял, что от меня то надо?, – проявил нетерпение Коля.

– Мы могли бы говорить не на улица? А то я мёрзнуть. Оччень, – проблеял американец.

И тут только Коля заметил его хлипкую одежонку для их минус тридцати. – Да, у нас март это ещё зима, – подумал Коля, а в слух произнёс:

– Предлагаю продолжить наш разговор в ресторане, – и указал в направлении своего авто.

Американец охотно согласился и почти в припрыжку, чуть ли не обгоняя Колю, помчался к тёплому автомобилю, который, призывно урча на малых оборотах, окутывался паром из выхлопной трубы, как паровоз.

Коля решил сделать небольшую экскурсию для американца.

Первым пунктом её, естественно, был культовый объект «Литейка». Ну конечно не настоящая, там уже ничего не напоминает о тех временах, а полуразвалины прессовочного завода, которые и послужили прототипом «Литейки» в сериале «Лихие-90-е».

Всем зрителям и почитателям сериала, были хорошо знакомы очертания этих строений. Захламлённый заводской двор. Заброшенные цеха, склады, полуразрушенное заводоуправление. В одном из цехов удалось воссоздать работающий участок, а в заводоуправлении целый этаж. Сюда уже водили организованные экскурсии, за плату. Так как это всё уже было собственностью «Мосфильма». А посёлок получал доходы от наплыва туристов, как правильно назывались «паломники-фанаты» и расширял инфраструктуру для их обслуживания. Создавались новые рабочие места. Каждый взрослый житель посёлка сам по себе становился экскурсоводом по знаковым местам сериала.

– Колосаль, фантастик, – восклицал постоянно Джек, не прекращая щёлкая своим фотоаппаратом.

Это мы уже осматривали «ремеслуху», которую тоже договорились с властями посёлка оставить в первозданном виде, а для нового заведения средне-технического образования, за деньги «Мосфильма» и Олиного НИИ, строили в посёлке современный образовательный комплекс зданий, по образу и подобию университетских кампусов Англии и США. – А, что? Хорошее нужно перенимать, – так заявила Оля, на сомнения Коли.

– Ооо, тут господин Шварценеггер, – издал очередной возглас удивления Джек в «качалке» имени «Шварца», увидев на её стене легендарный плакат с изображением огромных мускул известного американского актёра-культуриста.

– Да, Джек, это был кумир молодёжи СССР середины 80-х и сериала «Лихие-90-е». Вот из таких вот «качалок» и вышли потом рэкетеры в кино, – прокомментировал Коля идею фильма.

– Мистер Шварценеггер сейчас лидер сепаратистов Калифорния. Требует отделения штата от США или внесения поправки в Закон о выборах Президента, что позволило бы не коренным американцам, как он, принимать в них участие и претендовать на пост Президента, – пояснил Джек ситуацию вокруг бывшего актёра.

Затем Коля и Джек переместились в Колин загородный ресторан.

– Ви, русские, много пить водка, – довольно утверждал очевидное Джек, после трёх рюмок «Сибирской», сорока пяти градусной. Закусывая последнюю большим бутербродом с чёрной икрой.

– Не меняй тему, – отмахнулся Коля, – так ты Джек, утверждаешь, что уже не только вернул потраченные сто миллионов долларов, но и уже столь ко же заработал?, – вопрошал удивлённо Коля.

– Совершенно точно, – легко согласился со своими же словами Джек, продолжая отдавать должное русским закускам. Сейчас он с аппетитом поглощал стерляжью уху, заедая её расстегаем с белугой.

– Не может этого быть, – негодовал от недоверия Коля.

– Может, – немного запинаясь возразил ему Джек, – вот считай. За права показа на пяти каналах телевидения я получить 50 миллионс. За первое издание один 10 миллионс книг только первого сезона я получить 10 миллионс, а уже готовить второе. Комиксы разошлись тиражом в 30 миллионс, и я за них получить тоже тридцать.

Джек прервался, чтобы откусить шмат копчёного сала. А Коля этим воспользовался и заявил:

– Так это пока только 90 миллионов !

– Всё верно ! Это пока ! А ещё я получать 15 процентов от продаж. А это уже 20 миллионс. И будут они «капать», как Ви тут говорить, и моим правнукам !, – почти кричал Джек, размахивая обглоданной ногой жаренного барашка, как дубиной.

– Всё равно 100 миллионов сверху не набегают, – упорствовал Коля.

– Не набегают, так набежит !, – продолжал восклицать Джек, – я запускать производство игрушек и линию одежды из сериала. Эти ваши «малиновые пиджаки» очшен карашо пойдут.

Тут Коле пришла в голову идея, что не все ещё знаковые места он показал Джеку и они направились напрямик в Гостиницу, где располагался первый в их посёлке «массажный салон», сауна и где была задержана первая и последняя банда настоящих рэкетиоров.

Конечно, с тех пор там всё поменялось. Но управляющая, что заменила легендарную владелицу «Света – много не бывает», которая ушла на работу в комсомольские и потом Партийные органы, помнила те времена и события. Она только, только пришла сюда работать, приехав из соседней деревни и тут эта банда. – Устроила нам тут «субботник». Светка, конечно, на себя «основной удар» приняла, я по малолетству вообще только на «разогреве» участвовала. Но и мне досталось, от «лося» ихнего. Такой у него был забредухххх..., – мечтательно закатила глаза рассказчица.

– Что есть «забредух», – спросил тут же, разгорячённый после парилки и одной из «массажисток», Джек.

– Да уж не твой «щекотун», – ласково погладила его по головке администраторша, тоже принимавшая активное участие в международном мероприятии Советско-Американской дружбы.

– Ну так вот. Продолжу, – сменила тему рассказчица, – и Светка говорит: «Не, девки. Нам такая «крыша» не подходит. После их «субботника» и «развал схождения» неделю назад сводить и «диски сцепления» сгорят. Побегу ка я к Кольке-качку. Пусть он нас «крышует». Ну то есть к тебе Коля она тогда побежала. Ну, а дальше ты и сам знаешь, что да как было, – закончила она своё повествование.

– Ты есть смелый девочка. Я предлагать тебе ехать со мной в Америка. Будешь карашо зарабатывать на своих рассказах. Ты же из этих «Лихих-90-х», – озвучил свою идею и предложение Джек, администраторше, известной под местным именем «Зая».

– Так я всегда готова. Как Свет Михаловна отпустит, так и поеду в эту Вашу Америку. Только чур, за бесплатно ни-ни, – строго она в конце добавила.

– «Бесплатно ни-ни» !, – согласился Джек, – ми там продавать тебя, тьфу, твой рассказ, за один миллионс долларс, а ночь с тобой на аукцион. Старт прайс тоже в один миллионс долларс, – важно нарисовал Джек перспективы «Заи» в США.

– А, что рассказывать то?, – с сомнением спросила Зая.

– Да всё, что и тут. Про эти «субботники», что есть «разогрев», «криши», «развалы и сцеплени» и канэчно «забредух у лося», – подбодрил Заю американец.

– Так это можно, – весело согласилась Зая.

– Коля, у меня гольова разрываца от много идей, – кричал он, – я продавать в Америка туры сюда и они жить в этих пляцкарт. Мы заработать кучаа денег !

Затем он, как то разом «потух». – Тонка кишка, – подумал довольно Коля.

После Коля завёз «тело Джека» к себе в мотель. Перед этим забрав его вещи из камеры хранения на вокзале.

Оказалось, что незадачливый американец решил поселиться в «хостеле» в плацкартном вагоне. И был этим несказанно горд.

Наутро американец был, как «огурчик», не зелёный и вялый, нет. Был бодр и весел. И в добавок деловит.

– Я Коля на пять минут, – начал он с порога Колиного кабинета, – проедусь ещё раз по знаковым местам. Составлю их список и маршрут будущего тура. А вечером давай обсудим наше сотрудничество, – предложил Джек.

– Окей, – согласился Коля, – тебе машина нужна?

– Нет, я на такси. Кхороший рассказчик попался, – бросил американец через плечо, выходя уже в приёмную.

– Ну, тогда до вечера, – сказал Коля в закрытую дверь.

И тут же подумал:

– Свалился на мою голову. Хотя можно хорошо поиметь с этого американца. Тем более, что Дэн просил за него.

– С этими праздниками совсем всё вылетело из головы и я не предупредил Колю об этом сумасшедшем американце, – корил я себя мысленно, – он как снег на голову свалился в самый разгар. Повезло, что Коля его «не послал» и мне перезвонил.

– Хорошо, что к «23 февраля» уже всё было готово. Незабываемо тогда с Лисой «поработал», – нахлынули недавние воспоминания.

После работы над сценарием пригласил я девочку поужинать к себе в особняк.

Я не знаю, как так вышло, где так воспитывают, но девочка правильная оказалась. «С ходу не дала» !

Нет, поужинать и выпить не отказалась, но потом всё !

– Вы меня Дэн не за ту принимаете, – перешла она на Вы.

– Я, конечно, выполняла все поручения по комсомольской линии и в Конкурсах участвовала и даже в финал в своём посёлке вышла..., но это не даёт никому права рассматривать меня, как легкомысленную особу, – выдала она гневную тираду и тут же потребовала:

– Вызовите мне немедленно такси !

Я опешил тогда и тоже перешёл на высокий «штиль»:

– Прошу Вас, Василиса, меня благосклонно извинить за бестактность... и нижайше предложить Вам воспользоваться моим средством передвижения, автомобилем марки БМВ...

– Иду Вам на встречу, – согласилась она, – но только в виду позднего часа и нежелания нести лишние расходы, столь обременительные для скромной студентки.

– Конечно, конечно, – затараторил я, торопясь загладить хоть часть своей вины, – машина у порога, позвольте Вас до неё проводить?

– Позволяю и помогите мне одеть моё пальто, – повелела она.

Посрамлённый и жалкий, я торопливо помог Василисе одеться и семена перед ней открывал ей двери.

А когда, она уже села в авто, то ещё раз попросил её меня извинить.

– Пока нет причин для этого..., – гордо та ответила и захлопнула перед моим носом дверь авто, которое тут же укатило в ночную Москву.

После некоторого размышления, я пришёл к выводу: – Стареешь, брат, стареешь. Не разглядел тонкую игру...

На следующий день Василиса была в обычном настроении и ничего в её поведении не говорило о ночном происшествии у меня в особняке. Даже более того, она первой подошла:

– Привет Дэн, – как ни в чём не бывало она поздоровалась и спросила, – ну что, когда собираемся?

Я немного опешил от такого резкого изменения её поведения, по сравнению со вчерашним вечером, но быстро собравшись ответил: – Здравствуйте Василиса. Как и договаривались, в семь вечера, то есть уже через пол часа.

– Отлично. Тогда может пойдём чаю у тебя выпьем. А то я не успела. И кое что обсудим?, – предложила она.

– Ддавай, – запинаясь я согласился, и мы вместе направились в мой кабинет.

– Дэн, расслабься. Личное это личное, а дело есть дело, – неожиданно она ко мне обратилась по дороге.

– Хххорррошо, – опять запинаясь, как школьник перед директором, я согласился.

В кабинете она по-свойски, без приглашения села в кресло у журнального столика, а я пока позвонил в секретариат и заказал нам чаю и что ни будь к чаю.

– Дэн, если ты хочешь со мною близких отношений, то вспомни, как это, – вернулась она к нашему разговору, – а это цветы, конфеты, подарки, рестораны, на худой конец кино или

театр. А ты сразу в койку. Я же не твоя секретарша или ассистентка? Да и с ними ты не сразу с этого начал, насколько я знаю.

– Извини, – буркнул я, как нашкодивший подросток.

– Не извиняю, – сказала она отчётливо, – начни заглаживать свою вину с мною перечисленного. Можно сегодня цветы и ресторан, – добавила она.

Потом нам принесли чай и угощения, и мы молча его пили.

Я в это время думал и «незаметно», как мне казалось, рассматривал «нахалку»:

– Да, девочка очень даже. Стройная фигурка. Подкачанная, в виде правильной «гитары». Одета скромно. Но всё, что нужно, одежда подчёркивает. Личико правильное, даже «породистое». Есть такие в Сибири, от ссыльных графёв и шляхты пошли.

– Ну что, насмотрелся? Нравлюсь?, – с насмешкой и ехидством та спросила.

– Угу, – промямлил я в ответ.

– Ну и правильно. Рассмотрю хорошенько. Заслужи. А то сразу в койку, – подбодрила она меня, – поэтому план такой...

В разгар изложения Василисой своего видения развития наших с ней отношений в дверь кабинета осторожно постучали и прозвучал заискивающий голос Парторга: «Товарищ Дэн, разрешите нам войти?»

Этот голос меня привёл в чувство, и я снова себя ощутил «вершителем судеб», а не «тварью дрожащей».

– Проходите товарищи, – бодро и громко я им разрешил войти.

После короткого приветствия, мы без раскачки приступили к обсуждению сценария.

Никаких возражений к нему не было. Были только конструктивные предложения. Собственно говоря, идея, предложенная Василисой, что называется, «витала в воздухе». Мы уже приступили к съёмкам своих эпизодов киноэпопеи под рабочим названием «Союз нерушимый...».

И у нас есть декорации, реквизит и костюмы для воссоздания на сцене и в кадре трёх основных вех из истории нашей Армии. Это конечно же сам день 23 февраля 1918 года, когда из разложенной и деморализованной массы людей в серых шинелях с ружьями, комиссар Реввоенсовета создаёт грозный отряд масс, вооружённых самой передовой идеей в Мире и ведёт их против более многочисленного, лучше вооружённого врага и побеждает его.

«...Молодые отряды Красной армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года. Именно поэтому день 23 февраля 1918 года был объявлен днём рождения Красной армии», такая решительная формулировка событий февраля 1918 года была дана товарищем Сталиным в приказе № 55 от 23 февраля 1942 года.

Вторая веха, это конечно Великая Отечественная Война. Горечь поражений 41-го и 42-го годов. Первые победы 41-го года и начало разгрома врага в ноябре 1942 года под Сталинградом. Ряд ошеломительных Сталинских ударов и Победа в поверженном Берлине, с нашим Красным знаменем Победы над Рейхстагом.

И третья веха, почти бескровная Победа нашей Армии в «Холодной войне». Здесь мы перечисляем ряд «необъявленных войн» и локальных конфликтов, где наша Армия показала себя «непобедимой и легендарной». И наконец, полная Победа над супостатом, без применения грозного современного оружия.

Для этого будут транслироваться на огромный экран позади сцены кадры хроники и художественных фильмов.

А на сцене будут воспроизведены ряд героических эпизодов. Как хорошо известных, например «28 панфиловцев» и фраза политрука Клочкова: «Велика Россия, а отступить некуда, позади Москва» так и мало известных, как окружили отряд вьетнамских партизан американцы

и кричат по-вьетнамски: «сдавайтесь». А им в ответ по-русски: «Пошли на х..й пиндосы ! Вьетнамцы не сдаются. Стёпа, кинь им гранату !».

Конечно, хотелось и больше. Но с некоторых эпизодов до сих пор не снят гриф «секретно».

Вот, собственно говоря, «костяк» праздничного действия. Героические сцены будут перемежаться выступлением артистов эстрады, известных ансамблей, которые исполняют знаковые песни тех времён.

– Я уверен, что никто из перечисленного списка не откажется. Тем более, что это будут готовые видеоклипы. Которые можно самостоятельно вставлять на телевидении в другие патристические передачи, – завершил я прения.

После я снова попросил Василису остаться и пригласил её в ресторан.

– Хорошо, только давай заедем к мне в общагу я переоденусь, – согласилась она.

По дороге говорили «не о чём», и видно было, что каждый думал о своём. Если бы Дэн действительно был «ясновидящим» или «прорицателем», то он поразился бы мыслям Василисы и тому, что происходило вокруг неё в последнее время.

Да, действительно, Дэн давно нравился Василисе и очень. Можно сказать «с первого взгляда», как она его увидела ещё прошлой осенью на «Мосфильме», куда пришла на кастинг для массовки.

Но он для неё оставался недостижимым. И даже такой безотказный шанс, приблизиться к своему кумиру, как Новогодний бал-маскарад, она бездарно «профукала». Вернее, не смогла пробиться через толпу таких же, как она, поклонниц. А потом его вниманием прочно завладела «испанка». И даже когда та в конце пропала, то этот негодник Дэн, как дурачок, бегал её искал, не обращая внимания на неё, всю такую красивую в платье «Элен Куракиной» из нашего фильма «Война и Мир».

Василисе нравился этот «отрицательный» персонаж бессмертного произведения графа Льва Толстого. Вернее, её образ в нашем фильме. Её аристократизм и шарм, осанка, поворот головы, взгляд. Что-то ей говорило, что и она такая же. Хотя и выросла Василиса в семье обычных поселковых интеллигентов, мама – врач, папа – инженер. Но все потомственные сибиряки. И в их семье что-то смутно говорилось о дворянских корнях по обеим линиям, мамы и папы. Но всё это намёками и шепотом. Не однозначное отношение было к дворянам. С одной стороны, они, конечно, плохие были – «опора царизма», а с другой стороны и Ленин и многие другие, революционеры и просто хорошие люди были дворянами.

И вот, почти отчаявшись в достижении своего, Василиса совершенно случайно, знакомится в Метро с Аней. Так произошло, что Василиса забыла дома кошелек, «растяпа такая, он спокойно себе лежал на своём месте в её комнате в общежитии, что и обнаружилось вечером». А вот прямо тут утром в Метро, когда дорога каждая минута, когда ещё и опаздываешь на экзамен, это вообще катастрофа. И вот эта милая девушка Аня протягивает ей тогда два пятака и говорит: «Бери, потом отдашь». А Василиса ей: «Зачем мне два?»

– А назад, как будешь добираться? Или вот возьми лучше рубль, а то вдруг тебе ещё и на автобусе или трамвае нужно будет, – и протянула уже рубль, со словами: – у меня мелочи больше нет.

Василиса вспомнила, что и проездной, остался там в кошельке, на автобус-троллейбус, и её могли сейчас запросто оштрафовать, если бы была проверка контролёров в автобусе, поэтому она с благодарностью взяла протянутый рубль тоже.

Пока ехали вместе в вагоне Метро до «Кольца», то познакомились и договорились встретиться завтра утром у той же станции, где они сегодня столкнулись.

Аня оказалась помощницей известного психолога, который преподаёт на курсах «Личностного роста». На вопрос Василисы: «Что это такое?», последовал её развёрнутый рассказ.

Оказалось, что это, как раз то, что нужно для Василисы, чтобы побороть её неуверенность в себе, мешающую ей в достижении цели.

Через неделю их знакомства и дружеских посиделок то у Василисы в комнате в общежитии, то у Ани в её уютной однокомнатной квартирке, доставшейся ей от бабушки, план помощи Василисе в «завоевании Дэна» был готов.

В начале Василиса неохотно делилась с новой подругой своими личными делами, но потом её «как прорвало». Ну ещё бы, она попала в лапы самой прожжённой и опытной агентессы ЦРУ, для которой ничего не стоит втереться в доверие и разговорить без применения спецсредств, практически любого простого человека.

Агентессой ЦРУ была Аня, или как она сама себя называла, Кэт, выбрав одно из десятков различных её имен. Она приступила к выполнению всё того же задания, но уже другими методами.

Присмотрела девушку, заочно влюблённую в «объект» и начала действовать через неё. Василису она заметила ещё на Новогоднем балу на «Мосфильме», как впрочем и нескольких других дурёх-поклонниц Дэна. Но последовавший анализ и предварительное знакомство, утвердили её в выборе именно Василисы, в качестве «посредника», которого она будет «играть в тёмную».

Познакомится вообще никакого труда не составляло. Всего то и нужно было вытащить бумажник у простофили, одолжить той пару пятаков и рубль в трудную минуту, а потом вернуть кошелек на место в её комнате в общежитии.

И вот Анечка, якобы применив методы «известного психолога», а попросту проведя пару сеансов гипноза, раскрепостила Василису, придав той смелости первой обратиться к «объекту» и начать с ним общение на почве подготовки празднования «23 февраля». Ну тут Анечке и делать то особо ничего не пришлось. Василиса всё таки училась этому. Параллельно обучению актёрской профессии, овладевала и ремеслом писать сценарии. Анечке только и нужно было, что подбадривать «подругу» на поступки. И не только. – Отказывать и настоять на своём тоже нужно уметь, – учила Василису подруга, – вот привёл он тебя к себе, а ты согласилась прийти. Но это ничего не значит ! Посидели там, поели, попили и всё. Домой. Если полезет, то и пощёчину дать можно. И сразу переходил на официальный и строгий тон, – вещала Аня.

– Так, а если больше не позовёт?, – с недоверием переспросила Василиса.

– Ещё как позовёт. В ногах будет валяться. А ты его пожалей. Но не сразу. А вот так..., – убеждала Аня подругу действовать по её плану.

А Дэн не был, ни «ясновидящим», ни «прорицателем», и естественно не читал мысли Василисы и не знал, что происходило вокруг неё в последнее время.

Поэтому его мысли текли в сторону того: «Как быстрее сломить эту «крепость»?». Для этого он решил принять «условия игры» Василисы и максимально не торопить события. Таким образом у него начался неспешный «конфетно-букетный период» в отношении с Лисой.

В постельных партнёршах, что называется «для здоровья», у Дэна недостатка не было. Чтобы не сорвать операцию «по овладению Василисой» глупой ревностью, он перенёс общение с другими девушками за стены «Мосфильма». И таким образом, с определённого момента, там сформировался имидж Дэна, как «безнадёжно влюблённого однолюба», «дамой сердца» которого являлась некая старлетка Василиса. Девочка не без достоинств и некоторого аристократического шарма. Который стал ещё более виден на фоне, резко сменившегося в лучшую сторону, стараниями Дэна, гардероба, дорогих украшений и личного нового авто.

А Василиса, по наущению своей новой подруги, продолжала строить из себя «недоτροгу», и Дэна пока «к себе не подпускала». Правда, уже прошли все установленные планом сроки, а он сам не проявлял должной настойчивости. Это начинало беспокоить, как Василису, так и её подругу. Последняя, объясняла свою заинтересованность в этом чисто с профессио-

нальной точки зрения. Как инициатор этого плана. Это объяснение пока удовлетворяло Василису. Хотя и казалось той немного странным.

Но Аню, то есть агетессу ЦРУ Кэт, эта ситуация совершенно уже перестала устраивать. – Что-то пошло не так, – она рассуждала про себя, – конечно ей не нужна была одноразовая потрапушка Василисы и Дэна, и даже кратковременная связь её не устраивала. В идеале, было бы замужество Василисы с «объектом». Но идеал, как известно, не достижим. В данном случае, по причине молодости и востребованности Дэна среди девушек. Которых вилось вокруг него с десятков, на всё готовых. И чем тот бесстыдно пользовался. Восторженный трёп Василисы о том, что её Дэн только ей принадлежит, и больше никому, Аню не вводил в заблуждение. Небольшое расследование со слежкой, подтвердили опасения агентессы, что «объект» просто перенёс, «с глаз» Василисы, свои случайные связи за пределы «Мосфильма» и в своё удовольствие водит регулярно к себе в особняк, то однокурсниц, то просто «старых» знакомых девушек. И они там «не крестиком вышивают». Оставалось одно, просто ждать развязки. Тем более, что конечная дата, установленная их планом на 8 марта, прошла неделю назад и следующая подходящая была не скоро. Хотя, конечно, можно было Василисе и спонтанно ему «дать». Но это могло сломать интригу и сорвать игру. Это должно быть знаковое событие. Так решила Аня и убедила в этом Василису, уже готовую на всё, ради секса с Дэном. Дура !

Глава 4. «Весна идёт, весне дорогу...»

– Интересно, есть ли на Земле места, где календарная весна совпадает с погодной? – размышлял Саныч по дороге с площади Дзержинского, где он работал, на Старую площадь. Куда он решил пройти пешком.

Была уже вторая половина марта, признаков весны не наблюдалось. Напротив, была нормальная морозная, снежная зимняя погода. Вернее, обычный морозный московский зимний вечер.

– Может предложить на зиму переезжать всему правительству и руководству в тёплые края? – очередная нелепая мысль пришла ему в голову.

– А, что? Товарищ Сталин несколько лет прожил в Гаграх. Правда это было после Войны. И он там, как бы «почивал на лаврах». Даже некоторые утверждают, что самоустранился от руководства, – скатились мысли Саныча в историю.

– Мы тоже имеем полное право на «почивать на лаврах». Враг повержен и умоляет о пощаде. Вот только нужно найти место. В Гаграх и зимой не очень. А сейчас в марте вообще мерзко. «Плавали – знаем», – вспомнил Саныч одно событие.

– А сейчас, у нас есть места получше. Южно-Европейский Регион Мирового Союза. Средиземноморье. Вода и воздух зимой не опускаются ниже +17 градусов Цельсия. А, в солнечные дни все +20. Для зимы просто замечательно, – вспомнил Саныч, – это конечно не Карибский Регион и не Юго-Восточно-Азиатский, где зим вообще нет, но и не сильно, территориально, в отрыве от Центра Мирового Союза.

С такими, можно сказать, отвлечёнными мыслями, Саныч пришёл в известное место на Старой площади, а именно в здание ЦК компартии Мирового Союза. На регулярное заседание «малого Политбюро», как неофициально называли рабочее совещание, при участии дуумвирата и приглашённых товарищей. Чаще всего, его Саныча и пары тройки узких специалистов, из областей, по которым будут вопросы, в связи с повесткой.

Повестка была всегда разная. Но вопросы безопасности, анализ и прогноз событий, были всегда в повестке таких совещаний или как их ещё называли «сверка часов».

– Ну, что Саныч ты на это скажешь?, – спросил Романов.

– Нужно соглашаться. Однозначно. Мы и так все лимиты исчерпали. Обратную реакцию или, если хотите, контрреволюцию мы прогнозировали, как раз на это время, – ответил Саныч.

– В Минобороны согласны тоже. Мы, честно говоря, на такое и не рассчитывали. А как и пристало военным, готовились выполнить свой долг до конца, то есть до «ядерного рассвета», как говорят наши «лирики», – чётко высказал мнение военных их представитель в звании генерала армии.

– Да, никто не рассчитывал, что американцы так обвалят своё военное присутствие за рубежами США. Выведут личный состав военных баз и флоты назад к себе. Порежут большую часть крылатых ракет, малой и средней дальности, почти всю стратегическую авиацию. Ну, тут конечно без нашей помощи не обошлось. В экстренном порядке были нами созданы десятки мощных «гильотин» и «секаторов», которые кромсали фюзеляжи ракет и самолётов круглые сутки прямо в местах их дислокации и на их стоянках. Острословы прозвали их там «Сибирские цирюльники», а более сведущие и патриотичные, ближе к действительности, «Серпом по яйцам», – добавил Саныч весело.

– А, что ты там говорил про контрреволюцию?, – спросил Щербицкий.

– Ну так, зашевелилось их «дип стейт». И отсюда их предложение вернуть им контроль над их ядерным оружием на территории США, которое находится в шахтном варианте базирования, – ответил Саныч.

– То есть, мы их не додушили?, – переспросил Первый Секретарь Юго-Западного Региона Мирового Союза, один из членов дуумвирата реальной власти в стране, товарищ Щербицкий.

– Кого смогли, из старого состава, тех «исполнили». Особенно «ястребов». Остальных убрали их коллеги и даже ЦРУ, – коротко ответил Саныч.

– Так, а откуда опять они взялись?

– Они поэтому и зовут себя «глубинным государством», что они там есть всегда. Одних убрали или они по естественным причинам уходят, другие тут же сразу практически и появляются. У них нет чётко выраженной идеологии. Как правило, это чистый капитализм. То есть желание, как можно больше заработать и как можно меньше кому то отдать или заплатить. Естественным врагом их, являемся мы. Так как ратуем за человеческое отношение к людям, за повышение их благосостояния, за ограничение доходов богатых и наоборот, постоянно поднимаем планку минимальной заработной платы, уменьшаем рабочие часы. Вот ввели 36-ти часовую рабочую неделю, вместо 40-ка часовой. А всего то пол века назад, обычным делом была 60-ти часовая, а то и 80-ти часовая. Да, что далеко ходить. Всего то 15 лет назад у нас в СССР была шестидневка, то есть 48-ми часовая рабочая неделя с одним выходным днём. И к этому всему мы снизили пенсионный возраст до 50 и 55 годам, женщинам и мужчинам, соответственно. При увеличении продолжительности жизни до 72 лет в среднем. Ввели, с прошлого года, выплату всем совершеннолетним гражданам, безусловного базового дохода, в размере 50 рублей в месяц. Правда не наличными, а с целевым назначением. В «массажный салон» с ним не пойдёшь, ха-ха, – рассмеялся Саныч.

– Саныч, ты прямо, как с трибуны Партсъезда тут отчитываешься перед народом. Мы всё это лучше тебя знаем. И чего это нам стоит, тоже. Ты лучше по своей части нам ответь: – не шарахнут они по нам?

– Товарищ Щербицкий, я ответственно заявляю, что даже если такое решение кем то там и будет принято, его реализация не сможет пройти для нас незамеченной. А значит будет сделан упреждающий удар, в соответствии с нашей новой доктриной. Они там это знают и учитывают.

При этих словах представитель Минобороны чётко поддакнул: «Так точно !»

– Но это, так скажем, то, что на поверхности, – продолжил Саныч, – вторым слоем идёт наш полный контроль их каналов подачи команд и ввода кодов пуска баллистических ракет. Третьим слоем идёт вывод из строя большей части их ядерного арсенала нашими специалистами при их последней инспекции. То есть ядерный заряд банально не взорвётся или ракета взорвётся на старте в шахте.

– Это, хорошо, Саныч, что ты так уверен. Ну зачем то он попросили вернуть им контроль?

– Товарищ Романов, я наверняка знаю, что это всё их внутренняя политика. Как я уже говорил, это естественная реакция. Сейчас маятник качнулся в другую сторону и оппозиция стала обвинять правящую команду в сдаче национальных интересов и тому подобном. Мы формально уже не имеем повода удерживать ядерный арсенал США под своей охраной и контролем. У них там всё уже успокоилось и властям вполне под силу обеспечить его надёжную охрану. Поэтому, считаю целесообразным согласиться и как можно скорее.

– Хорошо, Саныч. Так и поступим, – согласился Щербицкий, а Романов кивнул в сторону вояк и мидовца.

– Саныч, скажи нам, что там в Китае?

– Неожиданный вопрос, товарищ Романов. Но попытаюсь на него кратко ответить. Там сейчас начались беспорядки. Они спровоцированы, если честно, то формально, нашей политической открытости, либерализмом в экономике, плюрализмом в политике и обществе. Китайские коммунисты горячо это всё поддержали и у себя. Но в обществе там появились деструктивные элементы и тенденции, с которыми нам удалось тут у себя совладать, выявив агентов влияния Запада, да и просто агентов. А им у себя этого не удалось. И проведённые недавно выборы

в наш Верховный Совет и в их Народное собрание на альтернативной основе, уже показали разницу в качестве, так скажем, альтернативных кандидатов. У нас обычно проигрывал заслуженный, но к сожалению, так назовём, закостенелый или попросту говоря, зажавшийся партработник, молодому и инициативному комсомольцу или беспартийному, с хорошими рекомендациями с места работы, от комсомола и коммунистов. А у них в высший орган пролезли популисты и горлопаны прозападной ориентации.

– Это тебе, Саныч не напоминает события в Венгрии, Чехословакии и Польше?

– Если и напоминает, товарищ Щербицкий, то только отдалённо. Всё таки там Запад и ЦРУ не действовали так нагло. А тут они пользуются тем фактом, что КНР не является членом ВД и не входит в Мировой Союз. Да и отношения наши только недавно нормализовались...

– Ясно, Саныч. Что предлагаешь?

– Не вмешиваться. Это если коротко. А если более развёрнуто, то быть готовым ввести войска в приграничные районы КНР. Прежде всего в Манчжурию. Скорее всего КНР распадётся. Как это уже было не раз в истории Китая. Нам нет смысла сейчас гадать по какому принципу это будет в этот раз. Нам нужно обезопасить свою территорию и не только на севере, но и на юге. На границе бывшего Вьетнама, а сейчас нашего Юго-Восточно Азиатского Региона. Поэтому, Манчжурию есть смысл полностью включить в зону наших интересов, а с другими прилегающими территориями, которые начнут процесс отделения, закрепить принцип нейтралитета и невмешательства. Особо хочу остановиться на их ядерном потенциале. Несмотря на его малочисленность и несовершенство носителей, я считаю необходимым быть готовым к его немедленной эвакуации к нам или разрядке боеголовок на месте.

– Спасибо Саныч, так и поступим. Но, как ты считаешь, почему американцы туда полезли? Неужели думают сменить ориентацию Китая и направить его на нас?

– Всё возможно, товарищ Романов. Но это не так быстро сделать. Я думаю, дело тут немного в другом. Как это не фантастически звучит, но они свято верят, что наш фильм «Лихие-90-е» это прообраз реального Мира, который нам с Вами удалось поменять на нашу реальность. То есть, они считают, что раз мы их переиграли, зная будущее, то и они должны тоже этими знаниями воспользоваться.

– Саныч, погоди. Ты это серьёзно? Нет, фильм, конечно, отличный и я бы даже сказал, своевременный. Многим, что называется, проветрил мозги. Наш Генсек после каждой новой серии уходит в запой. В пору киношников просить показывать их не чаще одного раза в месяц. А когда тот напивается, то кричит: «Это я во всем виноват !», «Судите меня !», «А, они обещали НАТО не расширять !», и всё в таком духе. Но при чём тут Китай?

– Товарищ Щербицкий, они считают, что Китай нужно сдерживать. Нам они пока ничего сделать не могут. А вот, Китаю напакостить могут.

– Это, Саныч, понятно. Но чем им Китай не угодил? США по размерам экономики на втором месте после нас. А Китай, дай Бог на сороковом, а по ВВП на душу вообще сто какой то.

– Так, товарищ Романов, в нашем фильме Китай, как раз начал свой подъём. Там есть сюжет о «челноках», которые начали везти в бывший СССР из Китая всё. Китай стал там «фабрикой Мира». И быстро, за 10 лет, вплотную приблизился к лидерам. А тем более, что СССР исчез, а Россия там скатилась сама на двадцатое место по ВВП.

– Ну так, это же выдумка? Или нет? Саныч, ты нам чего то недоговариваешь?

– Товарищи, я прошу не здесь Вам ответить на этот вопрос.

– Нет, давай здесь и сейчас. Товарищи приглашённые, Вы все свободны, – обратился к остальным Романов.

Все, кроме Саныча и двух Первых Секретарей, поспешно вышли. А Саныч, как опытный контрразведчик, выглянул в коридор и приказал охране самой отойти на три метра от дверей зала заседаний и никого к ней не подпускать.

Затем он достал прибор из своего саквояжа и совершил с ним обход помещения, потом нажал на нём что-то и из него начал литься шум или даже смесь шумов, что не позволяла на расстоянии расслышать, что говорит человек. А также этот прибор издавал помехи на всех радиочастотах, что полностью исключало прослушку и запись их разговора.

Когда все манипуляции были закончены, Саныч подтянул свой стул поближе к дуумвирату, присел на него и тихо начал:

– Товарищи, то, что я сейчас Вам расскажу не просто тайна или суперсекрет, это прежде всего невероятная история на грани фантастики. Я сейчас рискую быть признанным невменяемым и посаженным в психушку.

– Саныч, переставай «наводить тень на плетень», – не выдержал Романов, в то время, как на лице у Щербицкого было кое-какое понимание.

– Хорошо, тогда слушайте...

Саныч давно готовился к этому и его рассказ о невероятных событиях четырёхлетней давности и что потом за ними последовало, много времени не занял.

Когда он закончил, в зале стояла полная тишина. Ни разу, за время его рассказа, его не перебили и сейчас, два самых могущественных человека на Планете, сидели молча с отрешёнными выражениями на лицах.

– Можете меня проверить с помощью «полиграфа», «сыворотки правды» или «гипнозом», – подсказал Саныч методы проверки его искренности.

– Ты говоришь, что кроме тебя и Генерала, пухом ему земля, никто об этом не знает?, – первым вышел из оцепенения Щербицкий.

– Я раньше думал, что он и Вам, товарищ Щербицкий, об этом поведал. Вы же тогда нас так во всём поддерживали... – начал Саныч, но был прерван.

– Да я с Генералом через такое прошёл... Поэтому он просто говорил мне: «Поверь мне, так надо», – ответил Щербицкий.

– Ну, тогда кроме меня и Вас теперь, достоверно знает директор ЦРУ и может его ближайший друг полковник Гровс...

– Ну, ни х..я себе!, – не выдержал Романов. При этом было не ясно, это его запоздалая реакция на рассказ Саныча или на известие о том, что самый главный секрет СССР, а теперь Мирового Союза, знают их злейшие враги.

Саныч поторопился сгладить ситуацию и пояснил: – он узнал слишком поздно и не от своих агентов и шпионов, а от своих аналитиков и... от нас.

– Оху...ть!, мы же всё им и выдали, – это уже не выдержал Щербицкий, – они же этого парня могут убить или выкрасть, просто в отместку...

– Ничего с ним не случится. У нас с ними «пакт»...

– Какой ещё, нах..й, «пакт»? – возмущённо спросил Романов.

– Ну, это договор о неприкасаемых лицах с их и нашей стороны. Подписали ещё при «хруще» после «выстрелов в Далласе», чтобы избежать войны, – пояснил спокойно Саныч.

– И, кто в том списке?, – уже сдержано спросил Щербицкий.

– Если коротко, то Вы оба и ещё несколько человек. Могу Вам его предоставить для ознакомления.

– Не нужно. Хотя, как ни будь принеси, глянем для интереса, – сказал Романов.

– Хорошо, – согласился Саныч, с облегчением в мыслях констатируя, что «буря прошла».

– То есть, всё в этих «Лихих» правда?, – перешёл к конкретике Романов.

– В общих чертах, да, правда. То, как оно могло бы быть, – уточнил Саныч.

– Ну, бл..дь. Теперь и сам буду напиваться после каждой серии, как наш «Меченный», как его там в фильме «приложили», – в сердцах бросил Щербицкий.

– Может его запретить?, – задумчиво произнёс Романов.

– Ни в коем разе !, – почти хором возразили ему Щербицкий и Саныч.

– Пусть все видят, из какого гов...а мы страну вытащили, – продолжил Щербицкий, – а если бы «удалась» антиалкогольная компания? Бюджет рухнул бы. Мы же надеялись на доходы от нефти и не знали о сговоре США с саудитами по обвале цен на неё. Хорошо, мне Генерал принёс «типа разведданные» об этом и заключения аналитиков на ЭВМ.

А Ромнов, продолжил: – да, кто бы тогда мог об этом подумать. А, как всё красиво было? «Пора покончить с «пьяным бюджетом !», – кричал в ЦК Мишка, – потери компенсируем нефтью и газом !». Тряс выкладками. А когда перестали алкоголь продавать, то вообще всех «под плинтус загнал» цифрами об уменьшении в десятки раз преступлений в состоянии алкогольного опьянения. Правда, тогда никто их не перепроверял, и цифр об отравлении разными суррогатами и палённой дрянью, что народ вынужден был пить, вместо магазинной водки, тоже никто нам не предоставил. Я уже не говорю о взрывном росте нарко-мании и этой, как её, в глотку ей ежа, то-кси-ко-мании, – почти по слогам произнёс последнее название Романов.

– Да, что там «сухой закон» и нефть. Выкрутились бы. Затянули бы пояса и выкрутились бы. А вот авария на АЭС под Киевом и недавнее землетрясение в Закавказье, «там» бюджет и похоронили. И пошли мы к капиталистам с протянутой рукой, тьфу, – горько высказался Щербицкий.

– А точно, это не диверсия была на АЭС?, – встрепенувшись спросил Романов.

– Точно. Я лично с этим разбирался. Обычное наше головотяпство. Вот после проверки «закрутили гайки» во всей атомной отрасли, сразу в разы происшествий стало меньше. Можно сказать вообще нет, – ответил Саныч.

– Да, помню какой Вы там в Киеве «шухер подняли». Даже в намерении «отделиться» Вас тогда заподозрили. Правда, громче всех кричали именно сами «воры», как всегда. Вовремя мы их разоблачили..., – задумчиво произнёс Романов.

– А с землетрясением, ты нас, Саныч, славно всех «развёл»..., ха-ха, – хохотнул Щербицкий.

– Почему «развёл»? Я и сам точно не знал, природным оно было, или это наши вояки или американские что-то учудили, – деланно возмутился Саныч, – ну с нашими я всё быстро выяснил и решил эту тему «качать» в сторону сейсмо-оружия США. Ведь красиво получилось?, – спросил Саныч у «ареопага».

– Да, не скроем. Всё «в масть легло». Особенно переселение от туда людей. Если и были тогда недовольные, то сейчас таковых нет. Завалили ЦК письмами благодарности. Да и «роль места жительства» социологи стали по другому воспринимать. Раньше этот фактор не считался определяющим. А сейчас наоборот, – согласился с Санычем, Романов.

– Ну, а всё же. Что будут предпринимать американцы? Как думаешь?, – спросил Щербицкий.

– Думаю, что ничего неожиданного не будет. Нам удалось напихать в их Администрацию людей, на которых у нас есть железный компромат. Конечно, приказ взорвать там что ни будь они вряд ли выполнят. Но вот об обстановке, мнениях, настроении и даже о проектах решений мы знаем достоверно из разных источников, что сводит на нет, как и игру на продвижение к нам дэзы, так и на внезапность чего либо вообще, – ответил Саныч.

– Ну, а что директор то?

– Да ничего. Сидит, как «собака на сене». Решает к кому ему с этим пойти. Ну и самостоятельно пока начал несколько своих операций. Вот одну мы наблюдаем в Китае. В других регионах тоже. Но это всё так называемая «серая зона». Напрямую наших интересов не затрагивает.

– И всё же, как нам помочь Китаю? Не чужие ведь?, – спросил со вздохом Романов.

– Ну кроме того, что я уже озвучил, можно им бесплатно предоставить право показа у себя наших «Лихих». Если там хоть кто-то остался из понимающих, то прочтает между строк и прихлопнет эту вакханалию, как было у них в той реальности. Не побоялся там один Генерал

и прокатился по недовольным на танках. Конечно, воя в Мире было, но ничего. Через 10 лет всё прекратилось, так как страна сделала рывок. ВВП вырос в десятки раз !, – ошарашил всех Саньч.

– Ни х...я себе !, – воскликнул снова Романов.

– Не может быть, – с недоверием Щербицкий.

– Вот и Вам есть над чем подумать: «А надо, оно нам?», – заметил с хитринкой Саньч.

– Ну, тогда пусть всё идёт, как идёт, – вздохнул снова Романов.

Они ещё немного поговорили о разных сюжетах «Лихих» и распрощались довольно озадаченные отрывшейся правдой.

Проведя свой вчерашний «отшельнический вечер и ночь», с очередной девушкой «для здоровья», а ею снова оказалась моя одноклассница, такая, когда то, неприступная «ледышка», а сейчас «горячий лёд», Лида из Питера, я решил «для себя» срочно смотаться «на выходные» в Ленинград. – Но не с «ледышкой», а с Василисой. Судя по всему «девочка созрела» и дальше тянуть нет смысла и опасно, так как явно от воздержания она уже готова прыгнуть на любого встречного. А это, в мои планы не входило. Я её готовил для себя, – рассудил я.

И так «решено – сделано» !

– Лиса, здравствуй, – полуофициально я обратился к Василисе, встретив её на следующий день в коридоре киностудии.

– Добрый день, Дэн, – та ответила вежливо-настороженно.

– Давай смотаемся в Питер на выходных?, – предложил я.

Василиса замерла в нерешительности и проговорила:

– Я подумаю.

А сама размышляла: – это не выпадало из её образа «неприступной крепости», но и месяца «осады» было достаточно, для «почётной сдачи» на условиях «побеждённой», а не рисковать быть «взятой штурмом» и расстаться с победителем после «трёхдневного права победителя на разграбление». А такое могло случиться в любой момент. Причём «крепость была готова пасть» при первой же настойчивой попытке любого претендента. А таких за Василисой вилось всегда довольно много. И время от времени она «давала» им... возможность заглянуть в её «внутренний мир» и там вволю порезвиться. Но и посоветоваться с подружкой тоже нужно было.

Подруга Анечка без колебаний «дала ей добро» на «полную капитуляцию», но с условием «совместной жизни «без обязательств». – Мужчины всегда ведутся на эту уловку. А потом просто привыкают, – привела подружка ей «веский аргумент».

Василиса не стала «откладывать дело «сдачи крепости» в долгий ящик» и сама первая «сделала молниеносную вылазку», как только они расположились в двухместном купе вагона СВ, знаменитой «Красной стрелы».

Напрасно несколько раз к ним настойчиво, в течении часа, стучался проводник, чтобы забрать билеты. Или это стучались соседи, слыша невнятное мычание и стоны с охами и ахами? Потом их косые взгляды красноречиво свидетельствовали об их отношении к этому. Как всегда, гамма их чувств простиралась от жгучей зависти и всецелой поддержки, до тоже зависти и гневному осуждению. Последнее, обычно исходило от дам, далеко «забальзамовского» возраста.

– Ну, ты дала, – восхитился я Василисой.

– Да, я такая. Не зря прошла все отборочные и выходила в финал нескольких конкурсов. Я же рассказывала?, – с гордостью она похвасталась своей квалификацией.

– Да, пробы негде ставить, – подумал я, – мне так точно.

– Ну, что ты и вправду готов «жить со мною под одной крышей»? – спросила Василиса игриво.

– Раз обещал...

– Только из-за этого, – возмутилась Лиса, но не по настоящему, а загадочно улыбаясь при этом, кончиками губ, как «Мона Лиза».

Она нависала надо мною, так как на узкой полке вагона СВ рядом лежать было неудобно. Для секса это не было помехой. Так как я при этом был то вверху, то внизу, а то и сзади или над, когда «принимал зачёт по устному изложению», ха-ха. Который, кстати, Василиса выполнила с высоким артистизмом и аристократизмом, под мерный стук колёс.

– Ну, что ты, Лиса? Я сам хотел предложить...

– Дождёшься от тебя...

– Так ты же сама строила из себя...

– И правильно делала. Мне на пару раз не нужно. Мне нужен постоянный партнёр. Ты же видишь мои возросшие возможности...тьфу, потребности...тьфу ты, ну ты понял. А менять постоянно партнёров и «идти по рукам», как вы, парни говорите, я не хочу, – пояснила Василиса доходчиво свою позицию, как учила её подруга Анечка.

Путешествие было приятным. Бросалось в глаза всё новое и хорошо забытое старое. Вышколенность персонала вагона СВ была заметно выше прошлогоднего уровня. Правда там был не такой «фирменный» поезд, а попроще. А тут скоростной, уже, правда и Слава Богу, не единственный в Союзе. Такие стали «бегать» в разные концы страны. Что значит рынок и конкуренция. Это ж нужно абсолютно добровольно убедить или привлечь чем то, человека ехать шесть часов из Москвы в Ленинград, когда, то же самое, но в два раза дешевле, он может совершить в три раза быстрее на самолёте.

Но вот привлекли рекламу и крутятся везде ролики. Где проводятся аналогии и связь времён, между Николаевской – Царской железной дорогой, затем Сталинской Октябрьской железной дорогой, с наркомовскими вагонами и брежневские времена со скоростным экспресом «Красная стрела» и нашим временем. Воссоздали интерьер и внешний вид эпох. Я выбрал «Царизм». Всё в том стиле. И Василису попросил соответственно приодеться. Без панталон и кучи платьев с подюбниками обошлось, но вот корсет, пояс и чулки, шляпка с вуалью и стильные сапожки на каблукке имелись. Как там: «...гимназистки румяные...грациозно сбивают рыхлый снег с каблукка». Это про Василису, ха-ха. Угодила, чертовка !

Естественно, и чай в подстаканниках и обслуживание официантами из ресторана. Но мы всё же пошли взглянуть на это чудо той эпохи. Так как такие пассажирские жд-перевозки перестали давно быть рентабельными, то Минтранс передал и разыграл на аукционе права на них, среди частных. И вот теперь весь этот пассажирский состав частный. А не как раньше, только вагон-ресторан. Нет, есть ещё направления, где бегают государственные пассажирские поезда и там только вагон-ресторан частный или в аренде у частного.

Но тут не так. И это сразу отразилось на всём. И на чистоте и на обслуживании. В ресторане была живая музыка и певичка напевала романсы того времени. Даже «массажистки», как по прежнему продолжают величать «жриц любви», были костюмированы согласно эпохи. Наличие со мною дамы не помешало им предложить нам обоим свои услуги. По лицу Василисы я понял, что «не сегодня, а так может быть...». Дамы тоже это поняли, но были вежливы и учтивы, и оставив свою визитку, пожелав «хорошего вечера и поездки», удалились в свой уголок.

Мы решили в ресторане слегка поужинать, а в купе заказать напитки и фрукты. Прекрасный чай нам подавал проводник.

Так и сделали.

Затем был опять «секс-марафон». Запросы конечно, были у Василисы «царские». Было заметно и воздержание, и потребность. Но за два часа до приезда, она таки выдохлась и мы немного поспали. Как и положено, за пол часа до приезда, нас разбудил проводник. Благо, никаких «санитарных зон» уже не было и в помине. Вернее, они может и остались, но вот

«на отправление естественных надобностей пассажирами поездов» перестали влиять. Туалеты были оборудованы вакуумными сантехприборами, как в самолёте.

Большим плюсом для современных СВ было наличие отдельного туалета на два купе. А принимая во внимание, что и соседнее, смежное с туалетом, купе я тоже выкупил, то это был наш личный клозет.

Неспешно собравшись и даже попив чаю, мы, под бравые марши, прибыли в 6 утра на Московский Вокзал, города – Героя Ленинграда. Спать хотелось очень. Планируя нашу поездку, я закал нам индивидуальное экскурсионное обслуживание. Нас у вагона встречали. Это была женщина, лет пятидесяти. Типичная Ленинградка. Это выдавало в ней её слово «поребрик» и худощавое телосложение. Видимо, будучи ребёнком, пережила «Блокаду». Вернее, голодала некоторое время и потом была эвакуирована «на Большую Землю», а после вернулась в родной город. Несмотря на ранний час и темень, она была бодра, собрана и в хорошем расположении духа. Как мы потом отметили, это типичные черты всех коренных ленинградцев или тех, кто хоть год тут прожил и впитал это.

Также Питер нас встретил «дыханием весны». Была оттепель и естественно слякоть. Сказывалась близость Балтики. Хотя Финский залив и Нева были всё ещё скованны льдом. Это всё мы увидели позднее, а пока мы шли быстрым шагом к ожидавшему нас авто, в начале вдоль состава по крытому перрону, а потом по гулкому Вокзалу.

Пространство перед Вокзалом было хорошо освещено.

– Перед Вами Площадь Восстания и Невский проспект, – сообщила нам наш экскурсовод, Мария Фёдоровна, как она нам представилась в начале.

– Это, главная улица Ленинграда или Санкт-Петербурга, – добавила она.

Сев в микроавтобус, мы направились напрямик в нашу гостиницу Англестер -Астория. Да, именно так. Почему? Это запутанная история, рассказанная нам нашим гидом.

Всё, как всегда у нас, началось в Революцию. Гостиницу национализировали и назвали «Интернационал». Потом в НЭП опять акционировали и вернули прежнее название Англестер. После войны называли «Ленинградская». Недавно её отреставрировали и объединили с рядом стоящей Асторией и вернули прежнее имя. Ну всё, как всегда.

– Я буду некоторые названия использовать советского периода, а некоторые царского, как и название самого города, – сразу предупредила нас гид.

– Почему?, – спросила она сама себя и ответил: – Ну вот пример. Все знают и помнят, что именно в Вашей гостинице Англестер останавливались Чехов, Айседора Дункан, Есенин... 28 декабря 1925 года в номере 5 был найден мёртвым и здесь было им написано его последнее стихотворение: «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

– Или, наоборот, – продолжила гид, – визитная карточка современного Ленинграда, площадь Восстания, приобрела своё название и узнаваемый вид после Революции, а прежнее её название Знаменская площадь никому уже ни о чём не говорит. Ну кроме, историков и краеведов, конечно, – добавила она.

А я начал судорожно вспоминать: – в каком нас номере поселили? Потом оказалось в 25-м, Слава Богу. Совершенно в другом крыле. И нам в гостинице, потом сообщили, что в 5-й номер особая бронь от фанатов Есенина и для этого нужно чуть ли не за год записываться, чтобы одни сутки там провести.

Это единственное, что меня вывело из полусонного состояния. А так, Лиса мирного спала у меня на плече и я вполглаза и вполуха тоже и почти не воспринимал мерное бормотание Марии Фёдоровны.

По приезде, я чуть ли не на руках занёс сонную Лису в наш номер, попросив портёе оставить формальности «на потом», подтвердив наши личности паспортами.

С гидом, к её безмерному огорчению, временно распрощались. Она оставила свою визитку и я пообещал ей, как только мы проснёмся, то я ей позвоню. А она заверила, что в течении часа будет у нас.

Продрыхли мы до одиннадцати часов утра. Потом Василиса при помощи своего «речевого аппарата» привела моего «друга» в вертикальное положение и оседлав его, отправилась на нём в получасовой заезд галопом. Попутно проверяя прочность кровати и шумоизоляцию номеров. Насладившись «твёрдостью моих намерений», убедившись в прочности кровати и напоследок испытав звукоизоляцию наших апартаментов громким стоном удовлетворения, переходящим в ультразвук, она разгорячённая свалилась в изнеможении на мягкий матрас кровати.

Я тоже получил отличный заряд бодрости, от такой разрядки в конце на блаженную улыбку Василисы.

Затем, сделав утренний моцион, я позвонил Марии Фёдоровне. Та ответила сразу восклицанием: «Наконец !», когда узнала, кто ей позвонил.

Едва мы успели по-быстрому перекусить, как с низу нам по телефону сообщили, что гид нас ожидает.

Одевшись, мы пошли на встречу прекрасному.

С гидом сразу договорились исключить пешие прогулки, ввиду мерзости погоды. Отложив их на лето. А сейчас мы хотели бы посетить сокровищницу русской культуры Эрмитаж. Ну естественно, основную экспозицию и не до изнеможения, а часа на два максимум. Затем поздний обед или ранний ужин. Возможно, послеобеденный сон и вечером в Мариинку.

Я понятия не имел, – что это? Знал от «ледышки», что это самый известный театр Питера. И там работают, тьфу, служат конечно, «в театре музам служат», то ли её родители, то ли дядя с тётей. Неважно.

Ну так вот, я там нам забронировал на вечер отдельное ложе. Конечно, как Саныч «Царское» в «Большом», мне не удалось, но «градоначальническое» получилось.

Мария Фёдоровна, конечно посокрушалась, как мне показалось «для виду». – Тоже наверное не горела желанием по такой погоде бродить под открытым небом. Куда как приятнее в «тепле-добре», – решил я.

Ехать тут было недалеко. Но даже в этот отрезок пути гид поведала нам, что вот этот здоровенный Храм перед гостиницей, кстати виден из окна нашего номера, это знаменитый Исаакий или Исаакиевский Собор, и как жаль, что мы не хотим ходить под открытым небом, а то там такая хорошая смотровая площадка.

– А что, мы там увидим? Снег на крышах?, – съязвил я.

– Ну да, ну да, – быстро она согласилась и продолжила.

– Выполнен в стиле позднего классицизма по проекту архитектора Огюста Монферрана. Собор возводился аж 40 лет, с 1818 по 1858 годы. Достигает в высоту 101,5 метр, позолоченный купол храма видно почти отовсюду в историческом центре. По размерам купол Исаакиевского собора уступает только куполам соборов Святого Петра в Риме, Святого Павла в Лондоне и Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции..., – она нам заученно рассказывала, но была прервана вопросом Василисы.

– А, что это за мужик на коне?

Мария Фёдоровна запнулась и стала, как рыба, выброшенная на берег, глотать воздух ртом и одновременно покрываться розовыми пятнами на лице. Что говорило о крайней степени её возмущения. При чём, скорее всего всем, и бестактностью, и невежеством, и самой формой постановки вопроса. Но потом профессионализм явно в ней возобладал над личным, и она обычным своим гидовским тоном переключилась на тему вопроса:

– Памятник Николаю I начал строиться в 1856 году после смерти императора по проекту всё того же архитектора Огюста Монферрана и был открыт 25 июня, по старому стилю, 1859 года...

– А как, его большевики не снесли?, – продолжила задавать вопросы Василиса.

В этот раз реакция гидши была не такой эмоциональной и она просто ответила:

– Да, действительно, ничего хорошего, с точки зрения большевиков, Николай первый, или как его называли за строгости, Николай Палкин, не сделал. Подавил восстание декабристов, подавил восстание венгров в Австро-Венгерской империи и довёл Россию до войны с рядом стран, известную у нас, как Крымская. Хотя многие военные историки склоны её считать мировой войной. Так как она велась Россией с коалицией стран, таких как Османская империя, Британская империя, Французская империя Наполеона третьего, племянника Наполеона Бонапарта. И велась она не только в Крыму. Крым и неудачная оборона Севастополя были лишь одним из эпизодов той войны... Но это я увлеклась. Так вот, большевики хотели его снести, но он был признан шедевром инженерной мысли, это была первая в Европе конная статуя, поставленная на две точки опоры, задние ноги коня. И это его спасло от сноса, – закончила она ответ на этот вопрос и почти без перехода продолжила:

– Посмотрите на лево. Мы проезжаем Казанский кафедральный собор или Собор Казанской иконы Божией Матери, один из крупнейших храмов Санкт-Петербурга-Ленинграда. Построен в 1801-1811 годах архитектором Андреем Воронихиным для хранения копии чудотворной иконы Божией Матери Казанской. После Отечественной войны 1812 года приобрёл значение памятника русской воинской славы. В 1813 году здесь был похоронен полководец Михаил Илларионович Кутузов и помещены ключи от взятых городов и другие военные трофеи. В 1932 году превращён в Музей истории религии и атеизма.

– А сейчас посмотрите на право. Это Дворцовая площадь, с 1918 до 1944 площадь Урицкого, главная площадь Санкт-Петербурга-Ленинграда, архитектурный ансамбль, возникший во второй половине XVIII-первой половине XIX века. Площадь образуют памятники истории и культуры мирового значения: Зимний дворец, Здание штаба Гвардейского корпуса, Здание Главного штаба с Триумфальной аркой, Александровская колонна. Её размеры составляют около 5,4 гектара. В составе исторической застройки центра города площадь включена в список Всемирного наследия и является пешеходной зоной.

– И вот мы подъезжаем к цели нашей экскурсии. «Государственный Эрмитаж», до 1917 года – «Императорский Эрмитаж», с 1964 года – «Ордена Ленина Государственный Эрмитаж» – музей изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Основан 7 декабря 1764 года. Является одним из крупнейших художественных музеев в мире, – торжественно объявила нам наш гид.

Пока выходили из машины и шли ко входу в музей, а главный вход в Эрмитаж расположен на Дворцовой площади, напротив Александровской колонны, она продолжала трещать:

– Далее по ходу от Невского проспекта идёт Дворцовый проезд и расположен Дворцовый мост – разводной мост через реку Неву. Соединяет центральную часть города, Адмиралтейский остров и Васильевский остров. Длина моста – 250 метров, ширина – 28 метров. Состоит из пяти пролётов. Разведённый центральный двукрылый пролёт Дворцового моста – один из символов города...

И была снова прервана Василисой:

– А когда, его разводят?

– В час ночи, – коротко ответила гид и продолжила:

– Здание на той стороне Дворцового проезда, это здание Главного адмиралтейства...

– Ого, ещё одно, – это не выдержал уже я.

– Что значит «ещё одно»? Молодой человек, – опешив спросила меня гид.

– Ну там, возле нашей гостиницы, вроде ещё одно есть?, – ответил я ей неуверенно.

– Ах, это, – облегченно та сказала и продолжила, – это одно и тоже здание. Тут до Вашей гостиницы «рукой подать». Я просто сделала Вам небольшую обзорную экскурсию по центру города.

– И так, это комплекс адмиралтейских построек в Санкт-Петербурге на 2-м Адмиралтейском острове, расположенный на берегу реки Невы, значительный памятник архитектуры русского классицизма. Изначально построенный в качестве верфи, подвергался перестройке в XVIII-XIX веках. «Кораблик» на шпигеле здания рассматривается, как один из исторических символов города наряду с «Медным всадником» и ангелом на шпигеле Петропавловского собора Петропавловской крепости. Адмиралтейская игла запечатлена на медали «За оборону Ленинграда», – сообщила нам гид.

– А что, это за «Медный всадник»? – продолжила позорить меня и себя Василиса.

Но гидша уже была на чеку и просто так её нельзя было «взять врасплох» и «вывести из себя» нашим невежеством. И она, не меняя интонации своего менторского голоса, ответила:

– «Медный всадник» – неофициальное название одного из памятников Петру I, закрепившееся за ним после выхода одноименной поэмы Александра Сергеевича Пушкина в 1837 году. Монумент, выполненный из бронзы, и находится на Сенатской площади. Там, – и она небрежно махнула в сторону Адмиралтейства, и добавила: – на обратном пути проедем мимо.

– Кто такой Пушкин, надеюсь знаете?, – вполне серьёзно она поинтересовалась у нас.

– Конечно. Он у моей пра-пра-пра-бабки двоюродной, этаж снимал тут недалеко, на Мойке, – тоже небрежно, копируя гидшу, махнула куда то в сторону Василисы.

Тут уже я опешил и открыл непроизвольно рот и посмотрел туда, куда указала подруга.

– Во-первых, Мемориальный музей-квартира Пушкина, рассказывающий о последних месяцах жизни поэта, находится вон там, – указала величественно рукой гидша в сторону, обратную от указанной Василисой, куда-то за Александровскую колонну.

И продолжила вещать: – Там, в доме княгини Волконской, на набережной реки Мойки «у Конюшенного моста», Александр Сергеевич Пушкин снимал квартиру с начала сентября 1836 года. Как сказано в договоре, «...весь, от одних ворот до других, нижний этаж из одиннадцати комнат состоящий, со службами...», – дословно видимо, процитировала наша гид строку из договора-найма.

– А во-вторых, милочка, какое отношение ты имеешь к Волконским?, – вопрошала с надменностью Мария Фёдоровна, с таким видом, будто это она их наследница, а не какая то «замухрышка необразованная».

– С двух сторон прямое, – непонятно, но гордо заявила Василиса, вздёрнув подбородок и выпятив грудь.

– Это как?, – тут уже я не выдержал.

– А так. По линии мамы, мой пра-пра-пра-дед оренбургский генерал-губернатор, а она, стало быть, евонная дочь. А по линии папы, от ейного братца, героя-декабриста, в Сибирь, в Иркутск сосланного, – выложила Василиса дворянские корни своего генеалогического древа.

Тут с нашей гидшей стали происходить странные метаморфозы. Она то присела, то встала, потом оббежала Василису, и при этом внимательно в неё всматриваясь и щурясь, как будто впервые увидела диковинку и хочет рассмотреть получше.

И в конце, с твёрдостью в голосе заявила: «Похожа, чертовка, ай похожа. Рюриковичей кровь!».

Потом, успокоившись, добавила, вздохнув: – эх девонька, документов небось нету? Так только, семейные предания. А таких, знаешь сколько тут объявляется кажен год? Ты вот Волконской обозвалась, а тут, бери выше. В Цари метят!, – и махнув рукой, как ни в чём не бывало, продолжила:

– Взгляните сюда. Это Александровская колонна. Воздвигнута в стиле ампира в 1834 году в центре Дворцовой площади, уже известным Вам, французским архитектором Огюстом Мон-

ферраном, по указу императора Николая I в память о победе его старшего брата Александра I над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. Барельефы на пьедестале колонны в аллегорической форме прославляют победу русского оружия и символизируют отвагу российской армии. Монолит розового гранита был изготовлен в каменоломне под Выборгом в 1830-1832 годах. С большими сложностями он был перевезён из каменоломни в 1832 году на специально сконструированной для этой цели барже в Санкт-Петербург. Монолит не закреплён и держится только силой собственного веса, – вещала гид монотонно, много раз повторяемый ею текст.

При этих её словах, нам с Василисой, одновременно показалось, что колона начала падать прямо на нас и мы заметно шарахнулись в сторону.

– Не бойтесь. Это эффект плывущих в небе облаков, – напомнила нам гид о известном нам явлении и продолжила:

– Памятник венчает фигура ангела работы Бориса Орловского.

– Колонна – один из известнейших памятников Петербурга. Нередко её ошибочно называют «Александровский столп», по стихотворению Пушкина «Памятник»:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастёт народная тропа,

Вознёсся выше он главою непокорной Александровского столпа.», –

процитировала Мария Фёдоровна известные бессмертные строки.

– Вот и цель нашей небольшой пешей экскурсии, – указала она на здание Зимнего дворца, где и находился Эрмитаж.

Нам уже давно было видно огромную очередь во чрево Музея и от этого делалось не по себе. Хоть на улице и не было мороза, как в Москве, и было заметно теплее, но стоять в очереди совершенно не хотелось. Но не успел я открыть рот, чтобы высказать возражение, как наша гид заявила:

– Для VIP-гостей у нас есть другой вход, через который Вы попадёте сразу в основную экспозицию Эрмитажа и уже по желанию проследуете посмотреть легендарную лестницу Зимнего дворца, по которой поднимались революционные массы, во время его штурма в октябре 1917 года, чтобы низложить временное правительство Керенского, который к тому времени сбежал в женском платье в посольство США на автомобиле английского посла, как Вы знаете.

Я при этом заметно расслабился и стал крутить головой, всё с интересом рассматривая вместе с Василисой.

– А, где ворота? – спросила та.

– Вот же, – гид указала на ворота в ограде Зимнего.

– Да не эти. А на которые люди лезли во время штурма, – уточнила Лиса.

– Ах, те, из фильма Эйзенштейна? Так вон они, – указала гид в обратную сторону от Зимнего, на другой край Площади, – то ворота Триумфальной арки Главного штаба были сняты в фильме. Хотя Вам прекрасно видно, что сюда можно было спокойно попасть со стороны Дворцового проезда, как мы с Вами и поступили.

– Так, а зачем тогда народ в ворота ломился?, – задала Василиса закономерный вопрос.

– Ну, это нужно у режиссёра спросить, – отмахнулась гидша, но тут же, спохватившись, добавила, – как оно на самом деле было, не важно. Важно то, что осталось на плёнке. Значит там нельзя было пройти и применили такую вот военную хитрость, – защитила достоверность официальной легенды героического штурма Зимнего, Мария Фёдоровна, – как она про себя подумала: «От греха подальше».

– Понятно, – сказал я, теряя к этой, скользкой идеологической, теме интерес.

– Нам туда, – указала гид дальше вдоль здания Зимнего и добавила, – там с улицы Миллионной или Халтурина есть вход в так называемый Новый Эрмитаж.

– А чего, такое название улицы?, – влезла с новым вопросом Василиса.

– «Миллионная» название царское, а «народника Халтурина» послереволюционное. Как вот Невский называли проспектом «25 октября», а Дворцовую площадь, площадью «Урицкого», – стала пояснять Мария Фёдоровна по ходу продвижения нами к нашей цели, – но в 1944 году, в честь снятия Блокады, почти всему вернули их исторические названия и потом процесс продолжился. А сейчас вышло постановление, что можно и так и так называть. Как кому хочется. Это в рамках окончательного примирения гражданского конфликта 1917-1922 годов. Например, Ленинград вполне уместно называть, как просто Питером, так и полностью Санкт-Петербургом. Но вот Ленобласть, Петербургской или Питерской называть неудобно и это не будет соответствовать исторической правдивости, – добавила она.

Через некоторое время гидша торжественно сообщила нам, – ну вот мы и пришли, – указывая на красивый портик Нового Эрмитажа, который поддерживали десять фигур Атлантов.

– Если у Вас есть сокровенное желание, то Вы можете заручиться поддержкой гиганта, для этого дотянитесь до большого пальца его правой ноги и загадайте, – предложила Мария Фёдоровна вполне серьёзно и сама это проделала, попутно поясняя:

– Мы ленинградцы уверены, что они охраняют город и его жителей, а также исполняют сокровенные желания. Это поверье пошло ещё со времён блокады Ленинграда, когда один из снарядов попал в Атланта, разрушив ему торс практически наполовину. Но он выстоял.

Я и Василиса тоже подбежали в след за гидом к гигантскому исполину и совершили ритуал. Я не знаю, кто что, загадывал, я всегда просил в таких случаях мира и здоровья моим родным.

Затем мы быстро прошли во внутрь. Марию Фёдоровну там знали и никаких вопросов не последовало. Разоблачившись от верхней одежды в гардеробе, наша маленькая экскурсия вышла в начало экспозиции. Не успели мы совершить и нескольких шагов, как мимо нас прошмыгнула пара котов.

На немой наш вопрос, не дожидаясь его озвучивания, ответила гид:

– Есть много легенд о Зимнем дворце. Я их Вам сегодня расскажу. Эта история, наверное, самая правдоподобная из всех. В Эрмитаже существует самая настоящая «почетная государственная служба», основными служителями которой являются коты, – торжественно она заявила и увидев наше недоверие, продолжила:

– Появилась она во времена Петра I. Тот из Голландии привез красивого, и довольно крупного кота. Позже коты были привезены также и из Казани. Во времена Екатерины II, которая была поклонницей собак, возникла даже «война кошек и собак». Собаки полностью вытеснили кошек в подвалы. Советская власть свергла не только царскую династию, но и династию царских котов. Тяжелые революционные годы коты перенесли довольно стойко, за счёт истребления крыс и мышей. А вот годы Блокады Ленинграда им пережить не удалось. Все они были съедены и Ленинград заполонили крысы. После войны сюда привезли два вагона, загруженные кошками. Проблема распространения крыс быстро решилась, но появилась другая, размножающиеся кошки заполонили дворец. Периодически музей устраивает акции по поиску хозяев для них. Надо сказать, что их очень уважают за их верную службу. У каждого из 60-ти котов Зимнего дворца есть паспорт с фотографией, их любят, кормят и лечат. Единственный минус неофициального создания этой службы – было отсутствие финансирования. Но сейчас у Эрмитажа есть средств на содержание кошек, и они живут и несут службу за счет доходов музея уже официально.

– Ничего себе, – высказались мы хором, когда гид окончила свой рассказ.

Мы шли по анфиладам и переходам залов музея. Гид пыталась нам делать пояснения, но нам после истории с котами, это было не совсем интересно. Она это заметила и снова вернулась к теме легенд Эрмитажа:

– Я вижу Вам нравятся легенды. Так вот самой популярной легендой о Зимнем дворце является присутствие тут призраков. Как рассказывают музейные работники, очень часто в

коридорах, затемненных помещениях и кладовых можно встретить тени российских императоров. По ночам по залам бродят духи Екатерины Великой, вот она изображена на этой картине, – указала гид на огромное полотнище.

– Также тут бродят призраки Николая I, Александра II, а в последнее время все чаще можно встретить призрак императора Николая II, – вот их портреты, жестом она привлекла наше внимание к ним и продолжила уже более интересное повествование:

– Призраки здесь были всегда: известен факт, однажды ночью, когда царская особа уже спала, в Тронном зале появился образ женщины, точь-в-точь схожий с самой Анной Иоанновной. Дежурный караул замер при виде императрицы, офицер пытается отдать честь с помощью обнаженной шпаги. Женщина ходила туда-сюда по залу, не замечая караульных, – вот и её портрет, кстати.

– Призрак же Николая I схож по характеру со своим прообразом, настоящим императором. Он часто задерживался вот в этом своем кабинете, где он очень много думал о судьбе России, искал пути ее развития и совершенствования способов руководства страной, – вот он тут изображён довольно скромно, кивнула гид в сторону небольшого его портрета.

Несмотря на то, что по залам, одновременно с нами ходили сотни людей и в музее было заметно жарко, нас с Василисой начало немного бросать в дрожь, а Мария Фёдоровна продолжала нашу необычную мистическую экскурсию обычным гидовским тоном:

– Привидение Николая I появляется практически всегда в одном и том же месте. Его не раз пытались сфотографировать, но все время странные обстоятельства мешали сделать качественный снимок. То какая-то неведомая сила парализовала конечности и не давала нажать на кнопку фотоаппарата. И даже если удавалось запечатлеть образ Николая, то в итоге все равно изображения получались размытыми и разглядеть что-либо на них было невозможно.

– И как с этим сейчас?, – запинаясь и оглядываясь я спросил.

– Истории о привидениях Зимнего дворца продолжают всех будоражить. Недавно тут заменили сигнализацию на более чувствительную. В результате, в первое время она срабатывала без видимых причин. Сразу появились слухи о том, что, якобы, причиной этого является передвижение по залам призраков. Сейчас сигнализация перестала срабатывать невпопад. Сразу же нашлись объяснения: призраки теперь научились обходить ее стороной, – ответила гид на мой вопрос и затем торжественно произнесла:

– Часы «Павлин» – визитная карточка Эрмитажа ! Посмотреть на них съезжаются тысячи туристов со всего мира. В 1777 году их купил князь Григорий Потёмкин, чтобы сделать подарок для Екатерины Второй, у которой с ним был роман. Но сюрприз не удался: часы сильно пострадали при перевозке и ко двору попали в нерабочем состоянии. Реанимировать механизм князь поручил гениальному русскому мастеру Ивану Кулибину. Тот разобрал часы, понял их устройство, починил и заново собрал, добавив некоторые детали. Оживающий «Павлин» произвёл фурор при дворе. Когда часы заводили, птица распускала хвост, поворачивалась спиной к публике, ненадолго так замирала и возвращалась в исходное положение. Этим жестом птицы, Кулибин выразил своё отношение к царскому режиму, – пояснила Мария Фёдоровна чудачество мастера идеологической подоплёкой.

Мы с интересом рассматривали это чудо минут десять, а затем Мария Фёдоровна схватив нас под руки, потащила куда то в глубь залов музея, шепча заговорщицки: – я договорилась, сейчас там никого кроме нас не будет.

Потом мы вошли в небольшой зал, где на троне сидела фигура Петра Великого. Там действительно никого не было, кроме нас. За нами служки музея закрыли дверь и всё погрузилось в тишину. Мария Фёдоровна прикоснулась к своим губам указательным пальцем, что на всемирном языке жестов означает «тихо». А затем кивнула в сторону фигуры, мол «смотрите внимательно».

Несколько минут ничего не происходило, и я уже собирался уйти, но как только я повернул голову в сторону гида, чтобы ей сказать об этом, то краем глаза заметил шевеление. Я резко повернул голову в исходное положение и увидел, как Император Пётр Великий медленно встаёт со своего трона. При этом пристально смотрит на меня весёлыми глазами, улыбаясь. А встав, кланяется нам.

Я, Василиса и Мария Фёдоровна тоже инстинктивно поклонились ему, вернее, поклонился я, а они, видимо, как дамы, сделали книксен. – Где научились?, – пронеслось у меня в голове.

Затем, Император, постояв немного, рассмотрев нас внимательно, задержав взгляд на окаменевшей Василисе, усмехнулся и подмигнул ей, и потом указал на дверь и снова занял своё место.

Я не знаю сколько мы так простояли, первой очнулась Василиса и тут же спросила:

– А, так и должно было быть?

Ответила ей, тихо, но в гидовской манере Мария Фёдоровна:

– Это восковая фигура Петра Первого, которую горожане иронично называют чучелом царя. Окутана ореолом загадок. По одной из версий он оживает только по ночам, но многие утверждают, что, свели знакомство с императором днём. Как и мы, только что, – добавила она и продолжила пояснение: – По их словам, восковой правитель вставал, кланялся и указывал на дверь, видимо, хотел сказать, что пора бы и честь знать. Внутри фигуры действительно спрятааны шарниры, которые позволяют сажать её в кресло и ставить на ноги. Но никаких механизмов, которые приводили бы её в движение, реставраторы не нашли. И ещё, все эти посетители были необычными людьми, как Распутин или Вольф Мессинг, например. Я простой человек, значит кто-то из Вас. Ты Василиса, наверное. Признал тебя за ровню Пётр, – добавила она и посмотрела на Лису восхищённо.

Я про свою необычность, конечно же скромно промолчал.

Когда мы вышли, то перед дверьми скопилась приличная толпа народу. Но никто ничего нам не сказал. Видимо наш вид «полного изумления» говорил всем, что мы удостоились внимания Императора, а значит мы люди не простые, раз он нас отметил.

Музейные служки, две бабушки «божьи одуванчики», светясь, смотрели пытливо на Марию Фёдоровну. Та им только кивнула, мол «было». Те тоже с важным пониманием ответили кивками.

– Значит, копилка слухов пополнилась ещё одним случаем, – подумал я.

Переполненные эмоциями от соприкосновения с красотой и вечностью, мы покидали этот Храм искусств и истории, в надежде ещё когда ни будь снова сюда вернуться. Ведь ещё столько загадок хранит он в себе.

В машине, по дороге в гостиницу, Мария Фёдоровна обещала нам в следующий раз показать египетскую женщину-сфинкса, переносящую души в прошлое и назад, гробницу самого Гомера и даже таинственный подземный ход из Зимнего в особняк самой Кшесинской.

Женщина-сфинкс меня заинтересовала, а вот Гомер с подземным ходом не очень. О Гомере я знал мало, в основном о его исторических-легендах, про Кшесинскую вообще впервые слышал. Но сил спрашивать уже не было, ни у меня, ни у Лисы. Поэтому, мимо Петра Ина коне, прозванного «Медным», мы проехали молча, просто констатируя, что он на указанном гидшей месте.

Тепло распрощавшись с Марией Фёдоровной и заверив ту, что если нам захочется ещё куда то сходить, то мы ей непременно позвоним, мы с Василисой направились в ресторан гостиницы Астории.

Там у нас был оплачен обед. Надо сказать совершенно не дорого. Да оно и понятно. В такие шикарные рестораны обычно ходят вечером. Вот для привлечения дневных клиентов тут и ввели «дневное меню».

Нас встречал швейцар в ливрее на входе, затем гардеробщик в форменном сюртуке, выйдя из-за своей стойки, поприветствовал нас и помог нам снять верхнюю одежду и обменял нам её на номерки и на два гривенника «чаевых». Внутри зала ресторана нас встречал метрдотель. Тоже одет в форму.

Так как талоны на посещение ресторана мы предъявили при входе, то никаких лишних вопросов не последовало, и он нас провёл в одну из кабинок, из которых состояла вся правая сторона зала. Они были закрыты портьерами из бордового панбархата

К стандартному комплексному обеду я дозаказал бутылочку сухого вина.

Пока ждали заказ, сидели с Лисой и рассматривали интерьер ресторана. Он впечатлял своей вычурностью, стенами покрытыми полированным красным деревом, удивлял лепниной и херувимчиками или ангелочками, а скорее всего это были амурчики.

– Молодые люди, как Вам у нас?, – спросил нас седой усач в красной ливрее, подошедший незаметно.

– Да нормально, дедушка, – ответила равнодушным тоном Василиса.

– А Вы знаете, что оснащение «Астории» в момент её открытия в 1912 году было настолько добротное и современное, что ремонт зданию не требовался в течение десятков лет? Даже революция и блокада Ленинграда, хоть и ранили, но не убили крепкую «Асторию». Кухня ресторана оборудована по последнему слову техники. Есть даже лифты для блюд и посуды. Имеются погреба: малый – для вин на «каждый день» – и большой для хранения вина в бочках и бутылках. Сделанная на заказ посуда служит, как и стены здания, многие десятилетия. Это касается не только серебряных столовых приборов и ведерок для шампанского, но и фарфора, и хрусталя. Нашу посуду можно увидеть в фильмах о Шерлоке Холмсе, – поведал дедуля важным тоном.

Фильм о сыщике был моим одним из любимых, особенно сцены с завтраками и обедами, «...Ваша овсянка, сэр !».

Василиса с заметно большим интересом стала рассматривать ресторан, а наш добровольный гид продолжил:

– Наш ресторан был и есть одним из самых модных мест Петербурга и Ленинграда. В «Астории» встречался и обедал бомонд и довольно одиозные личности. Такие как Григорий Распутин, который вообще был частым гостем ресторана, провел как-то здесь ночь с княгиней Долгорукой, женой камер-юнкера высочайшего двора. И об этом, к несчастью для последнего, стало известно всему свету. Кстати, официанты, которые обслуживали Распутина, продержались на своей работе удивительно долго. Я один из них, – сообщил потрясающую новость этот мастодонт ресторанной истории, чем вызвал у нас к его рассказу неподдельный интерес.

– А, что ещё интересного тут происходило?, – спросила Василиса с искренним любопытством, понимая, что снова прикоснулась к истории.

Старик приосанился от внимания к нему юной нимфы и как бы скинул со своих плеч ещё с десяток лет, в добавок к тем, от которых его бережёт оберег таинственного Распутина и начал свой рассказ:

– Благополучный период «первой жизни» ресторана и отеля, неотъемлемой частью которого он является, длился всего четыре года, да и то был омрачен первой Мировой войной. Тогда «Астория» стала военной гостиницей и принимала только высших офицеров. В Февральскую революцию здание было расстреляно пьяными солдатами. Собственно, на весь 1917 год, взрывы, выстрелы и солдатня стали обычным явлением для «Астории». Летом, например, здесь разместился штаб Корнилова, и большевики предприняли кровавый штурм гостиницы. После Революции страсти поутихли. Вожди «нового мира» превратили «Асторию» в респектабельный «Первый Дом Петросовета» и зажили здесь в комфорте со своими семьями. В 1926 году «Астория» снова стала гостиницей, перешла под управление общества «Интурист». Здесь тогда останавливался фантаст Герберт Уэллс. Своим повышенным интересом к дамам Уэллс

был известен не меньше, чем «Войной миров». Так что его проживание в «Астории» не обошлось без амурных историй и даже любовных треугольников. Одним из их участников угрозило стать даже пламенного Буревестника и меня. Но это отдельная история, – хмыкнул в свои усы рассказчик.

– Ну пожалуйста, хоть немножечко, – заканючила слезливо Василиса.

Семёныч, как он представился, нехотя согласился и продолжил:

– Мурка её звали, дворянка по происхождению и разрушительница мужских сердец по призванию, была секретаршей и любовницей нашего Буревестника. Она изменила ему с Уэллсом еще в первый его приезд в Россию в 1920 году. Причем случилось это прямо в доме великого пролетарского писателя. Многоугольники Мурки, Буревестника и Уэллса продолжалась 16 лет, до смерти писателя. За это время она успела завести еще несколько романов..., тут снова дедушка хмыкнул, – и затем она вышла замуж за одного эстляндского барона и уехала в Америку.

Рассказ на время прервался, а мы смотрели на человека в ливрее, как будто в самую историю.

Он для вежливости кашлянул, чтобы вывести нас из ступора и продолжил:

– Во время блокады Ленинграда в отеле устроили госпиталь для писателей, художников и музыкантов. Откармливали у нас в ресторане, чтобы сберечь от гибели цвет нации, как тогда говорили. Направление сюда можно было получить только у заведующего Ленгорздравотделом. Одна из самых известных историй про «Асторию» такова: Гитлер собирался устроить здесь банкет по случаю своей победы. Даже распорядился напечатать пригласительные билеты. Так или иначе, но «Асторию» немцы во время своих авианалетов на Ленинград не бомбили. После войны, в наспех отремонтированном здании, снова начали принимать постояльцев. «Астория» стала престижной советской гостиницей и рестораном с соответствующим набором обитателей: фарцовщиками, интердевочками, номенклатурными командировочными и секретарями всяческих творческих союзов. Но и по-настоящему интересные люди хранили верность «Астории». Например, Александр Вертинский...

Тут Семёныч прервался и говорит:

– Вам уже несут обед, а мне пора...

Мы непроизвольно посмотрели в сторону кухни через просветы в шторах, а когда взглянули на старика ... то на том месте, где он стоял, только бархатная шторка колыхалась.

– Да, шустрый старик... Это ж сколько ему лет то должно быть?, – задумчиво спросила Василиса.

– Должно быть не меньше девяноста, а по виду больше шестидесяти не дашь, – с сомнением я ей ответил.

Тут нам и действительно принесли наш обед и вино, и мы принялись отдавать должное кухне знаменитого ресторана.

Я с удовольствием констатировал, что под таким непрезентабельным названием, как «комплексный обед», скрывались настоящие шедевры кулинарного искусства. Вроде бы и названия обыденные: салат «Витаминный», мясная солянка, шницель «по – министерски», жаренная картошка. Но это были «произведения искусств и с виду, и по вкусу. Салат был из свежих огурцов и помидоров с зеленью, но так вычурно нарезан и разукрашен, что просился на холст, в виде натюрморта. Не говоря о запахе тмина и кукурузного масла. Солянка была настоящей, то есть на мясном бульоне, с обжаренными кусочками почек, копчёностей и дольками сосисок, с маслинами и лимончиком, с ложечкой сметаны. Шницель ни чем не напоминал столовскую котлету, а наоборот, сам собой в мозгу вызывал это кулинарное название – шницель. Даже приставка «по – министерски» его не испортила, вернее, он в ней просто не нуждался. Жаренная картошка, была по настоящему картошкой и по правильному пожаренной. Вроде ничего сложного. Но вот в других местах у них выходит такая себе пригорелая мягкая

субстанция. А здесь с хрустящей корочкой каждая её соломка и внутри рассыпчатая сладкая мягкость. Даже хлеб был свой, то есть, вот только с пода печки. А соус к шницелю можно было подавать отдельно, и свободно съесть с ним хоть газету.

По общему согласию с Василисой, обед был оценён нами на пять с плюсом. Но десерт мы решили заказать у себя в Англетере, тоже не менее легендарном ресторане нашей гостиницы.

Уходя, я спросил у гардеробщика, который помогал нам облачиться в наши одежды:

– А, куда поделся пожилой официант в красной ливрее?

– Какой пожилой, да ещё и в красной ливрее? Нет у нас таких, Вашбродие, – удивился тот.

– Да мы с ним разговаривали. Разве Вы не видели? Он стоял возле нашего кабинета. От сюда вон видно, – не унимался я.

– В ливрее красной?, – уточнил метрдотель, который слышал наш разговор.

– Да. А Вы его видели? Возле нас стоял, – обрадовался я.

– Нет, мил человек. Не видел. Но знаю его, – ухмыльнулся тот.

– А, как так. Видеть не видели, а знаете?, – удивился я.

– Дааа, повезло значит Вам товарищ-барин и Вам мадмуазель, с самим Семёнычем знакомство свести, – закрутил себе усы метрдотель, от чего очень стал походить на Чапая из фильма.

– А, что тут такого?, – с лёгким пренебрежением спросила Василиса.

– Так это ж привидение!, – с ходу нас огорошил уже швейцар, который подошёл к нам и прислушивался к разговору.

– Как привидение? Мы с ним минут десять говорили, как вот с Вами. Он нам разные истории рассказывал про «Асторию», – с недоверием и подозрением на розыгрыш я переспросил.

– Дааа, давно он не являлся, – протянул метрдотель. – Последнему этому, как его. Шахматисту, чемпиону нашему. Даже в шахматы с ним играл, – продолжил удивлять нас он.

– Потом тот прибежал и его искал. Всё повторял, что старик ему «габит» какой то показал, как разыграть, и он поэтому выиграл. И не верил, что с приведением играл, – добавил швейцар.

– Да, даже директора пришлось звать, чтобы тот подтвердил про приведение, – вспомнил подробность метрдотель.

Потрясённые ещё одной встречей с духами Питера мы пришли к себе в номер. Там всё было убрано за исключением одной мелочи. На прикроватном столике лежала салфетка. На салфетке была строка:

«Василиса, Василиса, ты искусная актриса

И Волконской ты под стать...

Император Всероссийский соизволил даже встать...»

Ни я, ни Василиса не обратили ни неё внимание. Внимание на неё обратил официант, который принёс нам кофе, десерт и фрукты.

– Оооо, давно Серёжка никому стихов у нас не посвящал, – сказал он, подмигнул нам и вышел, улыбаясь.

На его слова мы тоже не обратили внимание. Я лично подумал, – что каком то местному ловеласу Серёже понравилась моя Василиса и он через горничную оказал ей внимание таким вот престарелым образом.

После сытного позднего обеда, мы решили немного вздремнуть перед походом в театр.

Проснувшись в шесть вечера, мы заторопились в следующий пункт нашей программы «Мариинку» или «Кировский».

Чтобы не бродить по сумеркам и не заблудиться, мы вызвали, через дежурного гостиницы, такси. Хотя тут идти, если знаешь куда, десять минут. О чём нам сообщил недовольный таксист. В Ленинграде действовала европейская система службы такси. То есть, ты сообщал

при заказе только адрес, от куда тебя нужно забрать, а место назначения сообщал уже при посадке непосредственно водителю. Таксист не имел права отказать, если он не хотел лишиться разрешения на работу. Его можно было лишиться и за меньшее. Например, если набирал мало баллов, которые зависели от оценок, что выставляли тебе пассажиры.

Так вот, через три минуты мы выходили перед знаменитым Питерским театром. Я понятия не имел чем он так знаменит и что сегодня тут будут для нас демонстрировать. Но толпы людей вокруг него и тут же посыпавшиеся на нас с Василисой вопросы «нет ли у нас лишнего билетика?» говорили сами за себя. То есть и театр высший сорт и дают тут сегодня не туфту.

Наш путь лежал к служебному входу, где нас ожидали и должны были провести небольшую экскурсию и затем в наше ложе. Для этого мы обошли толпу у центрального входа и с правой стороны обошли сам театр. Ну так мне представилось, где этот служебный вход должен быть.

Стоило нам завернуть за угол обратной его стороны, как мы оказались на пустынной улице, а на обратном фасаде театра призывно для нас горел довольно тусклый светильник над служебным входом. Куда я и Василиса быстро направились. Так как время поджимало. Вошли с улицы в предбанник, тоже довольно тускло освещенный. Вернее, свет там давала только настольная лампа на столике при входе, за которым сидела благообразная старушка-билетёрша, – так по крайней мере у меня всплыло в голове от её вида.

– Опаздываем молодые люди, опаздываем, – удрученно она нас по доброму пожурила, рассматривая внимательно своими чуть озорными глазками.

– Добрый вечер, – почти одновременно с Василисой мы с ней поздоровались.

– Добрый, добрый. Вот, возьмите программки, – и протянула нам яркие буклеты.

– Бинокли не желаете? Не дорого, по пятаку за штуку. Но с возвратом. Тут оставите. Если меня не будет, – предложила нам билетёрша.

– Конечно, – я согласился и протянул ей гривенник за два бинокля.

– Приятного просмотра, – проговорила она нам в след и как будто из колодца, долетел её голос. Но мы внимания не обратили, так как уже быстрым шагом шли в фойе очередного Храма искусств, помятую, что театр начинается с вешалки, а продолжается в буфете, ха-ха.

Уже почти у гардероба нас нагнал лысоватый мужичок в несколько потёртом фраке.

– Вы из Англии?, – спросил он нас, запыхавшись.

– Из Аглетера, – поправил я его, удивлённо.

– Ну да, ну да. Добрый вечер ! Рад приветствовать дорогих гостей. А, как Вы прошли?, – спросил он озадаченно.

– Добрый вечер, – хором мы с ним поздоровались и я ответил:

– Так через служебный вход, – и кивнул в сторону, от куда мы пришли.

Он удивлённо тоже туда глянул и говорит:

– Вы что-то путаете, молодые люди. Тот давно уже не работает. У нас есть прекрасный, светлый, новый служебный вход, слева от главного, – и кивнул в противоположную сторону.

– Да ничего мы не путаем, – начал я насторожено.

– Вот и программки с биноклями, – подключилась ко мне Василиса и протянула их нашему новому знакомому.

Он посмотрел на них и взял одну программку и бинокль в руки и усмехнувшись сказал загадочно:

– Опять бабка Соня шутит. Вот гляньте на год.

И протянул мне программку назад. Сейчас она не выглядела так ярко, как там. И было видно, что ей место в музее или архиве. Надпись на ней вообще бросила в дрожь: «изд. Лен-печать ноябрь 1941г.».

– А, кто такая бабка Соня? И что это у неё за шутки такие?, – спросила вполне резонно Василиса.

При этих словах наш новый знакомый спохватился, принял ровную осанку и молвил хорошо поставленным голосом конферансье:

– Извините. Разрешите для начала представиться, завоорг «Кировского театра» Леопольд Казимирович...

– Ха-ха-ха, – рассмеялась совершенно некстати Василиса и ещё и добавила, – как кот из мультика.

Я тоже не смог удержать улыбку, так как ко всему ещё и разглядел довольно внушительных размеров повязанный у того на шее театральны бант. – Ну вылитый Леопольд, – подумал я.

А Василиса не остановилась и продолжая хохотать, произнесла известную фразу:

«Ребята, давайте жить дружно!».

От задорного смеха Лисы наш Леопольд тоже улыбнулся и неудобный момент был пройден.

– Да, наградили имечком родители. Кстати, известные питерские театралы..., – начал Леопольд явно длинный рассказ о генеалогическом древе своей семьи, но был бесцеремонно прерван Василисой.

– Леопольд Казьмирыч, – так именно она его обозвала, обрезав отчество на свой манер, – расскажите нам наконец про бабу Соню.

– Кхм, не нужно так кричать о ней. Она, как бы это чётче выразиться. Бестелесная субстанция. Вот кто, – произнёс он полупрошептом.

– Какая суб что?, – опешила Лиса.

– Привидение то бишь, – уточнил театрал.

Немая сцена. Мы стоим с открытыми ртами и смотрим то на Леопольда, то в темноту коридора, от куда мы пришли. Люди вокруг начали на нас оглядываться.

– Да Вы не волнуйтесь так. Она мирная и тихая. Вот кто ей понравится, то тому является и пускает без билета. Программку даст и бинокль за пять копеек тоже. У нас в музее берёт. Но ни разу не ошиблась. Вот и сегодня у нас действительно «Евгений Онегин», – начал нас успокаивать работник, тьфу, служитель Мельпомены.

– А кем она была до, так сказать..., – спросил я.

– Билетёршей, и на своём посту и умерла... в Блокаду, – грустно ответил Леопольд и тут же добавил, – но она весёлая, в день снятия Блокады в январе 44-го, который был последним рабочим днём театра перед ремонтом, она в конце представления вышла на сцену, таща на верёвке ящик настоящего французского шампанского, да и потом, когда захочет, то по бутылочке его дарит. Видно, тут есть погребок, который она только знает. Ведь из музея то программки и бинокли таскает...

В этом месте нашей беседы прозвенел первый звонок.

– Ой, а я Вам про наш театр так и не успел ничего рассказать. Я быстро...

И он начал свой краткий экскурс в историю «Мариинки»:

– Сегодня Мариинский или Кировский театр является визитной карточкой Санкт-Петербурга то бишь Ленинграда, его заслуженно причисляют к старейшим и лучшим мировым театрам оперы и балета. А берёт он своё начало от Большого театра, основанного в 1783 году по приказу императрицы Екатерины II, которая абсолютно не думала, что он будет выполнять такие функции. Поначалу на его сцене ставили музыкальные и драматические спектакли. После того, как построили новое здание в 1859 году, театр решили назвать Мариинским в честь супруги Александра II – императрицы Марии Александровны. С 1935 года он также носит название – Ленинградский ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова, часто сокращённо – Кировский театр. Прижились оба названия и используются в зависимости от описываемых событий его истории, – уточнил Леопольд и продолжил:

– Первый театральный сезон в новом здании открылся 2 октября 1860 года оперой Михаила Глинки «Жизнь за царя». Изначально опера имела название «Иван Сусанин». Но один из государственных министров, посетив репетицию, посоветовал переименовать оперу и назвать её – «Жизнь за царя». Михаил Глинка долго не соглашался. Для него важен был героизм Сусанина, это он хотел поставить во главе угла, сделать тему подвига центральной. Тогда было предложено и другое название «Смерть за царя». Однако, после рассуждений и дискуссий, выводом которых стало убеждение в том, что «за царей» надо только жить, закрепилось название «Жизнь за царя». И композитор согласился. Сейчас опера снова идёт под первоначальным названием «Иван Сусанин». Царей то нет !

– Кстати, для царской семьи в театре была построена отдельная роскошная ложа. А в ней, есть потайная дверь. И ведёт она прямо в гримёрки артистов. Это было сделано для того, чтобы любой из монархов мог поблагодарить артистов после выступлений. Бытует легенда, что потайной дверью нередко пользовался император Николай II, чтобы «особенно поблагодарить» свою любовницу балерину Матильду Кшесинскую.

– Ааа, понятно теперь зачем к ней подземный ход прокопали из Зимнего, – прервала рассказ о театре, Василиса.

– Да, есть такая легенда, но я продолжу:

– За всю свою долгую и успешную деятельность Мариинский театр подарил миру многих великих артистов: здесь служил выдающийся бас, основоположник российской исполнительской оперной школы Осип Петров, оттачивали свое мастерство и достигли вершин славы такие великие певцы, как Фёдор Шаляпин, Иван Ершов, Медея и Николай Фигнер, Софья Преображенская.

На сцене блистали артисты балета: Матильда Кшесинская, Анна Павлова, Вацлав Нижинский, Галина Уланова, Рудольф Нуреев, Михаил Барышников. и многие, многие другие.

– Кстати, о привидениях. Если Вам явиться тут Шаляпин и станет гневно требовать ему доплатить или хотя бы налить выпить, то гоните его на ху..., тьфу, прочь. А то он потом орёт всю ночь и сторожей, то пугает, то спаивает, – закончил свой рассказ о театре Леопольд, аккуратно под второй звонок.

– Пройдёмте в буфет, – предложил он, – по старой театральной традиции, перед представлением непременно нужно выпить коньку, закусив это лимончиком, а даме позволительно и шоколадом, – пояснил Леопольд.

Так и поступили. Там как раз все уже разошлись занимать места. – Нам тропиться было некуда. Ложа наша от нас никуда не убежит и её никто не займёт, – заверил нас наш театральный гид.

– По пятьдесят самого лучшего, – скомандовал Леопольд буфетчице.

Та, заискивающе улыбаясь, метнулась исполнять со словами:

– Сей момент Липольд Казьмирыч будет спольнено.

Вторая товарка за стойкой проворно, тем временем, нарезала лимон. Через минуту, со словами: «Сив ю пле», на наш столик были буфетчицей водружены три рюмашки с янтарной благоухающей жидкостью, блюдце с лимончиком и плитка шоколада «Ленинградский». И со словами: «Шоб не бегать», ею также была поставлена початая бутылочка «Шустовского», с аббревиатурой КС, то есть «коньяк старый, выдержка не менее 10 лет». – Одесский завод коньячных вин возобновил его производство, прерванное Революцией, – вспомнилось мне.

– Вот молодец, так молодец, – похвалил Леопольд работницу общепита и подкрепил свою похвалу нежным поглаживанием аккуратной попки буфетчицы. Которая была явно не против и расплылась в улыбке, что сделало её лицо ещё более приятным.

Толчок локотка в мой бок со стороны Василисы, вернул меня к «суровой реальности», оторвав от разглядывания заманчивых прелестей «театрально-буфетной Сирены», которые,

как известно из легенд Гомера, очень опасные женские существа, особенно обитающие у буфетов.

Совершив театральный обряд, мы ведомые Леопольдом заспешили в нашу ложу. Тот захватил с собой всё нами недопитое и несъеденное.

В нашу ложу вела отдельная дверь из коридора, которую Леопольд открыл своим ключом и запустил нас во внутрь.

Мы попали в небольшую комнату. С диванчиком, столиком с тремя стульчиками вокруг. Никаких особых изысков не было. Наш театральный друг споро поставил всё унесённое им из буфета на столик. Затем вручив нам свежие программки взамен раритетов и пожелав приятного просмотра удалился, сославшись на дела и обязанности, правда указал на телефонный аппарат и справочник внутренних номеров и добавил: «Если что, звоните».

Как только за ним закрылась дверь, из-за другой двери донеслась музыка, которая, одновременно с третьим звонком, оповестила нас о начале оперы.

Мы поторопились туда. Выйдя за дверь, мы оказались почти перед самой сценой, с лева от неё. Внизу была оркестровая яма. На сцене разворачивалось первое действие.

Из театральной программки мы узнали, что «Евгений Онегин» – лирическая камерная опера в трёх актах, семи картинах, на музыку Петра Ильича Чайковского, на либретто Константина Шиловского, по одноимённому роману в стихах А. С. Пушкина.

Я оглядел зал. Он был битком. Что не удивительно. Разгар театрального сезона, как нам пояснил Леопольд. – Людям скучно, вот и прут в театр. А летом никого. Полупустой зал. Жарко, душно, все на Море или за городом, – жаловался театральный функционер.

В «Царском Ложе» тоже были люди. – По виду иностранцы. Видно, делегация, – решил я. На сцене декорации, типа сад летом в поместье, куча людей, крестьяне поют заунывно.

Через десять минут Василиса и я начали откровенно зевать. Я её тихонько подёргал, привлёк внимание и указал на дверь, мол «выйдем». Та согласно кивнула, и мы с ней вышмыгнули из ложи.

В комнате за столиком сидел грустный мужик в старорежимном сюртуке.

– Вы кто такой?, – спросил я у него удивлённо.

Тот медленно встал во весь свой немалый рос и принял позу.

– Ну, и что?, – спросила Василиса с вызовом.

Тот стушевался и грустно молвил в рифму:

– «О времена, о нравы. Уж никто не узнает».

– Вы же не Никулин, чтобы Вас все узнавали. Небось поёте тут..., – ответил я ему и прервался, начиная понимать.

– Да, пою. Вернее, пел. Ноооо !, как пел... Не то, что эти, – ответил гордо незнакомец и небрежно махнул в сторону двери, ведущей в ложу, от которой доносились звуки действия на сцене.

– А, что Вы поёте или пели?, – задала вопрос Василиса.

– Ну, из этого, – гость махнул в сторону ложи, – это ария Гремина.

– Ну, так напоите нас, раз Вы такой талант, а то там, мы чуть не уснули, – предложила ему ехидно Василиса.

– За так-с, не пою-с, – с апломбом ответил незнакомец, ещё больше приняв позу гордеца.

– Так, а сколько?, – спросил я с интересом.

– Извольте-с красненькую-с, – ответил с надеждой в голосе певец.

– Это ж сколько в рублях?, – уточнил я.

– Известно-с сколько-с – десять целковых, – ответил тот.

– Огооо, – возмутилась Василиса, – да столько и в ресторане не берут...

Не успела она договорить, как гость вспыхнул от гнева и выпалил:

– Я не кабацкий горлодёр...

Но затем, вроде как что-то вспомнив, говорит спокойно:

– Мне бы хоть на рюмашку или вот хоть сами поднесите, – и кивает на нашу початую «Шустовского».

– Так в чём проблема. Сами бы и налили себе..., – начал я удивлённо, но был прерван его гневным взглядом и отповедью:

– Воровать-с не приучен-с ! Сударь !

И уже более смиренно:

– Ну так, что? Налъёте неприкаянному служителю Мельпомены?

– Вначале спой, – потребовала Василиса.

– А, что петь то?, – спросил он.

– Ну хоть из этого, – она кивнула в сторону дверей в ложу.

И гость с охотой затянул:

«Любви все возрасты покорны,

Её порывы благотворны.

И юноше в расцвете лет, едва увидевшему свет,

И закалённому судьбой бойцу с седой головой.»

– Стоп, стоп, – замахал я руками, останавливая певца.

– Что, не понравилось?, – с опаской, вперемишку с обидой, тот спросил.

– Понравилось, но громко очень, – поторопился я его успокоить и в подтверждение пододвинул к нему полную рюмочку коньяка.

– Что есть, то есть, – сказал он довольно, успокоившись и взяв осторожно полный до краёв маленький сосуд «амброзии», ловко его опустошил. После, занюхал её рукавом своего сюртука и крикнул от удовольствия.

– А, как тебя зовут?, – спросила Василиса.

– Так Фёдором кличут, – коротко тот ответил.

– Послушай, Федя, а как нам от сюда до Англетера добраться?

– Так просто. Хош пёхом, а хош на извозчике, коли пятак не жалко, – удивился тот вопросу, – туточки рядом, рукой подать, – добавил он.

– А, можешь нас проводить? А то, мы не местные, – продолжила Василиса использовать аборигена.

– Так с превеликим нашим удовольствием. Чего хорошим людям не помочь, – при этих словах он бросил красноречивый взгляд на недопитую бутылку коньяка.

– Ну, тогда в путь, – предложил я и махнул в сторону двери в коридор и добавил, – а это тебе за труды, может что споёшь нам по дороге, – и указал на возделенный им сосуд.

– Я Вас на выходе буду ждать, – сказал Федя нам в след.

– Наверное решил ещё рюмаху махнуть, – сказал я Василисе по дороге к гардеробу.

Под удивлёнными взглядами бабушек-билетёрш и гардеробщиц мы оделись и вышли на свежесть улицы. – Наверное, редко, кто уходит до конца первого акта, – сказал я Василисе. Та только хмыкнула неопределённо.

На улице нас уже поджидал Федя в шикарной бобровой шубе до самого полу и в такой же шапке-пирожке. В руках у него была импозантная трость. На ногах лакированные штиблеты. – Наверное из реквизита одолжил, хулиган, ха-ха, – подумалось мне.

Я что-то не мог вспомнить, как он мимо нас прошёл. Может через служебный выход. Но не важно. Наверняка, он же там служит.

Отойдя от театра, Федя затянул «Из-за острова на стрежень».

Мы, зная некоторые слова, с удовольствием ему подпевали. Затем была «Дубинушка» и «Эх, ухнем».

Тепло с ним распрощавшись у памятника Николаю I, он заторопился назад в театр, сославшись на срочные дела, а мы двинулись к себе в гостиницу, хорошо освещённый фасад которой уже был виден.

Нам в наших московских зимних одеждах было жарковато. Весна в «городе на Неве» вступала в свои права. Снег за день заметно осел и посерел. Под ногами была слякоть. Хотя снег с пешеходной и проезжей части был убран тщательно.

Неспеша дойдя до нашей «Англии», как нам расшифровал это мудрёное французское название гостиницы «Англетер», Леопольд, мы там сходили в наш номер и сняли только верхнюю одежду. Переодеваться специально для похода в ресторан смысла не было. Готовясь идти в театр, я взял тут же в гостинице напрокат смокинг, который мне подогнали за одну примерку и за десять минут. А Василиса имела прекрасные вечерние наряды у себя в безмерном багаже, который следовал с нами в багажном вагоне, а затем его доставили следом за нами в отель и в наш номер. Сервис и услуги по всей стране прямо на глазах достигли высокого уровня. Даже моя недавняя поездка на мою «малую родину» это подтвердила.

Конечно, личная заинтересованность играет большую роль. За фиксированную зарплату, даже самую высокую, этого не добиться. К сожалению, такова человеческая природа. Нужно в человеке пробудить интерес. Самый простой способ, это прямая материальная зависимость от достигнутого результата. Более сложный и требующий времени, это возвращение в человеке иных качеств, таких как любовь к своей работе, человеколюбие, энтузиазм и даже, если хотите совесть и бескорыстие. Ведь не на пустом месте возникли выражения «любимая работа» и «сделано на совесть»? Собственно говоря, на первом принципе построены социалистические отношения: «от каждого по возможностям и каждому по труду», а на втором уже коммунистические: «от каждого по возможностям и каждому по потребностям». Только я бы добавил, что «по возросшим возможностям» и «сознательным потребностям». А для этого, как правильно говорили все основоположники коммунистического учения, а потом и практики построения социализма-коммунизма, нужна материальная база, на основе новых производительных сил и производственных отношений. По этому поводу «кукурузник» даже заявлял, после своей поездки в США в 60-е годы, – что с этой точки зрения, в Америке можно хоть завтра объявить коммунизм, но там нет ни одного коммуниста в Правительстве. А у нас наоборот, одни коммунисты «у руля», а необходимой материальной базы и производительных сил для коммунизма недостаточно. Поэтому и возник этот дебильный для несведущих лозунг: «догнать и перегнать Америку!». А ещё и в Конституцию записали, что в 80-м году у нас уже будет Коммунизм! И что? Ну допустим, наступил Новый 1980-й год. Как был в стране дефицит, так он и остался. Все ехали за ним в Москву. Там можно было, день по ней побегав и постояв в километровых очередях, купить всё. А тут ещё и деньги отменили. То есть, можно идти в магазин всё брать бесплатно. Ну, Вы представляете, что произошло бы? Мягко говоря: «ничего хорошего». То есть это нельзя было бы назвать коммунизмом. Для коммунизма нужны другие люди. Которым всё равно: «есть в стране деньги или их нет». Они добросовестно выполняют свою работу. Дворник метёт улицу или чистит снег с раннего утра до позднего вечера за 90 рублей в месяц. Уборщица моет полы в учреждении, как у себя дома. То есть, не той грязной тряпкой елозит и размазывает грязь, а чистой и со сменой воды и даже с добавлением мыла. Так же, она «с любовью к ближнему» и туалет моет. И это тоже за те же 90 рублей в месяц. А работники этого учреждения, которые получают от 120 до 300 рублей в месяц и занимаются, например... планированием. Во-первых, бережно и с любовью относятся к труду уборщицы и ведут себя в учреждении «как принято в хороших домах», то есть не ходят обутыми и переобуваются в тапочки или в крайнем случае надевают бахилы. Не мусорят, а если где то по неосторожности и напачкали, то тут же за собой и убрали. И к своему делу так же относятся. То есть, так всё спланировали, что нет дефицита. И дворник с уборщицей получили положенные им квартиры, купили без очереди обычные продукты хорошего качества: не гнилую картошку и капу-

сту, свежие помидоры или там апельсины в своём городке, а не в Москве. И конечно, модную одежду и обувь по госцене. И их жизнь ни чем не отличается от жизни работников учреждения. Просто одним нравится мести улицу и убирать снег, другим заниматься уборкой и при этом не утруждать мозги. А третьим наоборот, хочется так мозгами поработать, что бы всем от этого было хорошо и ещё лучше. Вот тогда на улице наступит Коммунизм сам по себе. Как например, прошёл «каменный век», не от того, что камни кончились, а человек изменился. Так прошли эпохи рабовладения, крепостничества и феодализма, наступил капитализм и потом кое где социализм. Но перескочить из одного строя в другой нельзя. Обёртка будет красивая, а внутри будет ка-ка. Должен меняться человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.